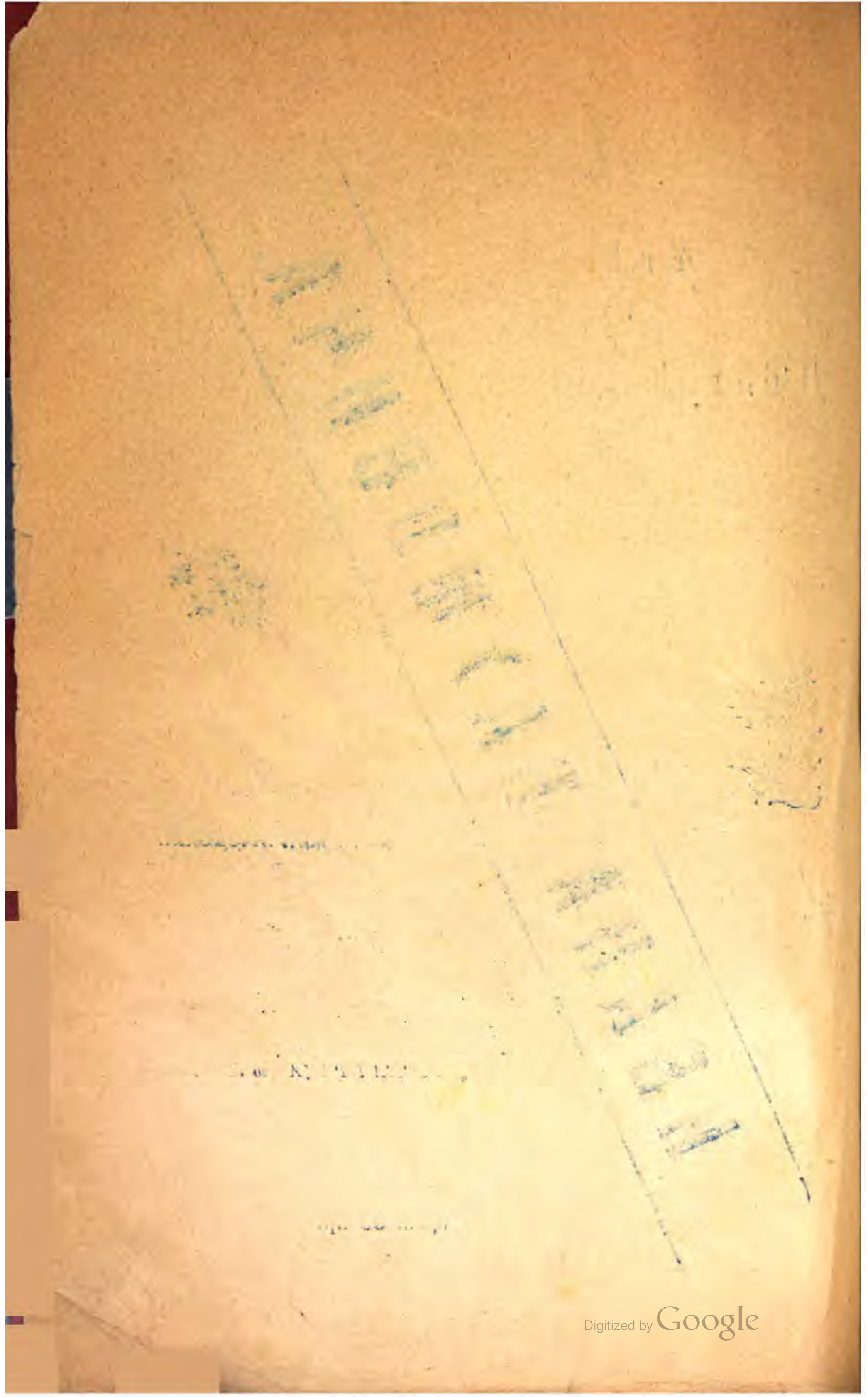
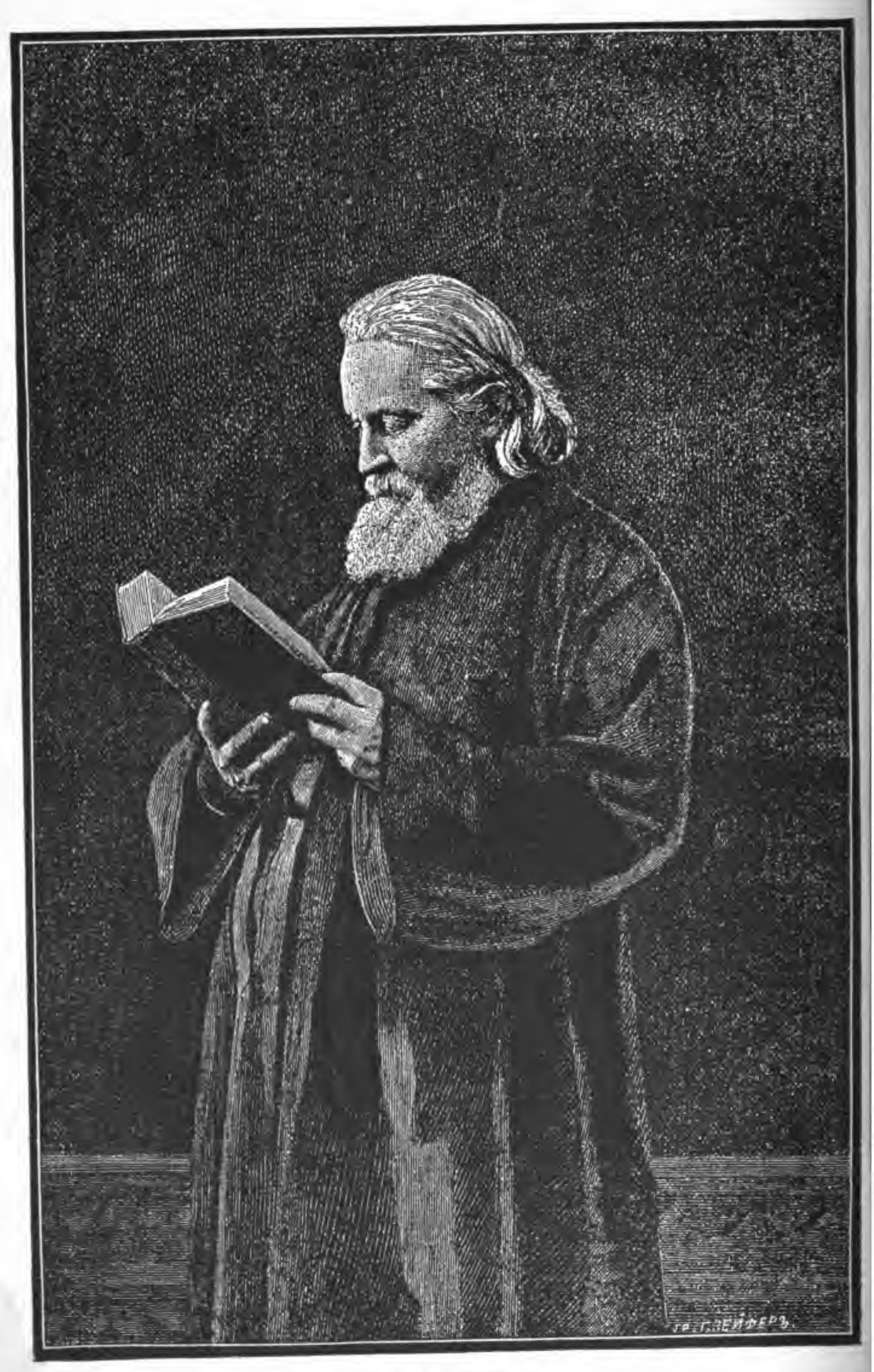
ЖИТЬЕ
и
ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ
ИВАНА НАУМОВИЧА.

НАПИСАЛЪ
О. А. МОНЧАЛОВСКІЙ.

Изданіе политичного Общества „РУССКАЯ РАДА" во Львовѣ.

Цѣна 50 кр.





ИВАНЪ НАУМОВИЧЪ.

Monchalovskii, Osip Andreevich
//

ЖИТЬЕ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

ИВАНА НАУМОВИЧА.

написалъ

О. А. МОНЧАЛОВСКІЙ.

Изданіе политичного Общества „РУССКАЯ РАДА“ во Львовѣ.

ЛЬВОВЪ.
Изъ типографіи Ставропигійского Института
подъ управленіемъ Осипа Данилюка.
1899.

ИВАНЪ НАУМОВИЧЪ.

Житье Ивана Григорьевича Наумовича*) и описанье его дѣятельностти во благо русского народа въ Галичинѣ, а по части и въ Буковинѣ, составляе часть исторіи Прикарпатской Руси, обнимающую полныхъ 40 лѣтъ. Початокъ той исторіи припадае въ 1851 г., коли Иванъ Наумовичъ выступилъ на поприще народной дѣательности, а кончится съ его смертію въ 1891 г., ибо хотя послѣднiи шесть лѣтъ своего житья ôнъ провелъ въ Россіи, все таки ôнъ не переставалъ живо и сердечно заниматись своею ôтчиною и своими земляками и трудился для нихъ не тôлько въ призначенныхъ для нихъ журналахъ и газетахъ, но и другими способами. Съ выступленьемъ Ивана Наумовича на поприще народной дѣятельности начинаеся въ Галичинѣ эпоха усиленного труда въ цѣли просвѣщенья простого народа и въ цѣли уменьшенья его нужды. И та эпоха не кончилась съ его смертію, або Иванъ Наумовичъ оставилъ русскому народу въ спадщинѣ свои сочиненія **), напечатанныи въ розличныхъ изданіяхъ, якіи лишь выходили въ Галичинѣ ôтъ 1848 до 1891 года, а изъ тѣхъ сочиненій, якъ изъ всенародного жерела, всѣ желающіи могутъ черпати вѣру къ Богу, преданность къ святой церкви и къ русскому обряду, любовь

*) Мы оставляемъ имя „Иванъ", не „Іоаннъ", по той причинѣ, що, хотя Наумовича, яко священника, мы должны бы называти церковнымъ именемъ Іоаннъ, яко приличнымъ лицу духовного званія, но весь народъ въ Галичинѣ знае его пôдъ народнымъ именемъ „Иванъ," якъ впрочемъ и самъ Наумовичъ на своихъ сочиненіяхъ пôдписывался.

**) Изданіемъ сочиненій Ив. Наумовича рѣшило — о скôлько намъ извѣстно — занятись основанное нимъ Общество имени Михаила Качковского. Предлежащое жизнеописанье Ив. Наумовича, выданне нынѣ „Русскою Радою" во Львовѣ, должно бы послужити яко-бы вступный первый Томъ до помянутого изданія его сочиненій, которыхъ печатанье начнется въ г. 1900.

къ русской народности и мудрыи рады для житья домашнёго, громадского, народного и политичного.

Писательская, общественная и политичная дѣятельность Ивана Наумовича, якъ сказано высше, обнимае 40 лѣтъ, а для того и жизнеописаніе его повинно бы обнимати исторію 40-лѣтного періода житья Галицкой Руси; но нынѣ еще не настала пора для того, щобы житье и дѣятельность сего знаменитого мужа, одного изъ найбôльшихъ народныхъ (популярныхъ) писателей не тôлько на цѣлой Руси, но и у другихъ просвѣщенныхъ народôвъ, представити подробно въ цѣлôмъ ихъ объемѣ и значеніи. Еще недавно то время, коли Иванъ Наумовичъ стоялъ передъ судомъ во Львовѣ, яко обвиненный въ измѣнѣ (здрадѣ) австрійской державѣ, — хотя ôнъ былъ засужденъ лишь за нарушенье общественного порядка, — еще недавно то время, коли ôнъ былъ принужденъ на старыи свои лѣта опустити горячо нимъ любимую Галицкую Русь и галицко-русскихъ братôвъ, щобы по великихъ трудахъ ôтпочати въ русской Державѣ и наконецъ найти вѣчное упокоенье на историчной Аскольдовой могилѣ въ Кіевѣ, въ „матери городовъ русскихъ." Полный матерьялъ для подробного жизнеописанья Ивана Наумовича може быти собранъ и изданъ пôзднѣйше, при чемъ немаловажною окажеся его обширная переписка съ пріятелями и единомышленниками, которыи разомъ съ нимъ и нимъ же заохоченныи, трудились для блага русского народа. По той причинѣ предлежащое жизнеописанье Ивана Наумовича буде содержати тôлько найважнѣйшіи данныи изъ его житья и дѣятельности, составленныи на основаніи его власныхъ записокъ („Наука", 1871—2), на основаніи „Матерьялôвъ къ біографіи И. Наумовича", собранныхъ И. Е. Левицкимъ („Кіевское Слово," н-ръ 2398, Кіевъ, 1894; „Бесѣда", Львовъ 1894), на основаніи матерьяла, находящогося въ газетѣ „Слово" (1861—1885), а также на основаніи личныхъ воспоминаній и записокъ автора сего жизнеописанья, часть которыхъ напечатана въ „Бесѣдѣ" за 1891, 1894 и 1897 гг. Для того, щобы характеристика данного человѣка,— чи ôнъ буде простый смертный, чи такій выдающійся дѣятель, якъ И. Наумовичъ, — выйшла найбôльше полною и ясною, далеко не безполезно звертатись до всякого рода автобіографичного матерьяла, на примѣръ, до писемъ того человѣка къ друзьямъ и знакомымъ, до записокъ его, до дневникôвъ и прч. На жаль, письма И. Наумовича еще не собраны, а изъ тѣхъ, которыи ôнъ писалъ къ автору сего труда, могутъ быти употреблены лишь нѣкоторыи. Записокъ дневникôвъ, мемуарôвъ (памятныхъ записокъ) И. Наумовичъ не оставилъ. Въ однôмъ

письмѣ изъ Кіева (1886) ôнъ писалъ вправдѣ автору сего труда: „Я въ непродолжительномъ времени начну писать мои мемуары, чтобы ихъ оставить моимъ дѣтямъ. Жаль, чтобы они пропали! А моя жизнь уже на закатѣ,“ — но постоянныи занятья не позволили ему исполнити того намѣреньи. Все таки и въ семъ біографичнôмъ матерьялѣ, который составляе основу настоящого труда, личность И. Наумовича выступае ясно и выразительно и представляеся въ полнотѣ своихъ высокихъ свойствъ души, великого и рôзнообразного таланта, всесторонного образованья и горячого самоотверженного народолюбія. Тѣ свойства выступаютъ особенно въ статьяхъ И. Наумовича, которыи представляются ничѣмъ инымъ, якъ тôлько его „письмами“ ко всему русскому народу въ Австріи и рисуютъ И. Наумовича великаномъ духа, характера и патріотизма.

Молодыи лѣта И. Наумовича.

Иванъ Наумовичъ родился 14 (26) января 1826 г. въ селѣ Козловѣ, нынѣшнёго повѣта Каменки Струмиловой, въ домѣ своего дѣда по матери, Николая Дроздовского, пароха въ Козловѣ и декана Бужского. Отецъ И. Наумовича, Григорій, былъ учителемъ въ Бужску (то названіе походитъ ôтъ названія рѣки Бугъ, отже правильно пишеся: Бужскъ, хотя народъ говоритъ: Бускъ и Буськъ), невеликôмъ до нынѣ мѣсточку, вблизи которого сходятся четыре рѣки: Бугъ, Полтва, Солотвина и Рокитна.

Первоначальное образованіе получилъ И. Наумовичъ въ школѣ, пôдъ руководствомъ своего отца. Родители Ивана Наумовича, якъ ôнъ самъ говоритъ („Наука“ 1871—2), старались дати ему найлучшое воспитаніе и призначили его уже зъ-маленьку до духовного званія.

Время дитинства Ивана Наумовича розличалось сильно ôтъ нашого времени. Тогды каждый, кто перемѣнилъ сердакъ или селянскую опанчу на мѣщанскій кафтанъ, или на сурдутъ, уже стыдался русского слова и русского рода. Такъ было и въ домѣ учителя Григорія Наумовича, который даже читати не умѣлъ по русски. По той причинѣ въ дитинныхъ лѣтахъ Иванъ Наумовичъ не зналъ ни слова по русски. Въ то время въ галицкихъ школахъ не учили ни одной русской буквы, а все лишь по польски и по нѣмецки; а такъ якъ и въ домѣ Григорія Наумовича говорили лишь по польски, то и первыи молитвы научился Иванъ Наумовичъ по польски. Маючи пять лѣтъ, ôнъ служилъ въ латинскôмъ

хостелѣ до „мши,“ хотя не зналъ и слова латинского. Помимо того изъ дома родичей И. Наумовича все таки не совсѣмъ изчезъ русскій духъ, ибо его поддержовала принадлежность домовникôвъ до русской церкви. Именно родичи И. Наумовича съ дѣтьми ходили въ русскіи праздники въ церковь, а въ каждый праздникъ Господскій, Богородиченъ и св. Николая, мати И. Наумовича, Марія, ставила передъ ôтповѣднымъ образомъ свѣчку или лампадку, а отецъ читалъ русскій акафистъ изъ книжечки, писанной польскими буквами. Онъ забирался дати своего сына Ивана на науку русского письма и писанія до дьяка, но къ тому не прійшло. Впрочемъ Григорій Наумовичъ былъ учитель хорошій и добрый отецъ семьи. Онъ происходилъ изъ мѣщанъ-старожилôвъ города Залочева и сталъ учителемъ тôлько за стараньемъ своей матери, господарной, розумной и русской женщины. Отецъ Григорія, а дѣдъ Ивана Наумовича, сильно любилъ напиватись и не дбалъ про дôмъ и сынôвъ, а о тôмъ, щобы ихъ посылати въ школу, и слухати не хотѣлъ. Но жена его тайкомъ записала Григорія въ школу и тѣмъ спасла его ôтъ перехода въ латинство. Дѣло было такъ: Латинскій катихитъ приказалъ Григорію приступити съ дѣтьми латинского обряда къ св. причастію въ костелѣ. Но о тôмъ довѣдалась мати Григорія и, прибѣжавши въ костелъ, вытягнула своего Гриня изъ по-межь школьныхъ дѣтей и на весь костелъ сказала катихиту: „А вы ôтки маете право полячити мою дитину?“ Изъ костела завела она Гриня въ русскую церковь и не ôтступила ôтъ него, поки ôнъ не запричащался после обряда своихъ дѣдôвъ-прадѣдôвъ. Наслѣдивши ôтъ матери любовь къ просвѣщенію, Григорій Наумовичъ старался розширити оное и въ своей школѣ. Школа въ Бужску была всегда переполнена, но найбôльше дѣтьми латинского обряда, ибо Русины неохотно посылали своихъ дѣтей, а кромѣ того русскіи мѣщане жили на передмѣстьяхъ. Григорій Наумовичъ однако, въ четвергъ пополудни, коли не было школы, и въ Недѣли и свята, ходилъ по передмѣстьяхъ ôтъ хаты до хаты и намовлялъ мѣщанъ, щобы они посылали своихъ дѣтей на науку. Такимъ способомъ и русскіи дѣти стягалися въ школу.

Помимо скудной платни, именно 100 реньскихъ и опала въ годъ, и помимо того, що у него было семеро дѣтей, учитель Григорій далъ своего сына, Ивана, во Львовъ, щобы ôнъ посѣщалъ гимназію. Будучи дуже веселого успособленья, Иванъ Наумовичъ, хотя у него была хорошая память, не ôтличался въ наукахъ передъ другими, но въ письменныхъ задачахъ ему не было рôвного. Корыстаючи изъ сего дарованія, И. Наумовичъ помагалъ своимъ товаришамъ писати школьныи задачи, а то ему придбало пріятелей. Коли И. На-

умовичъ былъ уже въ пятой гимназіальной клясѣ, одинъ его товаришъ, которому тупо ишла наука, предложилъ ему, щобы ôнъ приходилъ его учити, а ôнъ за то тайкомъ передъ своею матерью (отецъ того товариша не жилъ во Львовѣ) буде его харчовати и дасть ему у себе кутокъ на нôчь. Иванъ Наумовичъ, получаючи изъ дому дуже малую пôдмогу, принялъ съ радостію то предложенье и написалъ своему отцу, що той уже за него платити не потребуе, ибо ôнъ самъ удержуеся. Якое-то было житье, можно пôзнати изъ слѣдующого: Свои вещи умѣстилъ Иванъ Наумовичъ въ сѣняхъ, въ такъ-званôмъ „шлябанѣ" (Schlafbank), т. е. скринѣ, которая днемъ служитъ за лавку, а на нôчь за лôжко. При тôмъ „шлябанѣ" стоялъ стôлъ, на которôмъ лакей чистилъ одежу и чоботы. Тутъ, при тôмъ столѣ, Иванъ Наумовичъ съ товаришемъ учились. Товаришъ Ивана Наумовича (ôнъ въ „Науцѣ" за 1871—2 г. не записалъ его имени, тôлько означилъ его начальными буквами Т. А.) приносилъ ему ôтъ обѣда и вечери куски хлѣба и мяса, но такъ, щобы мати не замѣтила. На нôчь клался Иванъ Наумовичъ въ „шлябанъ," но дуже рано вставалъ, щобы его никто не увидѣлъ. Такимъ способомъ ôнъ пробѣдилъ кôлька мѣсяцêвъ. Одной ночи однако, мати ученика Т. А., проходячи черезъ сѣни, замѣтила, що кто-то спитъ въ „шлябанѣ" и паробила крику. Позбѣгалися всѣ домашніи и увидѣли въ скринѣ Ивана Наумовича. Можна собѣ представити, скôлько стыда вытерпѣлъ бѣдный юноша. Но мати А. Т., которая неразъ днемъ видѣла, якъ съ ей сыномъ учился Иванъ Наумовичъ, успокоила его и роспытавши про его житье, на другій день взяла его въ свои комнаты.

Не долго однако спріяло счастье Ивану Наумовичу. Пôдчасъ празднинъ, его пріятель А. Т. вступилъ до войска и Иванъ Наумовичъ стратилъ средства для житья. Понеже въ тотъ часъ молодшій братъ Ивана Петръ, также вступилъ въ гимназію, а отецъ не мôгъ за двохъ платити, то звернулся ôнъ съ просьбою до графини Миръ, до которой належалъ Бужскъ, о помôчь для Ивана. Богатой и милосердной графинѣ подобался молодый студентъ, особенно для того, що ôнъ зналъ французскій языкъ, которого еще въ дитинствѣ научился ôтъ одного французского капитана, проживавшого въ Бужску, и она вызначила Ивану Наумовичу 3 зл. на обиталище и приказала давати ему харчъ, одежу и все, що ему потреба. Графиня все говорила Ивану Наумовичу, що дасть ему на окôнченье школъ и возьме его на своего адвоката. Но не судилось Ивану Наумовичу быти адвокатомъ. Найшовшись въ достаткахъ, ôнъ попалъ въ компанію легкодушныхъ товаришей и занедбалъ школу такъ, що не выдер-

жалъ испыта изъ шестой клясы. Графиня опечалилася тымъ дуже, а Иванъ Наумовичъ не малъ уже лиця повертати въ еи дôмъ.

И знова настали злыдни для юноши, тѣмъ бôльши, що съ нимъ разомъ жилъ и братъ Петръ,*) которого отецъ, переселяючись изъ Бужска въ Залѣщики на учителя головной школы, оставилъ Ивану. Оба братья боялися писати родичамъ о своей нуждѣ, но выпровадилися за городецку рогатку и нанялися у мельника Д. Айтнера, нѣмця-лютеранина, за хлопцêвъ при вѣтраку. Тамъ оба братья носили мѣшки, обертали крыла млына до вѣтру, ковали жерновый камêнь, мололи по цѣлыхъ дняхъ и ночахъ, а коли не было вѣтра, мѣсили тѣсто и пекли хлѣбъ, который розвозили въ городъ на продажу. Молодыи неопытныи юноши привыкли съ часомъ до млына такъ, що написали родичамъ, що хотятъ стати мельниками и пекарями. Но Григорій Наумовичъ ôтписалъ нѣмцю-мельнику, щобы ôтдалилъ хлопцêвъ изъ свого дому, а хлопцямъ, щобы они безпроволочно вернулись въ Залѣщики. Оба братья пѣшкомъ перейшли 32 мили ôтъ Львова до Залѣщикъ. Мати встрѣтила ихъ съ плачемъ, а отецъ съ глубокимъ смуткомъ. Но ôнъ потôмъ подобрѣлъ и простилъ сынамъ ихъ блудъ.

По празднинахъ (вакаціяхъ) родичи выправили Петра въ гимназію въ Черновцы, а Ивану отецъ сказалъ: „У тебе было доброе мѣстце у графини, но ты стратилъ его черезъ свое легкодушіе; для того треба, щобы ты зазналъ бѣды. Иди собѣ, куда знаешь, а я тобѣ ничого не дамъ.“ Коли прійшолъ часъ ѣхати въ школы, мати Ивана завязала въ платокъ бѣлье, дала ему серебряный рубль, ибо тогды всюда въ Галичинѣ и на Буковинѣ ходили рубли, сторговала жидôвскую будку, перекрестила сына и ôтправила во Львовъ. Тутъ Иванъ Наумовичъ найшолъ собѣ кутикъ у служащого въ гостинницѣ, Башинского, который жилъ въ тôмъ мѣстцѣ, где нынѣ переходъ по-при ормянскій костелъ изъ улицы ормянской на скарбковскую. Носячи рано до-свѣта и вечеромъ воду и дрова своей господынѣ, Иванъ Наумовичъ получалъ отъ ней кутокъ и где якій харчъ и прилѣжно учился. Потомъ ôнъ роздобылъ лекціи, т. е. училъ другихъ мальчикôвъ, за що получалъ то гроши, то харчъ, и уже доля его стала поправлятись, ажь до той поры, якъ ôнъ заболѣлъ тифомъ и очутился въ больницѣ Піярôвъ (нынѣ: „головная больниця“), въ комнатцѣ пôдъ н-ромъ 63. Выйшовши по семи недѣляхъ изъ больницы, Иванъ Наумовичъ направился на улицю ормянскую, где

*) Петръ Григорьевичъ Наумовичъ вступилъ потôмъ до войска и дослужившись чина капитана, выйшолъ въ отставку въ чинѣ маіора. Онъ поселился въ Яновѣ пôдъ Львовомъ и умеръ тамъ-же въ 1864 г. ôтъ раны, полученной въ битвѣ пôдъ Маджентою.

жилъ Башинскій, но той збожеволѣлъ, а жѐнка его съ дѣтьми выбралася — не знати куда.

И снова остался Иванъ Наумовичъ безъ кутика и хлѣба, ибо черезъ болѣзнь ôнъ потратилъ всѣ лекціи. Въ горю своемъ ôнъ пôйшолъ передъ церковь св. О. Николая на жолкôвской улицѣ и, помолившись и поплакавши тамъ, вернулся въ городъ. Тутъ ему повстрѣчался его товаришъ изъ школы, жидъ, который предложилъ Ивану Наумовичу, щобы ôнъ училъ его молодшого брата. Отецъ жида былъ властителемъ заѣздного дома на краковской площади. Иванъ Наумовичъ съ радостію присталъ на то и, ночуючи въ тѣхъ заѣздныхъ комнатахъ, которыи были вôльны, училъ жидка, самъ учился и еще зараблялъ стôлько, що ему выстарчало на харчъ. При кôнцѣ школьного року ôнъ здалъ испытъ съ добрымъ успѣхомъ и пустился пѣшкомъ въ Залѣщики до дому. То было лѣтомъ 1844 года.

Въ то время гимназія имѣла тôлько шесть клясъ, нынѣшніи же семая и восьмая клясы назывались „философіею". Осенью 1844 г. Иванъ Наумовичъ былъ принятъ на „философскіи" студіи, въ русскую духовную семинарію во Львовѣ. Польская шляхта и польскіи политики не переставали тогды думати о ôтбудованью польской державы, а понеже они недавно, ибо въ 1831 году, произвели повстанье, то австрійское правительство, и безъ того строгое, зорко слѣдило за тѣмъ, щобы межь учащоюся молодежью не было революційныхъ писемъ и вообще запрещенныхъ книжокъ. По той причинѣ настоятели духовной семинаріи были обовязаны часто предпринимати ревизіи у питомцѣвъ, а коли у которого найшли щô-либо такое, що не належало до науки, того карали, или и выдаляли изъ семинаріи. Галицкая Русь была въ то время такъ ополячена, що семинаристы говорили межь собою по польски; такъ само и проповѣди въ львовскихъ церквахъ говорились по польски. Историчная Польща такъ заѣла русскій духъ въ Галицкой Руси, що даже священники, которыи жили изъ русской церкви и съ русскимъ народомъ, или не умѣли по русски говорити, или стыдались русского слова. Не дивно для того, що и въ русской семинаріи процвѣталъ польскій духъ, ибо особенно на семинарію звернули зоркую увагу польскіи агитаторы и эмигранты, та усердно старалися, щобы, захвативши въ свои руки пастырей, повести и „стадо," т. е. русское населеніе Галичины, за Польщу воевати. Польскіи эмигранты, которыхъ тогды во Львовѣ было особенно много, разъ для того, що не давно было розбито повстанье, другій разъ для того, що приготовлялось новое повстанье, не тôлько втискались въ семинарію, но и на улицѣ пôдсували русскимъ питомцямъ революційныи книжки. Особенно

занимался русскими семинаристами Касперъ Ценглевичъ, который составлялъ даже русскіи стишки, писанныи латинскими буквами (фонетики еще тогды не знали), щобы тôлько приманити русскихъ юношей для польской справы. А понеже австрійское правительство и полицiйныи порядки не мали у молодежи сочувствія, то и русскіи семинаристы видѣли въ Польщѣ мученицю за свободу, а въ Австріи и Россіи еи угнетательницы.

Иванъ Наумовичъ прожилъ въ семинаріи, середъ такихъ обстоятельствъ, до памятного 1848 года. Той годъ принêсъ русскому народу въ Австріи освободженіе ôтъ панщины и воскресеніе русского духа въ древней Галицкой Руси не тôлько для русского населенія Галичины, но и для Ивана Наумовича. Дня 7(19) марта 1848 года упало во Львовѣ абсолютное правленіе и польскіи политики задерли головы до горы, ибо они числили на то, що конституція верне имъ тѣ права, якіи шляхта мала за временъ польской державы, въ чêмъ, якъ нынѣ видимъ, они не дуже ошиблись. Во Львовѣ зашумѣло, якъ въ котлѣ. Польскіи жители и польскіи студенты университета образовали „народовую гвардію;" польское населеніе города затребовало выпущенья на свободу всѣхъ политичныхъ преступникôвъ, которыхъ австрійское правительство держало въ арестахъ; на улицяхъ Львова польскіи политики, особенно-же Янъ Добжанскій, позднѣйшій редакторъ „Gazet-ы Narodow-ой," ополяченный потомокъ русского рода Добрянскихъ, говорили горячіи рѣчи о „вôльности, рôвности и братерствѣ." Подшитыи польскимъ духомъ семинаристы, межи ними и Иванъ Наумовичъ, нарядили синіи конфедератки съ бѣло-червоными кокардами, выповѣли настоятелямъ семинаріи послушаніе и стали вступати въ „гвардію." Иванъ Наумовичъ, принадлежавши до найбôльше живыхъ юношей, былъ межь тѣми, що выпрягли коней изъ повозокъ, въ которыхъ ѣхали выпущенныи изъ вязницы польскіи патріоты, и обвозили ихъ по цѣлому городу. Одинъ изъ польскихъ эмигрантôвъ, Антоній Pіетъ, основалъ тайное революцiйное Общество: „Towarzystwo braci," куда пристали и семинаристы, уплативши 5 зл. вступного. На засѣданьяхъ того Общества Ріетъ проповѣдовалъ „рôвность, вôльность, братерство", но тыхъ русскихъ священникôвъ, которыи противились панованью Польщи надъ Русью и хотѣли свою русскую народность розвивати въ користь русского народа, ôнъ исключалъ изъ братства и твердилъ, що они перекуплены московскими рублями, вслѣдствіе чого они „вороги человѣчества и свободы." Той-же Ріетъ училъ, що Польща, съ помощію Франціи и Англіи, побье Нѣмцêвъ и Москалей и воскресне для того, щобы „ширити

братство межь людьми.“ Ивана Наумовича, который также принадлежалъ до того Общества, поразила вправдѣ вражда польскихъ агентôвъ до русскихъ священникôвъ, но ôнъ, выросши въ польскôмъ дусѣ, не розумѣлъ стремленья русскихъ священникôвъ и вѣрилъ Ріетови. Часть семинаристôвъ, которыи не знали, щó робити пôдчасъ такого замѣшательства, ôтправилась къ тогдашнёму епископу, а пôзднѣйшому митрополиту, Григорію Яхимовичу, и запытала его: „чи свобôдно семинаристамъ носити гвардейскій мундуръ?“ Епископъ ôтповѣлъ имъ: „Свободно, но семинарія основана для тыхъ, которыи хотятъ быти священниками.“ Семинаристы, входившіи въ составъ депутаціи, порозумѣли отвѣтъ епископа и не вступили въ гвардію; но коли депутація вернулась въ семинарію, Иванъ Наумовичъ съ насмѣшкою запыталъ депутатôвъ по польски: „А скôлько вамъ Епископъ далъ рублей?“ Онъ на-правду повѣрилъ польскимъ агентамъ, щó пробужденіе руского духа было вызвано „московскими“ рублями!

Вскорѣ однако пришлось Ивану Наумовичу и многимъ его товарищамъ розчароватись въ своемъ увлеченіи польскою мыслію и просвѣтитись духомъ русской правды... Добжанскій и другіи уличныи бесѣдники, на знакъ братства и рôвности, цѣловались съ мужиками и жидами и кричали также: „Ньехъ жию Русины!,“ но якъ тôлько пришло ôтъ слôвъ до дѣла, тогды показалось, якое значеніе маютъ слова о рôвности и братствѣ. Уже 6 (18) марта 1848 г. стали Львовскіи жители въ розличныхъ мѣстцяхъ Львова пôдписывати адресъ къ Императору, а въ адресѣ тôмъ были высказаны желанія края, а властиво тôлько однихъ Полякôвъ. Щобы русское населеніе ввести въ блудъ и его наклонити до пôдписыванья того адреса, послѣдній былъ напечатанъ также по русски; розумѣеся, въ немъ ни словомъ не упоминалось о потребахъ русского народа, ни даже о тôмъ, що въ Галичинѣ живе русскій народъ! Во время пôдписыванья адреса, въ будынку академіи, которая стояла тамъ, где нынѣ стоитъ русскій „Народный Домъ,“ прозойшолъ случай, самъ по собѣ будьто маловажный, но освѣщающій тогдашніи ôтношенья. Одинъ изъ Полякôвъ вынёсъ адресъ на коридоръ и сталъ его громко читати собравшомуся на коридорѣ народу. Первая точка требованій адреса гласила: „Обезпеченье польской народности и для того знесенье всякихъ ограниченій, которыи бы спиняли еи свобôдное розвитіе; введенье польского языка въ школахъ, судахъ и политичныхъ урядахъ.“ На коридорѣ академіи, якъ уже сказано, собралась великая толпа народа, которая съ уватою и въ тишинѣ слухала адресъ. Но коли читающій съ притискомъ сказалъ:

„обезпеченье польской народности,“ изъ толпы роздался твердый голосъ: „и русской!“ Сей голосъ поразилъ всѣхъ, якъ грôмъ изъ ясного неба. Одни крикнули: „шпіегъ!,“ другіи по старому обычаю: „здрайца! пречъ съ нимъ!“ и въ толпѣ насталъ шумъ и заколотъ. Слова тѣ произнесъ Кирилъ Вѣнковскій, адъюнктъ финансовой прокураторіи во Львовѣ. Въ отвѣтъ на тѣ два слова польскіи агитаторы выступили съ пламенними бесѣдами противъ Россіи и русского царя, начали утверждати, що тіи Русины, которыи требуютъ правъ для русского народа, пôдкуплены россійскими рублями и т. п. (То само и нынѣ они говорятъ на тыхъ твердыхъ Русинôвъ, которыи не хотятъ писати фонетикою). Въ толпѣ было также кôльла русскихъ семинаристôвъ, которыи пôддержали требованье К. Вѣнковского. Но они были принуждены утѣкати, ибо толпа хотѣла имъ показати наглядно, т. е. кулаками, якъ выглядае на дѣлѣ „братерство.“

Воскликъ К. Вѣнковского на коридорѣ академіи былъ однако тôлько ôтголоскомъ дѣятельности Львôвскихъ русскихъ патріотôвъ, которыи завязали Общество „Головную Рускую Раду“ для обороны правъ русского народа. Пôдъ предводительствомъ епископа Григорія Яхимовича и крылошанина Михаила Куземского, пôзднѣйшого епископа Холмского, „Головная Русская Рада“ начала заходитись около организаціи русского народа и составленья ôтъ имени его адреса къ Императору.

Многіи изъ семинаристôвъ, увидѣвши дѣятельность своихъ духовныхъ начальникôвъ, опамятались и ôтступили ôтъ польской партіи. Но Иванъ Наумовичъ, звязанный принадлежностью до „Towarzystwa braci“ и, якъ все свое житье, не числившій на милость епископôвъ, остался въ сторонѣ ôтъ русского движенія. Его особенно забаламутили польскіи патріоты тымъ, що для противодѣйствія „Головной Руской Радѣ,“ они основали политичное Общество „Рускій Соборъ“ и начали выдавати газету „Дневникъ Русскій,“ будто бы для обороны русского народа. До того „Руского Собора“ належали такіи „Русины,“ якъ ополяченныи графы Александръ и Владиміръ Дѣдушицкіи, князь Пузына, выше упомянутый польскій агитаторъ Касперъ Ценглевичъ и др. На счастье для Ивана Наумовича, семинарію, по причинѣ безпорядкôвъ, роспустили и ôнъ ôтъѣхалъ до родичей въ Залѣщики. Тамъ ему случилась пригода, которая дала толчокъ къ его оброзумленію. Ведля принятой членами „Towarzystwa braci“ обовязанности, ôнъ пôйшолъ разъ на мôстъ на Днѣстрѣ, где тогда много собралось народа, ибо ôтбывалась бранка на вôйну съ Италіею и съ Мадьярами, и ту сталъ ôнъ говорити о братерствѣ и о Польщѣ, о вôйнѣ послѣдней съ Россіею

и якъ Польща буде диктовати свои права въ Москвѣ. Мужики обступили Ивана Наумовича и одни, звычайно русскіи люди, насмѣшковалися, а другіи бутьто-бы слухали, но недовѣрчиво крутили головами. Коли однако молодый бесѣдникъ сказалъ, що Польща съ Францією побье „Москаля," вся толпа зареготалась на весь голосъ. Мужики стали еще бôльше насмѣхатись надъ Иваномъ Наумовичемъ, пытали его, зъ-ôтки ôнъ возьме войско, бо мужики не пôйдутъ за Польщу битись, а съ одними „гвардистами" та ихъ офицерами „Москалеви" не вдѣютъ ничого, а наконецъ одинъ мужикъ сказалъ: „Чи вы, паничу, не русская дитина? Вашъ тато ходитъ на службу Божу до церкви, щó вы за такій Полякъ?" Иванъ Наумовичъ ôтповѣдалъ мужикамъ, якъ мôгъ, но одинъ мужикъ приступилъ до него, знялъ зъ его головы польскую рогатывку и сказалъ: „А вы, паничу, возьмѣтъ ту шапочку и такъ киньте ю о землю -- и такъ ю здопчѣтъ, здопчѣтъ, а ôттакъ плюньте и киньте въ Днѣстеръ (все то мужикъ и здѣлалъ); — о такъ, такъ, нехай пропадае Нольща!" Мужики зареготались, а синяя конфедератка поплыла собѣ Днѣстромъ. Иванъ Наумовичъ не зналъ, що робити; но коли одинъ паробокъ, якъ то на селѣ умѣютъ, заточился на него для зачепки, ôнъ, боячись, щобъ мужики еще и не поколотили, пôйшолъ безъ шапки домôвь.

Сей случай вызвалъ рѣшительный переворотъ въ мысляхъ Ивана Наумовича. Ôнъ самъ розсказалъ ту перемѣну такъ:*) „Ажь теперь я сталъ тверезо роздумовати о Польщѣ. Я не зналъ еще нашого народа, ибо николи не бывалъ на селѣ, николи не малъ сношенія съ людьми. Я выховался въ спольщеннôмъ Бужску, ôттамъ пôйшолъ до Львова, все русское во мнѣ было лишь якое-то темное чувство, но оно было, ибо менѣ все на мысли была моя бабка Золочêвская, якъ выхопила отца моего ôтъ латинской комуніи, и многіи повѣсти моей матери о всякихъ панскихъ збыткахъ и кривдахъ народа; и менѣ стыдно стало, що я пустился на ту дурную дорогу! Польща, думаю собѣ, кричитъ: Вôльность, рôвность, братерство! Слова красны, но чему тѣхъ словъ не слухае народъ? Якъ бы Польща была по-правдѣ за вольностію, чи народъ хотѣлъ бы неволи? Но якая-жь то вольность, если русскому народу не вôльно упоминатися о права своей народности? Якая-жь то рôвность, если польская народность мае старшовати? Якое то братерство, если Русина, обôзвавшогося за своею народностью, закричали, заверещали прозвисками: „Szpieg, zdrajca?"

*) „Наука" 1871—2, стр. 364.

Того-же лѣта появилась въ Европѣ холера, ôтъ которой умеръ отецъ Ивана Наумовича. Старшій братъ его, Петръ, вступилъ въ войско, молодшіи братья и сестры давнѣйше поумирали, осталась тôлько одна молодшая, 17-лѣтняя сестра. По смерти Григорія Наумовича родина его не мала що робити въ Залѣщикахъ и для того переѣхала къ брату матери И. Наумовича, который былъ въ Кентахъ, на Мазурщинѣ, директоромъ школы.

Въ 1885 г., И. Наумовичъ началъ писати „Вспоминку изъ молодецкихъ лѣтъ", въ который такъ представилъ свои молодыи лѣта, ажь до выѣзда изъ Залѣщикъ.*)

„Ге..., милый Боже! Якъ то лѣта бѣгутъ, якъ тѣ волны на быстрой рѣцѣ плывутъ, що и не втямишься, якъ изъ молодця станешь старцемъ! Та теперь, по-правдѣ сказавши, мало где и побачите такихъ молодцѣвъ, якъ мы были до всего, и до науки, и до всякихъ — якъ то молодость съ собою приноситъ -- збыткôвъ (шалостей). Якось теперь молодежи не пильнуютъ такъ, якъ бывало за насъ, бо теперь инакшіи часы: що за насъ было страшнымъ преступленіемъ, теперь вôльно, ба - таки приказано, якъ на прч. гимнастика, солганье (катанье) по леду и пр. Бывало — борися въ школѣ съ товаришемъ, сейчасъ и плохая нота изъ обычаѣвъ, а за солганку таки проганяли изъ шкôлъ. То мы, хлопцѣ, бывало во Львовѣ ночью тихцемъ въ однихъ сорочкахъ повыходимъ на подвôрье, где уже вечеромъ мы приготовили коновки, и носимъ воду на солганку, и ждемъ, ажь замерзне, бѣгаючи по коридорѣ: а коли замерзне, таки на босака солгаемся якихъ двѣ години, ажъ поки въ ноги запары не зайдутъ и цѣлыи не покостенѣютъ. А рано, бывало, иде господарь, дюпае сокирою нашу роботу, а мы стоимо, та воздыхаемъ; слѣдующой ночи знову заливаемъ свѣжою водою. Теперь якось не видно такихъ; и то лучше, що гимнастику и солганье позволяютъ. Або перебѣгчи одного дня, ей Богу — правда, изъ Бережанъ до Залѣщикъ, пѣшки, еще до того ничого не ѣвши! То такую штуку не каждый нынѣшній школярь утне, а у мене то бывало: задумаю, тай здѣлаю.

„Въ Залѣщикахъ были мои покойныи тато учителемъ, но учителемъ, якихъ мало! А при Залѣщикахъ-то вамъ прекрасный теплый край, тамъ весна скорше, якъ тутъ, коло Львова, тамъ голова кукурузамъ, кавунамъ, тютюнамъ, а уже и вино доходитъ. А сады-то тамъ чудны! За Залѣщиками, за Днѣстромъ, Крещатикъ. Тамъ-якъ Швайцарія! Такіи скалы, горы, а середъ скалъ монастырь стародавній, а до него на праздники св. Іоанна Крестителя стремится множество народа

*) Рукопись находится у автора сей біографіи.

изъ цѣлой Буковины, та и изъ нашого Покутья, ба, и изъ заграничной Волощины. Тамъ, изъ-пôдъ монастырка тече вода, по-правдѣ цѣлебная, — не разъ я то и на собѣ испыталъ. Щобы ты якъ былъ нездоровъ, напийся той водицы, то такъ, гей духъ въ тебе входитъ; еще тамъ есть три каменныи корыта, — роздягнися, скупайся — правда, що вода дуже холодна, но скупавшись, почервонѣешь якъ кармазинъ и такій легкій станешь, що на верхъ горы птахомъ выхопишься. А низше ôтъ корытъ, на 8 крокôвъ, спустившись въ долину, побачишь пещеру изъ текущого каменя (сталактита), що и не пожалѣешь труда, що-сь ишолъ на Крещатикъ. То такая пещера, якъ якая копиця сѣна. Ôтъ запада вырубанъ вхôдъ; влѣзешь тамъ-туда — залѣзешь въ комнатку, якую сама природа создала для якого-то пустыножителя. Но тамъ никто въ ней не жіе, хотьбы мôгъ, бо теперь пустыножителей нема, — за то бôльше пустоты, яхъ потреба, — то тамъ теперь лишь лылики жіютъ, и висячи на ножкахъ при сосулькахъ текущого каменя, — въ день спятъ, а ночью вылѣтаютъ за мухами.

„Бывало по тыхъ горахъ, пріѣхавши на праздники, бѣгаю, буяю! Где уже найôтважнѣйшій паробокъ не долѣзе на скалу до корчика лѣщины за орѣхами, я долѣзу, наберу щеканцêвъ и злѣзу, гей та коза; а бывало и такъ, що коза упаде и розôбьеся. Но молодецкіи лѣта, чудныи вы лѣта, — кажеся, для нихъ нѣтъ ничого невозможного!

„Въ году 1848 загорѣло, якъ знаете, во всѣхъ головахъ. И Нѣмцы и Италіане, и Венгры и Поляки рушились розбурювати Австрію. Я пріѣхалъ, розумѣеся, своими кониками домôвь. Вижу — на мѣстѣ страхъ — темрява народа. А то была бранка. Хлопцêвъ такихъ найшло, що жидова поховалася, попрятала все, щó было, и крамницы позапирала, бо то народъ, знаете, ôтъ кулеши здоровый та бутный. Выйшолъ капитанъ, чи якійсь-тамъ старшій, та дивится, що тôлько хлопцêвъ, та повѣдае: „Зачѣмъ вы тôлько ихъ навели, коли ихъ тôлько не кликали?“ А одинъ старый мужикъ повѣдае: „Мы всѣхъ привели, щобы ишли боронити Монарха! Выбирайте и тыхъ и тыхъ, которыи вамъ сподобаются, и скажѣтъ Монархови, щобы не боялся ніякихъ бунтовникôвъ, ни Таліанôвъ, ни Венгрôвъ, ни Полякôвъ, бо якъ нашихъ сынôвъ выбьютъ, то мы сами старыи еще пôйдемъ!“ Капитанъ послухалъ, поплескалъ его по плечахъ, тай пôйшолъ. Такій тогда после панщины былъ духъ въ народѣ! А мы всѣ, що въ сурдутикахъ, были переполячены, и я таки носилъ рогатую шапку, ажь поки менѣ ей двôрникъ (вôйтъ) изъ Крещатика на мостѣ не здеръ и не кинулъ въ Днѣстеръ. Ôтъ тогды

я пôзналъ, куда стремится духъ народа, и сталъ служити народу!"

Дальше описалъ И. Наумовичъ свою поѣздку въ Черновцы и авдіенцію у тогдашнёго православного опископа, Евгенія Гакмана, упомнулъ о страшной холерѣ въ Черновцяхъ и такъ говоритъ:

„Изъ Черновецъ перейшла холера въ Залѣщики. Страшный былъ видъ цѣлой той стороны. Саранча покрыла все, и на гостинцѣ лежала на четверть лôктя загрубшки. Пріѣхавши до Залѣщикъ, я чулъ, що жиды падаютъ якъ солома. И мôй отецъ заболѣлъ и умеръ. Осталась мати-вдова съ сиротами безъ всякихъ средствъ къ жизни. Единственный сродникъ былъ мôй дядя, рôдный братъ моей матери, бывшій директоръ шкôлъ въ Кентахъ, на западнôмъ кôнцѣ Галичины. Ôнъ прислалъ намъ 50 гульденôвъ на дорогу и велѣлъ менѣ ôтвезти матерь и сестру къ собѣ. Я такъ и здѣлалъ. Повернувши ôттамъ во Львовъ, безъ гроша, безъ всякихъ средствъ до житья, ôткрылъ я покойному Отцу Якову Геровскому (тогда професору богословія на Львôвскомъ всеучилищѣ) мое намѣреніе: идти въ Черновцы. Ôнъ здержалъ мене ôтъ того и помôгъ менѣ, що мене приняли на богословіе (во Львовѣ).

„Кôлько черезъ тѣхъ 37 лѣтъ перемѣнилось на свѣтѣ! Молодыи стали старцями, а що были старши изъ насъ, всѣ уже въ могилѣ. 37 лѣтъ безпрестанной борьбы о существованье русского имени, русской церкви, русского слова, русского письма, русской жизни! Небавомъ не стане насъ старшихъ! Земля возьме свое! Но що доброго мы посѣяли на русской нивѣ, принесе плодъ въ свое время. Тôлько желали бы мы видѣти наслѣдникôвъ нашихъ со снисходженіемъ для нашихъ немощей и съ искреннёю волею служити народу, якъ мы ему служили по слабымъ нашимъ силамъ".

Стôлько намъ Иванъ Наумовичъ самъ написалъ о тѣхъ своихъ молодечихъ лѣтахъ, а розсказалъ то все такъ просто, такъ щиросердно, а такъ для всякого русского сердца глубоко-трогательно!

Ну, и що-жь съ нимъ дальше было?

Ôнъ поѣхалъ тогды лѣтомъ 1848 г. съ матерью и сестрою въ Кенты на Мазурщину, но послѣ празднинъ прибылъ во Львовъ, щобы окончити семинарію. Однако духовныи власти не приняли его въ семинарію, а то на тôмъ справедливôмъ основаніи, що „человѣкъ не може быти добрымъ пастыремъ и учителемъ того народа, ôтъ которого ôнъ отрекся." Ивану Наумовичу не оставалось ничого другого, якъ записатись на правничій (юридичный) факультетъ и покинути намѣренье стати священникомъ. И ôнъ сталъ глядати лекцій,

щобы жити во Львовѣ. Межъ тѣмъ польскіи агенты продолжали пôдбурювати молодежь и довели до того, що 2 листопада 1848 г. гвардія поставила на улицяхъ Львова барикады и начала революцію. Иванъ Наумовичъ еще належалъ до гвардіи, но случай съ конфедераткою на Днѣстрѣ охолодилъ его польскій патріотизмъ и ôнъ уже не участвовалъ въ революціи. Онъ находился тогды на площади передъ латинскою катедрою, коли войско розбивало барикады и убивало или выловлювало повстанцêвъ, и найшолся въ великой опасности. Отъ ареста или и смерти спасъ его однако символъ вѣроисповѣданія: „Вѣрую." Иванъ Наумовичъ хотѣлъ достатись до дому, на гончарскую улицю, якъ его поймалъ гренадиръ. „Ты Полякъ?" — запыталъ его гренадиръ. „Нѣтъ, я Русинъ." „Коли ты Русинъ, то говори: Вѣрую"! — Иванъ Наумовичъ сталъ говорити „Вѣрую" и гренадиры, которыхъ межъ тѣмъ бôльше назбѣгалось, ôтпустили его.

После подавленья революціи во Львовѣ, наступилъ иный порядокъ. Власти розвязали гвардію, а польскіи эмигранты и збаламученная ними молодежь потягнули въ Угорщину помагати Мадьярамъ противъ Австріи.

Не маючи средствъ до житья, Иванъ Наумовичъ принялъ мѣстце домашнёго учителя у священника А. Тарнавского, приходника въ Верхобужѣ, Золочевского округа. Тôлько тамъ, въ Верхобужѣ, Иванъ Наумовичъ зôйшолся близко съ рускимъ народомъ, научился лучше по русски говорити и, пôзнавши народъ, окончательно покинулъ польскіи мысли и всею своею пылкою душею сталъ Русиномъ. Щобы изучити народъ, его языкъ и обычаи, ôнъ одѣвался въ селянское платье, завязалъ пріязнь съ ровесниками въ селѣ, звычайными паробками, та бывалъ на всѣхъ торжествахъ у Верхобужанъ. Тамъ, въ окрестностяхъ Верхобужа, ôнъ малъ случайность увидѣти царско-русское войско, которое, по приказу царя Николая I., переходило черезъ Галичину въ Угорщину на помощь австрійскимъ войскамъ противъ Мадьяръ. Руское войско стояло въ мѣстечку Сасовѣ, а жители сосѣднихъ селъ носили ему страву. Разомъ съ Верхобужанами ôтправился и Иванъ Наумовичъ до Сасова и здивовался, коли увидѣлъ „Москалей." Поляки представляли ихъ яко дикихъ, которыи умѣютъ лишь пити, рабовати и красти, а тутъ показалось, що они молилися, пôстили, а изъ бесѣды съ ними видно было, що они такіи добродушныи и щирыи люди, якъ и наши крестьяне. И въ семъ отношеніи Иванъ Наумовичъ переконался наочно, що польскіи агенты неправду говорили.

Обходячи пѣшкомъ окрестности, Иванъ Наумовичъ зблизился тогды и подружился съ многими товарищами и знакомыми изъ семинаріи, ôтъ которыхъ его раньше ôтдѣляли его

польскіи стремленія, а также бывалъ въ домахъ священникôвъ, где въ то время начиналъ будитись русскій духъ, щó, очевидно, еще бôльше утверждало его въ русскихъ переконаньяхъ. Будучи веселого нрава, ôнъ былъ желаннымъ гостемъ въ домахъ русскихъ священникôвъ, где своими остроумными розсказами и шутками забавлялъ все общество. Онъ умѣлъ особенно удачно представляти жида. Изучивши еще въ Бужску жидôвскій жаргонъ, т. е. мѣшанину слôвъ жидôвскихъ, нѣмецкихъ и русскихъ, употребляемую галицкими жидами, а кромѣ того знаючи читати еврейское письмо, которымъ написаны еврейскіи книги, Иванъ Наумовичъ неразъ переодѣвался за жида и такъ удачно игралъ ту ролю, що даже настоящіи жиды принимали его за жида и гостили у себе! По тому поводу пôзднѣйше товарищи Ивана Наумовича въ семинаріи называли его въ шутку „Хаимомъ.“

Въ 1849 г. И. Наумовичъ былъ уже сотрудникомъ первой въ Галичинѣ русской газеты, выходившой во Львовѣ пôдъ назвою „Зоря Галицка.“ Тутъ ôнъ, читаючи славянскіи книги и газеты, глубоко перенялся любоввю къ славянскимъ народамъ и тамъ у него въ первый разъ появилась мысль: посвятити свои силы служенію своему, русскому народу! *)

ИВАНЪ НАУМОВИЧЪ

ЯКО СВЯЩЕННИКЪ И НАРОДНЫЙ ДѢЯТЕЛЬ.

При кôнцѣ 1849 г., духовныи власти, видячи, що Иванъ Наумовичъ поправился, приняли его въ духовную семинарію на третій годъ богословія, особенно и тому, що за него просилъ такій изрядный патріотъ, якъ Яковъ Геровскій, професоръ университета и великій другъ русской молодежи. Ивану Наумовичу уже совсѣмъ вышумѣли изъ головы польскіи мысли; ôнъ досконально переконался, що Русь и Польща — то не „вшистко едно,“ якъ твердили польскіи политики, которыи боялись пробужденья Галицкой Руси ôтъ вѣкового сна, и для того съ цѣлымъ жаромъ занялся изученьемъ обряда русской церкви и еи исторіи. По окончен іи семинаріи въ 1851 году, Иванъ Наумовичъ повѣнчался съ дочерью священника въ Новомъ-Селѣ и Любачевского декана, Василія Гавришкевича, дѣвицею Ѳеодорою. Сынъ о. Василія, о. Іоанъ Гаврішкевичъ, деканъ и приходникъ въ Каменцѣ Лѣсной,

*) См. Стенографичный отчетъ изъ судовой росправы по дѣлу Ольги Грабарь и товарищей, стр. 201.

подае слѣдующіи подробности о Ив. Наумовичѣ, ôтносящіися до его женитьбы:

„У покойной Ѳеодоры была лишь одна, молодшая ôтъ неи сестра, именемъ Доминика. Покойная Доминика была женщина дуже красивой наружности, святой, сердечнѣйшой доброты и неусыпного, самоотверженного трудолюбія. Все то подѣйствовано въ часѣ празднинъ 1850 г. на окончившого третій годъ богословія Іоанна Наумовича такъ, що ôнъ рѣшился просити о еи руку, и желаніе то высказалъ менѣ въ письмѣ изъ сѣчня 1851 г. Но въ часѣ празднинъ 1851 г. перемѣнилося намѣренье Іоанна, окончившого четвертый годъ богословія. Старшая о два лѣта сестра Доминики, Ѳеодора, привлекала меньше внѣшностью, якъ умственными способностями, господарностью и энергіею, и такъ сталося, що одного дня Іоаннъ поразилъ мене заявленьемъ, що у него есть твердое намѣренье старатися о руку Ѳеодоры. Коли я вопросилъ его о причинѣ той змѣны, ôнъ отвѣтилъ: „Ѳеодора такъ умна женщина, якой менѣ не случилось видѣти. Она понимае отлично всѣ тяжкіи политичныи вопросы настоящой добы; а коли я, примѣромъ, запытался, чи розумѣе она нашъ богослужебный языкъ, она отвѣтила рѣшительно утверджающимъ образомъ; та коли я ставилъ ей въ тôмъ ôтношеніи самыи тяжкіи вопросы, она на всѣ отвѣчала безъупречно, съ удивительною точностію.“ Вѣнчаніе Іоанна съ Ѳеодорою ôтбылось дня 21 октобрія 1851 г.“

И не пожалѣлъ того Ив. Наумовичъ во всю свою жизнь, ибо жена его, Ѳеодора Васильевна, горячо его любила, была женщина лагодна, добра, господарна и безъ нарѣканій переносила многіи непріятности, якіи испытовалъ Иванъ Наумовичъ и его семья, и осоложала своему обожаемому мужу не одну гôрькую годину.

Въ тôмъ-же 1851 г. Иванъ Наумовичъ былъ рукоположенъ въ священники митрополитомъ Галицкимъ, Михаиломъ Левицкимъ. Первое мѣсто душпастырское, где Иванъ Наумовичъ началъ свою плодотворную дѣятельность для народа и где началъ розвиватись его удивительный писательскій талантъ, было мѣсточко Городокъ, вблизи Львова. Приходникомъ въ Городку былъ тогды священникъ Михаилъ Бѣлецкій, хорошій душпастырь, умный человѣкъ и искренній народолюбецъ. Иванъ Наумовичъ, яко его сотрудникъ, привязался щиро къ своему настоятелю и они оба усердно трудились, поучаючи народъ и въ религійныхъ дѣлахъ и въ русско-народныхъ. Въ 1853 г. Иванъ Наумовичъ получилъ приходъ въ Ляшкахъ Королевскихъ, вблизи Глинянъ, а въ 1856 году переѣхалъ на приходъ въ мѣстечку Перемышлянахъ. Въ Перемышлянахъ однако не было

обиталища для священника, для того ôнъ поселился при дочерней церкви, въ селѣ Коростнѣ. Обстоятельство, що священникъ жилъ на селѣ и рѣдко ôтправлялъ богослуженіе въ мѣстской церкви, въ Перемышлянахъ, разъ на 3 — 5 недѣль, помогло латинской пропагандѣ, выходящой изъ тамошнёго костела, до такой степени, що не всѣ Перемышлянскіи Русины праздновали русскіи свята, но, посѣщаючи костелъ, обходили уже и латинскіи свята. Даже дьякъ при Перемышлянской церкви былъ ополяченъ, ибо зъ-початку по польски говорилъ съ своимъ новымъ приходникомъ, Иваномъ Наумовичемъ. На первой литургіи, которую Иванъ Наумовичъ совершилъ въ Перемышлянахъ, присутствовало всего 17 прихожанъ; нынѣ къ русскому приходу въ Перемышлянахъ принадлежитъ высше 800 душъ.

Можно собѣ представити, скôлько труда и грызоты перенêсъ Иванъ Наумовичъ, щобы собрати розсѣянныи и заблудившіи овцы своего словесного стада, привести въ ладъ совсѣмъ запустѣвшую и бѣдную церковь и очистити ю ôтъ латинскихъ обычаêвъ, которыи обезображали чудный нашъ восточный обрядъ! Бѣдное состояніе церкви въ Перемышлянахъ, опущенье еи прихожанами и латинская пропаганда со стороны костела, вызвали у Ивана Наумовича мысль и стремленье — очистити въ цѣлой Галичинѣ обрядъ русской церкви ôтъ всѣхъ латинскихъ новизнъ, якіи въ него примѣшались вслѣдствіе нерадѣнья духовенства и давленья ôтъ стороны латинства. То стремленье, начатое Иваномъ Наумовичемъ въ Перемышлянахъ, розширилось вскорѣ на всю Галицкую Русь. Оно извѣстно у насъ пôдъ названіями „Обрядового вопроса," „Обрядового движенія" или „Обрядовщины," и составляе важную часть исторіи русской уніатской церкви въ Галичинѣ въ еи борьбѣ съ латинствомъ. Въ дѣлѣ очищенья обряда ôтъ латинскихъ примѣсей, Иванъ Наумовичъ написалъ и напечаталъ въ тодашнêмъ единственнôмъ органѣ Галицкой Руси, въ газетѣ „Слово," начавшой выходити зъ 1861 г., много статей, изъ которыхъ особенно замѣчательна статья: „Якого рода суть измѣны и ôтклоненія ôтъ прежнихъ, употребляемыхъ у насъ обрядôвъ при богослуженіи," напечатанная въ 24—29 н-рахъ „Слова" за г. 1862. Тіи статьи вызвали середъ русского духовенства небывалую до того времени дѣятельность въ пользу церкви и чистоты обряда, а въ русскихъ и польскихъ газетахъ завзятую борьбу, но также поставили на ноги сторонникôвъ олатинщенья русской церкви и возстановили ихъ противъ Ивана Наумовича. Въ газетахъ „Dziennik Polski" и „Gazeta Narodowa" появлялись разъ-по-разу статьи, содержащіи явныи клеветы на Ив. Наумовича и обвиненья его въ

„шизмѣ.“ Въ латинскихъ костелахъ молилися всенародно, щобы Господь ôтвернулъ Ивана Наумовича ôтъ „щизмы.“ Наконецъ дѣло дойшло до того, що противники чистоты русского обряда подали жалобу на Ив. Наумовича папѣ и нунцію въ Вѣднѣ, вслѣдствіе чого послѣдній поручилъ тогдашнёму латинскому архіепископу во Львовѣ, Вершхлейскому, произвести слѣдство надъ дѣятельностью Ив. Наумовича. Вершхлейскій передалъ веденіе слѣдства латинскому декану въ Перемышлянскомъ окрузѣ, кс. Коханскому, а исходъ жалобъ, слѣдства и „Обрядового движенья“ былъ такій, що папа издалъ 7 апрѣля 1862 г. breve: Amantissimus humani generis, т. е. роспоряженіе, которымъ основалъ при Congregatio de propaganda fide (Собраніе для роспространенья вѣры) ôтдѣлъ pro negotiis ritus orientalis (для дѣлъ восточного обряда), а митрополитъ Григорій Яхимовичъ издалъ пастырское посланіе, въ которôмъ возвалъ русское духовенство здержатись съ очищеньемъ обряда до рѣшеній духовного Собора, который митрополитъ обѣщалъ въ скоромъ времени скликати. Подобное-же посланіе пôзднѣйше, ибо въ іюнѣ 1862 г., издалъ Перемышльскій епископъ Θома Полянскій. Митрополитъ Григорій Яхимовичъ сочувствовалъ очищенью обряда, но пôдъ давленіемъ Рима и правительства, ôнъ былъ принужденъ остановити движеніе въ тôмъ направленіи и даже воззвати Ив. Наумовича къ оправданію. Иванъ Наумовичъ, желаючи основательно представити архипастырю свое намѣренье, занялся изложеніемъ его на письмѣ и для того не прибылъ во Львовъ въ назначенный день. За то митрополитъ наложилъ на него кару 14-дневныхъ реколекцій. И. Наумовичъ прибылъ во Львовъ дня ôтбытія кары 9 марта 1862 г., но митрополитъ, поговоривши съ нимъ, простилъ ему, предложилъ ему однако бôльше не писати въ дѣлѣ обряда. Уже послѣ появленья архипастырского посланья въ обрядовôмъ дѣлѣ, Ив. Наумовичъ написалъ въ числѣ 9 „Слова“ за 1862 г.: „Намъ подобае внимати словамъ нашого Архипастыря, которого вся жизнь отличаеся чистою любовью къ церкви и народу русскому, который, постарѣвшись въ борьбахъ съ враждебными намъ стихіями, стоитъ на своемъ высокомъ становищѣ яко ревнѣйшій нашъ заступникъ, не тôлько въ духовныхъ, но и въ соединенныхъ съ ними мірскихъ дѣлахъ. Такъ хотя пересвѣдченье наше може быти иное, но „повиновитися наставникомъ, иже бдятъ о душахъ нашихъ,“ повелѣвае намъ высокое христіанское ученіе и мы повинуемся не изъ страха передъ карами, но изъ должности христіанской, изъ должности къ народу и съ твердостью любви, которую питае вся Русь къ своему князю-владыцѣ. Наша народность и нашъ церковный обрядъ, — то два сіамскіи близнята, зросшіися и недѣ-

лимыи, одно чувствующіи, одно имъ страдающіи, одно имъ всякое дѣло, одинъ у нихъ сонъ, одно возстаніе. Одна была имъ неволя, и коли одного били и мучили, то другій чувствовалъ всѣ удары и язвы. Теперь оба разомъ узрѣли предвозвѣстницю денницы свободы и оба однимъ сердцемъ возрадовались. Но, видится, прежде чѣмъ узрятъ ясное солнце, имъ суждено еще испити не одну чашу горести... А такъ съ упованьемъ въ щедроты Всемогущого Бога и съ непоколебимою любовью и послушаніемъ къ нашому Отцу-Владыцѣ, вооружимся заблаговременно оружіемъ истины и знанія, щобы на приреченномъ Соборѣ станути готовыми и непостыдно до великого и спасительного дѣла: исправленія нашого святого обряда.“

Къ приреченному Собору, однако, не пришло. Середъ приготовленій къ нёму умеръ митрополитъ Григорій (17/29 апрѣля 1863), а послѣ него насталъ митрополитъ Спиридіонъ Литвиновичъ, а съ нимъ и другое время. Если затѣмъ русскій обрядъ въ нашихъ уніатскихъ церквахъ хотя ôтчасти былъ очищенъ ôтъ многихъ латинскихъ примѣсей и вообще былъ бôльше зближенъ къ древнёму восточному обряду, чѣмъ н. пр. въ то время въ Холмской Руси, то заслуга сего Ив. Наумовича, который, оставивши, на желаніе митрополита, пропаганду дѣломъ, не переставалъ указывати духовенству на тѣ новости, которыи не принадлежатъ къ русскому обряду, якъ то доводитъ упомянутая статья: „Якого рода суть измѣны“ и т. д. Статья та представляла розумную критику тогдашнёго положенія церковного обряда. Якъ въ той статьѣ, такъ и во всѣхъ другихъ въ тôмъ предметѣ, Ив. Наумовичъ указывалъ на олатинщенье церкви, яко на прямый результатъ духовной и политичной зависимости уніатской церкви ôтъ Полякôвъ. Статьи тіи, написанныи основно и съ глубокимъ знаніемъ обряда, до сихъ поръ не утратили своего значенія и нынѣ еще могутъ служити образчикомъ той смѣлости и щирости стремленій, съ якою, майже 40 лѣтъ тому назадъ, выступалъ Ив. Наумовичъ. Такъ въ упомянутой статьѣ ôнъ писалъ: „Пастырское посланіе Его Превосходительства Митрополита, изданное по причинѣ сего, теперь уже живѣйшого церковно-народного движенія, ввело найлучшихъ сынôвъ Руси и найчестнѣйшихъ іереевъ въ глубокую печаль. Непріятели наши восторжествовали кликомъ побѣды. Началось систематичное, а теперь уже основное гоненіе всего, що русское. По латинскимъ костеламъ гремѣли пламенныи проповѣди, насъ прозывали „новокатоликами,“ противъ насъ подстрекали народъ, которому проповѣдали, що мы отступили отъ вѣры католической. По нашимъ русскимъ церквамъ являются теперь, якъ-бы въ урядовомъ характерѣ, въ цѣли

точного наблюденія приказовъ Впреосв. Митрополита, наши церковныи и народныи противники, якъ будьто-бы они имѣли право въ присутствіи нашихъ вѣрныхъ насъ судити, чи обряды наши добры и богоугодны, или нѣтъ. Воистину, сію чашу горести ни я, ни многіи изъ нашихъ, будь що буде, не приняли бы изъ ничьихъ бôльше, только изъ рукъ превозлюбленного Князя-Владыки нашого!"

Якъ уже выше сказано, Ив. Наумовичъ много вытерпѣлъ по поводу своей ревности для русской церкви. Противники еи и русского народа нападали на него въ польскихъ газетахъ, подсылали въ церковь въ Перемышлянахъ шпигунôвъ, щобы схватити его на якôмъ словѣ, и допѣкали ему всѣми способами, роспространяючи слухи, що ôнъ запродался „москалямъ."

Отрадою и утѣшеньемъ для Ив. Наумовича была, однако, любовь къ нему крестьянъ и патріотичной части образованныхъ русскихъ Галичанъ. Во время найзавзятѣйшой борьбы противъ Ив. Наумовича, его пôддержовала правственно вся Галицкая Русь, доказательствомъ чого служатъ слѣдующіи факты: Въ 1861 г. ôтбылся во Львовѣ, въ редутовой салѣ театра гр. Скарбка, первый русскій балъ, на которомъ присутствовало до 800 лицъ, значитъ, великая часть галицко-русской интилигенціи. Коли въ салѣ появился Ив. Наумовичъ, священники и молодежь пôдхватили его на руки и, при пѣнію „многолѣтствія," обносили его по цѣлой салѣ. Уже тогды Галицкая Русь познала сь на Ив. Наумовичѣ. Въ н-рѣ 5 „Слова" за 1862 г. напечатано въ его честь стихотвореніе, въ которомъ авторъ Л. Л. такъ къ нему ôтзываеся:

„Ой, брате-соколе, пôдойми-же крыла,
За птичковь ко звѣздамъ смѣло возлети,
Оставь журбу злобнымъ, сли журба имъ мила,
А ты намъ про звѣзды ясны розскажи!"

Въ отвѣтъ на статью Dziennik-a Polsk-ого (н-ръ 19) п. з. Przeciw reakcyi w obrządku grecko-katolickim, зверненную до русскихъ студентôвъ Львовского университета, 40 русскихъ студентôвъ напечатали въ н-рѣ 6 „Слова" за 1862 г. адресъ „Преподобному Отцу Ивану Наумовичу, приходнику Коростна и Перемышлянъ," въ которôмъ заявили:

„Честь Вамъ и слава, Батьку! А ôтъ русскихъ академикôвъ щирое „спаси-Богъ," за тіи труды, що ихъ поносите около очищенья нашой батькôвской гр. к. вѣры ôтъ чужихъ, русскому духу противныхъ, а розвитію русской народности (якъ то изъ исторіи добре знаемъ) шкодливыхъ вплывôвъ, — сумныхъ памятокъ нашой духовной недоли. Батьку! Мы члены одного тѣла, сыны единой русской неньки; болѣе одинъ членъ, цѣлое тѣло съ нимъ болѣе. То-жь радуйся, Батьку! Ты бо

загрѣлъ наши сердця новымъ жаромъ любви до нашого (каждому Русину уже ôтъ дитинства) дорогого обряда, а жаръ той загальный, якъ въ нашой громадѣ, такъ и по-за ту, и самая святость дѣла, велятъ намъ въ лучшую для него вѣрити будущность.“

Отвѣтное „Слово до русской академической Громады во Львовѣ“ Ив. Наумовича гласитъ („Слово,“ н-ръ 7, 1862): „Богъ дай здоровья, панове Громада, не за то, що вы менѣ отдали честь передъ свѣтомъ та сосѣдами, а за то, що вы возрадовали всю нашу святую Русь, що вы, будущіи свѣтила и начальники нашого сердечного народа, показали всему русскому роду, що въ васъ бье еще чистая, старорусская кровь, що вы отдали поклонъ старой рôдной Матери нашой, Церкви, и уставамъ святыхъ нашихъ Отцêвъ. За то честь вамъ, и слава и поклонъ ôтъ мене и всѣхъ нашихъ, щó одной со мною мысли и одного духа! Кто теперь посмѣе сказати, що то не Русь домагаеся своихъ питомыхъ обрядôвъ? Мовлялъ той, що то я — Иванъ Наумовичъ — не Русь; нехай буде, що я — не Русь, но со мною Русь, самая твердая, щирая, сердечная, надежная; а противъ той Руси ни то, ни се, звычайно вѣтеръ въ полѣ, ти газетчики польскіи. Та не въ ладъ имъ то дѣло, то, бачите, найтвердѣйшій орѣхъ для нашихъ цивилизаторôвъ, а они, бачу, начинають роздумовати надъ послѣдствіями ôтъ того, якъ Русь стане на своихъ питомыхъ ногахъ, та и простый нашъ крестьянинъ познае, що ôнъ за одинъ, та ôтки ôнъ взялся на свѣтъ, що то оживитъ масу народа любовью имени русского и русскихъ старыхъ обычаевъ. Но щó мы винны, що имъ то не въ ладъ, коли теперь такій часъ настигъ, та уже такій нынѣшній воздухъ, такое нынѣшнее свѣтло соненька святого, що уже иная въ людяхъ природа, що не хотятъ нагинати карку въ старое та твердое ярмо чужины! Такъ мовлялъ небощикъ нашъ Яковъ Геровскій: „Богъ батько, а руская мати велика! Слава Богу, воскресившому нашу великую русскую Матерь, а Громадѣ вашей честь за сердечную любовь къ той родной великой Мери!“

Само собою понятно, що куренды митрополита и епископа Перемышльского навели страхъ на слабодухôвъ среди духовенства и они притихли, ожидаючи Собора. Замѣтивши застôй въ церковно-народнôмъ движеніи, Иванъ Наумовичъ въ н-рѣ 54 „Слова“ за 1862 г. напечаталъ статью, въ которой заявилъ: „Слабодухôвъ и рôвнодушныхъ не обходитъ ніякій вопросъ, отже и обрядовый вопросъ имъ байдуже... Они рады бы забыти, що суть Русинами и що обрядомъ греческимъ должны величати Бога. Всѣ тѣ роды Русинôвъ будутъ теперь сражатись и борьба буде горяча, а на которой

сторонѣ буде побѣда, покаже близкая будущность. Или станемъ народомъ съ сознаніемъ своей народности, съ крѣпкимъ словомъ въ оборонѣ тысячелѣтного неоцѣненного нашого сокровища и скинемъ давящое насъ ярмо, накиненное іезуитами, или остатись намъ дальше рабами, та погибнути и оставити по собѣ безчестную память въ исторіи.“

Тѣ смѣлыи слова, высказанныи въ то время, коли противъ обрядового движенія выступили: Римъ, правительство, Поляки, а пôдъ ихъ давленіемъ и митрополитъ Григорій и епископъ Перемышльскій Ѳома, даютъ свидѣтельство о великой силѣ духа и самоотверженіи Ивана Наумовича. А треба знати, що именно въ то время ôнъ находился въ великой бѣдности. Яко молодый священникъ, и къ тому на бѣднôмъ, запущеннôмъ приходѣ, а сверхъ того николи не стремлячись до богатства, Ив. Наумовичъ еще не успѣлъ загосподароватись, якъ его выбрали русскіи сельскіи громады Золочевского округа въ 1861 г. посломъ въ первый галицкій Соймъ. По тогдашнѣй соймовой ординаціи, Соймъ состоялъ изъ 150 послôвъ, въ число которыхъ сельскіи громады Галичины, русскіи и польскіи, выбирали 74-хъ послôвъ. При выборахъ въ первый галицкій Соймъ, русская сторона поставила 61 кандидатôвъ, изъ которыхъ были выбраны 43, въ тôмъ числѣ Ив. Наумовичъ. Въ то время правительство иначе ôтносилось до русского народа, а польская партія не мала еще такой силы и власти, якъ нынѣ; для того въ Соймъ вôйшли русскіи послы въ такôмъ числѣ, якого потôмъ уже николи не было. Якъ уже выше сказано, по поводу стремленія Ив. Наумовича къ очищенію русского обряда, возникла противъ него страшная агитація, выражавшаяся и въ польскихъ газетахъ, и въ клеветахъ, якіи его народныи противники роспускали противъ него словесно. Уже и въ такихъ ôтношеньяхъ тяжко было Ив. Наумовичу жити, а тутъ случилось новое несчастье. Первое засѣданіе нового Сойма состоялось 3(15) цвѣтня 1861 г. Иванъ Наумовичъ прибылъ во Львовъ, но уже слѣдующого дня рано довѣдался, що село его прихода, Коростно, до половины згорѣло: церковь, приходскіи будынки, еще не доконченныи, и 58 крестьянскихъ усадебъ, спопелѣли въ кôлька годинъ! Само собою розумѣеся, що Ив. Наумовичъ поспѣшилъ на мѣстце несчастья, щобы помочи своимъ прихожанамъ, и засталъ въ Коростнѣ плачъ, отчаянье и нового рода агитацію противъ себе. Въ Перемышлянахъ завязался изъ тамошнихъ Полякôвъ комитетъ для несенья помочи погорѣльцямъ, но панки, роздаючи Коростнянцямъ хлѣбъ, говорили имъ: Widzicie, co wam wasz pop narobił! И постигшое несчастье приписывали карѣ Божой за введеніе Ив. Наумовичемъ „шизматицкого“ обряда! Мѣстечко Перемышляны и Коростно на-

лежало до гр. А. Потоцкого, а управлялъ ними ополяченный Нѣмецъ Мальсбургъ. Коли погорѣльцы пришли къ Мальсбургу просити о дерево на будынки, ôнъ имъ прямо сказалъ: Wypędźcie waszego popa ze wsi, a wszystko dostaniecie! Идутъ бѣдныи люди къ Ив. Наумовичу и говорятъ ему то, що сказалъ Мальсбургъ. „Щó-жь, — ôтповѣлъ ôнъ, — васъ 58, а я одинъ, лучше вамъ одного прогнати, чѣмъ черезъ одного всѣмъ бѣдити.“ Люди заплакали на тѣ слова, заплакалъ и самъ Ив. Наумовичъ надъ ихъ горемъ, но понеже крестьяне и не думали его проганяти, то ему прійшлось постаратись о помôчь для нихъ. И дѣйствительно, Русь не оставила его, митрополитъ Григорій началъ складчину на погорѣльцêвъ, давши И. Наумовичу 100 зр., и со всѣхъ сторонъ посыпались пожертвованія: редакція „Слова“ собирала датки въ грошахъ, а доокрестныи священники и громады привозили хлѣбъ, насѣнье, одежу и всячину. Мало-помалу крестьяне начали ôтбудовыватись, къ чему имъ помôгъ и властитель Перемышльянъ, гр. А. Потоцкій, давши для половины погорѣльцêвъ матерьялъ на хаты. До осени погорѣльцы ôтбудовались, но Ив. Наумовичъ и не думалъ о приходскихъ будынкахъ. Прежде всего ôнъ постановилъ построити церковь, и то каменную. Не смотрячи на то, що въ то время злодѣи украли ему послѣднюю пару коней и вôзъ, такъ, що ôнъ не малъ чѣмъ выѣхати изъ дому, Ив. Наумовичъ не спочилъ, якъ долго съ помочью пожертвованій со стороны прихожанъ, гр. А. Потоцкого и добрыхъ людей, не построилъ церкви.

Середъ такихъ бѣдъ и занятій, Ив. Наумовичъ не переставъ, однако, трудитись для церкви и для всего народа. Такъ въ 31 числѣ „Слова“ за 1861 г. ôнъ написалъ „Изъ погорѣлища Коростна“ статью противъ внесенного въ Соймъ предложенія латинского кс. Ручки, который требовалъ, щобы помѣщики мали право выбирати священника на приходъ не изъ числа трехъ кандидатôвъ, предложенныхъ консисторіею, но изъ числа всѣхъ, которыи подались на якій приходъ. „Доки буде наша церковь работати Фараонамъ?“ говоритъ въ той статьи Ив. Наумовичъ. — „Признаніе панамъ майже необмеженной власти въ выборѣ душпастырей, уважаемъ яко найлучшое средство къ деморализаціи священникôвъ, обмеженной терномъ, уважаемъ яко порабощеніе нашой Церкви, а посредственно и нашого народа, духовное и политично-народное. Характеромъ настоящихъ временъ есть стремленіе къ свободѣ всѣхъ обывателей края, основанной на всестронной справедливости; давніи привилегіи должны задержатись о стôлько, о скôлько суть полезны обществу.“

Въ 1861 году русскіи патріоты зачали настойчиво добиватись признанія правъ русского языка и письма во всѣхъ

урядахъ восточной Галичины. Ив. Наумовичъ и въ семъ отношеніи выступилъ въ числѣ первыхъ защитникôвъ русского слова и письма. Въ ч. 40 „Слова" за 1861 г. Ив. Наумовичъ съ гôрькою насмѣшкою пише: „Вы, панове редакторы, пишите собѣ здоровы о свободѣ и рôвноправности всѣхъ народôвъ австрійской державы, о соймахъ, о тронной бесѣдѣ и о всѣхъ роспоряженіяхъ министерства, касающихся нашого русского языка, яко урядового. Наши уряды почтовыи не умѣютъ азбуки, а для якой тамъ забаги русскихъ попôвъ не будутъ чей надъ букварями сушитися. Подастся допись урядовая до намѣстника (декана) русского по русски, — ôткинутъ и баста! Такъ случилось моей дописи, адресованной до уряда деканата Бобрецкого. Бѣдная, съ русскимъ лицемъ, не потрафила до Бôбрки — завернули зъ дороги „цюпасомъ" (Schubpass) назадъ до Перемышмянъ; — нужь я мою бѣдную зневаженную посланницю перебирай, а ту не знати, чи въ нѣмецкій фракъ, чи въ польскій контушъ?... Бо такъ казали на почтѣ перебрати. Та уже коли централизація, то годѣ, тягни, небожище фракъ, съ жолтыми гузиками, та счастлива тобѣ дорога до Бôбрки! Да жіе рôвноправность! А вы, Русины, щобы вы знали, що тѣ Октобріи (октябрьскій дипломъ о конституціи), и тѣ тронныи бесѣды, и всѣ тѣ роспоряженія министерскіи, въ которыи вы вѣрите, не написаны для урядôвъ почтовыхъ и не вôльно вамъ: 1) по русски надписовати такіи листы, на которыи жадаете рецеписа; 2) гроши можете посылати тôлько Нѣмцямъ и Полякамъ, а Русинамъ пôдъ русскою адресою не вôльно; 3) въ переписцѣ урядовой межь русскими духовными урядами употребляти языкъ и письмо русское также не вôльно, понеже панове урядники почтовыи не маютъ урядового наказу умѣти по русски, и для того не маютъ потребы куповати буквари и сушити голову надъ азбукою русскою; для того памятайте, будьте такими Русинами, щобысьте сердце мали русское, а лице нѣмецкое, або польское. Рôвноправность такъ мае розумѣтись, що вамъ вôльно всегда желати рôвного права, но исполненія рôвности николи не видѣти."

Приведенныи слова доказуютъ, якъ вѣрно оцѣнилъ Ив. Наумовичъ рôвноправность русского народа въ самомъ началѣ конституційной эры, если то, надъ чѣмъ ôнъ смѣялся въ 1861 г., и нынѣ еще повтаряеся. До сихъ поръ, майже въ 40 лѣтъ послѣ написанья приведенныхъ слôвъ Ив. Наумовичемъ, они не утратили еще своего значенія....

Польскіи загорѣльцы сильно вôзнегодовали на польское бôльшинство Сойма по тому поводу, що оно позволило русскимъ посламъ въ Соймѣ по русски говорити. Ополяченный Нѣмецъ, Шмидтъ, написалъ даже въ семъ дѣлѣ брошуру,

въ которой утверджалъ, що Русины, яко народъ, не существуютъ и що тôлько св. Юръ (т. е. духовная власть) виновата, що русское населеніе не хоче быти польскимъ. Ив. Наумовичъ не стерпѣлъ выходки Шмидта и въ „Словѣ“ (ч. 43) за 1861 г. отвѣтилъ ему слѣдующимъ способомъ: „Изъ всей прошедшой и текущой исторіи могли бы научитись и наши гегемоны, пишущіи въ польскихъ газетахъ и брошурахъ, будьто не знаютъ въ границяхъ Галичины и давной Польщи, кромѣ польского, яко окремѣшнёго, русского народа: що то тяжко, ба и невозможно приголомшити пробужденного разъ народного духа, даже тогды, если есть и обстоятельства и сила по тому, а тѣмъ меньше, где обстоятельства непріязненныи и силы ніякой. Сказати нынѣ народу: ты не былъ, не есь и не будешь народомъ, лишь причѣпкою Польщи, твôй языкъ не языкъ, а жаргонъ польского языка, нынѣ, въ XIX вѣцѣ, въ дняхъ просвѣщенія и свободы, — мимо того, що той народъ голосно передъ цѣлымъ свѣтомъ повѣдае: „Я есмь, жію на землѣ моихъ отецъ, въ полномъ сознаніи своей народности,“ — значитъ или зъ ума зойти, или быти деспотомъ. Небылицъ людей зъумасшедшихъ никто не зважае, для деспотизма же треба силы. Що-жь намъ повредитъ брошура г. Шмидта, которой сочинитель негодуе на бôльшинство Сойма краевого, що намъ, Русинамъ, позволило говорити по русски?! Славное: Nie pozwalam, mościumpanie! — нынѣ смѣшно, ибо нынѣ Русины не ôтъ Польщи и Полякôвъ потребуютъ позволенія даже при бôльшинствѣ въ Соймѣ... Г. Шмидтъ, писавшій ту брошуру, не входилъ глубше въ исторію прошедшихъ послѣднихъ лѣтъ, ôтъ коли вопросъ народностей сталъ оживлятись, та валитъ на св. Юръ отвѣчательность за то, що русскій народъ не хоче быти польскимъ. Шмидтъ не знае, що не народъ за св. Юромъ, но св. Юръ за народомъ иде, и ôтти походитъ то согласіе межь св. Юромъ и народомъ, которое г. Шмидту и дружинѣ Przegląd-а такъ незносно. Вернемся до 1848, пригадаймо собѣ, що тогды св. Юръ былъ въ политичнôмъ ôтношеніи русскому народу мало извѣстенъ. Закѣмъ собралася „Русская Рада,“ закѣмъ позавязовалися окружныи Рады по краѣ, тѣмчасомъ Поляки уже оголосили Польщу въ давныхъ границяхъ, вооружили гвардію и плѣнили даже мало не все русское юношество. Бôльшая половина семинаристôвъ, межь которыми и писатель сего, ходила въ конфедераткахъ, належала до тайныхъ товариществъ, якъ н. пр. до товарищества „Братьевъ“ и пр. Тогды и межь священниками мало который понималъ свое становище, а що-жь на то народъ? Чи исповѣлъ ôнъ свою вѣру политичную въ пользу Польщи, которой проповѣдники шумно даровали ему панщину, щобы его подыскати для своихъ

цѣлей? Тогды, г. Шмидтъ, мы, юноши, напоенныи теоріями польского братолюбія, обманутыи идеаломъ вольной Польщи, розъѣхавшіися на села, зыскивати народъ для Польщи: тогды познали мы тотъ народъ и познали все невѣжество и злобу тѣхъ, которыи насъ обманывали и ôтчужали ôтъ власного, честного, здоровомыслящого народа! Языкъ русскій въ Соймѣ, въ школѣ и урядѣ есть нынѣ не ласкою, не wspaniałomyślnością (великодушіемъ), но конечною потребою и условіемъ спокою въ нашôмъ краю! Такъ Русь смѣеся изъ той брошуры и видитъ въ ней новый доказъ вашой любви. Теперь ваши письма служатъ тôлько намъ къ лучшому познанію вашой злобы и къ покрѣпленію русско-народного дѣла!"

Въ 1861 г. многии польскіи политики держались еще принципа, высказанного въ 2 числѣ Gazet-ы Narodow-ой за 1848 г.: „Nieznaliśmy i nieznamy Rusi, — tak jakeśmy nieznali i niechcemy znać narodu ruskiego i jego narodowości ruskiej, — znaliśmy i znamy tylko Polskę — naród polski z jedyną narodowością polską." Такъ само говорили и Мадьяре, не хотѣвшіи въ Угорщинѣ признати ніякой другой народности, кромѣ мадьярской. Коли Хорваты (сербскіи католики, употребляющіи латинское письмо, вмѣсто кирилицы) заявили извѣстному Мадьярону Людвику Кошуту (то былъ Словакъ родомъ, называвшійся Кошикъ), що Хорватія требуе для себе національныхъ правъ, Кошутъ запыталъ ихъ гордо: Въ которой части свѣта лежитъ Хорватія? Менѣ въ границяхъ Угорщины неизвѣстенъ, кромѣ мадьярского, ніякій другій народъ! Коли въ 1861 г. появился отзывъ Словакôвъ, пôдписанный извѣстнымъ словацкимъ патріотомъ, Іосифомъ Гурбаномъ, къ Хорватамъ, Угро-Руссамъ и Румунамъ (въ ч. 138 газетѣ Ost und West, выходившой въ Вѣднѣ для защиты интересôвъ Славянъ), Ив. Наумовичъ ôткликнулся въ „Словѣ" (ч. 56) слѣдующими словами, въ которыхъ пробиваеся его всеславянская любовь:

„Сердце росплываеся въ чувствѣ сердечной радости, що за Бескидомъ заяснѣла новая зоря всеславянской взаимности, любви и дружества народôвъ розличныхъ племенъ. Но въ слѣдъ за тѣмъ чувствомъ радости иде и скорбь: почему тутъ не можемъ выречи такихъ-же слôвъ къ братьямъ нашимъ Ляхамъ? Почему они не промовлятъ къ намъ такими-же словами? Чи слова великого пѣвца Славянщины: Svornost (згода) jen a osveta nam schazi (слова Колляра изъ его „Дщери Славы," означаютъ: Намъ не стае лишь согласія и просвѣщенія) уже до никого, тôлько до насъ, Русинôвъ и Ляхôвъ, приноровляти? И чому-жь межь нами не ма той „сворности," того согласія? На послѣдній вопросъ готовъ отвѣтъ въ серцѣ каждого Русина: Не можемъ любити тѣхъ, которыи

непремѣнно и безъусловно желаютъ нашой смерти, которыи ôтъ вѣкôвъ боюютъ съ нами самымъ безчестнымъ оружіемъ: ложію и обманомъ, которыи еще въ 1861 г. не признали высокой цѣли, всеславянской взаимности, а всегда и всюда мечтаютъ о поставленіи своего трона на нашихъ гробахъ! Завидуемъ вамъ изъ глубины душъ нашихъ, возлюбленныи братья Словаки, вы, милыи други и сердечныи сосѣди нашихъ угорскихъ братей, що вамъ суждено пôднести чародѣйный голосъ, взывающій ко взаимности и любви сынôвъ одной Матери Славы! Народы, къ которымъ произносите вашъ голосъ, не надменныи гордостію, не забагаютъ ростягнути границы своихъ будущихъ царствъ на гробахъ рôдныхъ-братскихъ народôвъ; они за любовь ôтдадутъ вамъ любовь, за честь — честь. О, якъ-же сумно намъ, що мы къ нашимъ сосѣдамъ не можемъ такими словами ôтзыватись, ни надѣятися ôтъ нихъ взаимности! — Знаете причину, чому то такъ? У насъ не стоитъ справа межь народомъ а народомъ, но межь народомъ и его ренегатами! Въ семъ отношеніи есть межь вами и нами нѣкоторое сходство. Мы и вы, чистыи, кореннын Славяне, славянского духа; мы и вы лишены вельможей, которыи у васъ омадьярщены, у насъ ополячены и олатинщены; у васъ и у насъ заступаютъ народъ священники, проповѣдники евангелическіи и ихъ сыны, сыны народа; потому у насъ и у васъ есть истинное народолюбіе, безъ гордости и честолюбія, и вы и мы думаемъ о осчастливленіи нашихъ народôвъ посредствомъ истинного просвѣщенія, не о широкихъ границяхъ, якъ ваши Мадьяре и Мадьяроны, а наши Ляхи и перекинчики. Вы ищете союзникôвъ въ Славянахъ и Румунахъ, мы нашими собственными силами воюемъ противъ прихотней Ляхôвъ, не признающихъ насъ и не признающихъ намъ ніякого народного права! Мы съ радостью узнали, що въ Св. Мартинѣ (въ столицѣ Словаччины), на громкій призывъ отца Гурбана, покаялися нѣкоторыи изъ вашихъ блудныхъ сынôвъ, що услухали голосу совѣсти и поняли свои должности къ своему питомому народу. Може быти, що и нашимъ внушитъ Богъ здоровыи мысли и лучшіи чувства къ ихъ питомому народу русскому, которому когда-то, передъ нашествіемъ іезуитôвъ, славно предводили ихъ прадѣды: а якъ тѣхъ нашихъ, нынѣшнихъ ôтступникôвъ и гонителей, вразумитъ Господь, то къ сосѣднѣму братскому народу польскому произнесемъ тѣ-же сердечныи слова любви и братства, будемъ любитися въ границяхъ, назначенныхъ Богомъ, а не въ границяхъ насилія и грабежей!“

Изъ словъ: svornost jen a osveta nam schazi, видно, що Ив. Наутовичъ уже зналъ Коллара знаменитую поэму. „Дочерь Славы,“ изъ цѣлого же ôтклика Ив. Наумовича вѣе

тою теплотою русско-славянской души, пробиваются тѣ возвышенныи братскою любовью мысли, якими дышутъ сочиненія первыхъ русскихъ славянофилôвъ.

Доряблялся Ив. Наумовичъ на погорѣлищѣ въ Коростнѣ не стôлько земныхъ благъ, скôлько знаній и опыта, щобы служити своему народу, дораблялась одновременно и вся Галицкая Русь на историчнôмъ погорѣлищѣ просвѣщенія и науки, щобы достойно стануть въ ряду другихъ просвѣщенныхъ народôвъ и мудро боронити свою дорогую, историчную и народную спадщину. Но Галицкой Руси еще треба было приготовитись къ великому народному труду, и для того Ив. Наумовичъ пустилъ слѣдующій кличъ къ народу („Слово" ч. 64 за 1861 г.):

„Що намъ на добѣ необходимо потребно? Сообщенія! Безъ сообщенія нѣтъ у насъ жизни! Соседы наши собираются въ товариществахъ агрономичныхъ, молятся за усопшихъ своихъ корифеевъ, своихъ мучениковъ, возбужаютъ народный духъ, ободряютъ другъ друга, собираютъ гроши на патріотичныи цѣли, показуютъ передъ свѣтомъ, що они суть у насъ, на русской землѣ, на нашой загородѣ — польскими патріотами, а мы щó дѣлаемъ? Кôльканадцять попôвъ зъѣдутся на соборчикъ, поôтдаютъ гроши на вдовы и сироты, за шематизмы, алюмнатикъ, деканатикъ, зъѣдятъ обѣдецъ, тай вечеромъ ѣдутъ здоровы до дому. Чи не такъ? А — „се женихъ грядетъ во полунощи и блаженъ рабъ, его-же обрящетъ бдяща, недостоинъ же паки, его-же обрящетъ лѣнящася!"... И намъ треба бдѣти (сторожити), а не лѣноватися; намъ треба всеконечно сообщенія, щобы мы списали всего нашого русского народа желанія... Чи мало намъ треба дѣлати? Вотъ, школы русскіи маютъ заводитись, а где суть книги? Чи не достояло бы созвати соборъ нашихъ ученыхъ, яко то было 1848 года? Чи не треба бы поробити выдѣлы (комисіи) для всѣхъ школьныхъ предметôвъ, щобы мы были готовы, коли запытаютъ насъ: Чи маете вы то и ово? У насъ есть интелигенція крѣпка и духъ есть крѣпокъ, но конечно потребно сообщеніе. Завôзвите насъ вы, начальники наши, опредѣлите день, на который намъ стати въ нашôмъ городѣ Львовѣ, въ нашемъ „Народнôмъ Домѣ," мы охотно зъѣдемся, поговоримъ, порадимся, спишемъ наши желанія, роздѣлимъ межъ себе трудъ въ дѣлѣ предстоящого преобразованія школъ и пр."

Въ то время, коли Ив. Наумовичъ писалъ приведенныи слова, Галицкая Русь имѣла тôлько два Общества: „Русскую Раду" и „Галицко-русскую Матицу," изъ которыхъ первая взяла на себе вести тяжесть политического труда, вторая же занималась просвѣтительными и научно-литературными во-

просами. „Народный Домъ“ еще тогда достроивался, Ставропигія не оказывала майже ніякой дѣятельности. Для того-то предложеніе Ив. Наумовича, стремящоеся къ сообщенію русскихъ дѣятелей межь собою, особенно въ виду приближавшогося преобразованія школъ, мае великое значеніе и свѣдчитъ о дальноводности его автора. Якъ идеально, впрочемъ, Ив. Наумовичъ смотрѣлъ на труды свои и другихъ русскихъ патріотôвъ, и якъ ôнъ старался о будущности, то доказуе конецъ его статьи „О дѣлахъ, для Руси основныхъ“ („Слово“ ч. 69, 70 и 71 за 1861 г.), написанной въ отвѣтъ якому-то безъименному священнику, который въ Przegląd-ѣ выступалъ противъ роботы русскихъ патріотôвъ на нивѣ церковной и народной: „На всякій случай, — пише Ив. Наумовичъ, — молю васъ увѣритися, що теперѣшніи подвиги Русинôвъ на полѣ народности и обряда не суть, якъ вы думаете до сихъ поръ, средствомъ къ полученію ордерôвъ, достоинствъ, парохій и чинôвъ! Насупротивъ, мы, твердыи Русины, могли бы воззвати къ отступникамъ нашимъ, стоящимъ въ великôмъ почитаніи у польскихъ панôвъ: Вы славны, мы же безчестны, и алчемъ, и жаждемъ и наготуемъ. Нынѣ еще лучше платитъ у насъ Польща, якъ Русь. Польща дае презенты (таки на наши же русскіи парохіи!), дрова, пасовиско, гоноры, — Русь не получае ничого, кромѣ укоризны; Русь вступае противъ всѣхъ въ борьбу за права народа и всѣ противъ ней выступаютъ, и клевещутъ, и лгутъ и враждуютъ. Нынѣ лучше не отвирати очей темному народу, пользоватись его темнотою, не дразнити никого, сидѣти тихо и быти добрымъ у всѣхъ. Но если всѣ предпочитати будемъ такое мирное житье ревнованію, где нужно ревновати, если всѣ будемъ оглядатися за доходами, а не за бôльшимъ кругомъ дѣйствія, соотвѣтнымъ нашимъ силамъ, въ пользу русского народа, то „восприемлемъ мзду нашу:“ выгодное житье. Но що скаже будущность? То вопросъ, которого не можно мимо пустити безъ отвѣта, у кого есть чувство человѣческое, кто понялъ задачу и духа нынѣшнихъ и будущихъ дней!“

Взываючи всѣхъ русскихъ людей къ служенію русскому народу всѣми силами, Ив. Наумовичъ примѣнялъ свои слова и призывы въ дѣйствительной жизни и подавалъ собою примѣры такого служенія. Вотъ одинъ изъ многихъ случаевъ: Въ октябрѣ 1861 получилъ ôнъ ôтъ краевого Выдѣла во Львовѣ польское письмо. Въ отвѣтъ на то Ив. Наумовичъ выслалъ въ краевой Выдѣлъ слѣдующій протестъ: „Высокій Выдѣле Сойма краевого! Не може неизвѣстно быти Высокому Выдѣлу, що подписавшійся есть Русиномъ по обряду и народности, выбранный (посломъ) въ округѣ Золочевскомъ, положенномъ въ восточной, русской части Галичины, заселенной

массою русского народа, межь которымъ проживае лишь незначительное число жителей иныхъ народностей. Такъ яко Русинъ и посолъ преимущественно русского народа, мае пôдписанный полное право ожидати, дабы въ мысль выреченной Его Величествомъ Императоромъ Францъ-Іосифомъ рôвноправности всѣхъ народôвъ австрійской державы, и высокій Выдѣлъ ту-же рôвноправность русского народа признати и съ послами русской народности русскимъ языкомъ и русскимъ письмомъ переписыватися благоволилъ. А понеже письмо выс. Выдѣла ôтъ дня 10 октобрія с. г. до Ч. 802, къ пôдписанному въ языцѣ польскôмъ надосланное, есть самымъ очевиднымъ противорѣчіемъ той же засады рôвноправности, для того пôдписанный видится въ немиломъ положеніи, противъ такого неконституційного и абсолютистичного дѣйствія выс. Выдѣла Сойма краевого торжественно запротестовати и умильно просити, щобы въ будущôмъ выс. Выдѣлъ такому публичному, весь русскій народъ оскорблящому неуваженію его основныхъ народныхъ правъ конецъ положити и съ русскими послами тôлько по русски и русскимъ письмомъ переписыватися благоволилъ. Перемышляны, 8(20) октобрія 1861 года. Иванъ Наумовичъ, посолъ краевый, священникъ русскій въ Перемышлянахъ.“

Если вспомнимъ, що еще нынѣ русскіи Галичане борются со всѣми властями въ краю за свôй языкъ и письмо, если вспомнимъ, що еще нынѣ многіи изъ русскихъ Галичанъ боятся писати въ уряды по русски и безъ всякого протеста принимаютъ ôтъ нихъ польскіи письма, то поймемъ, якое впечатлѣнье вызвалъ протестъ Ив. Наумовича противъ польского письма въ 1861 г., коли польскіи политики ни за що не хотѣли признати русского письма, и называючи русскую скоропись „московскою,“ ôтъ часу до часу уживали тôлько кирилицы. Треба знати, що тôлько императорскимъ роспоряженьемъ ôтъ 8 апрѣля 1861 г. было признано русскому языку и письму право вступа въ уряды и суды. Но то роспоряженье не имѣло успѣха, вслѣдствіе чого русскіи послы державной Думы, числомъ девять, внесли 18(30) сентября 1861 г. жалобу въ министерство. Противники русского письма ссылались на то, що министерскій декретъ ôтъ 8(20) декабря 1859 г. роспоряжае, щобы русскіи прошенія въ уряды и къ властямъ были писаны латинскими буквами и що начальникамъ громадскихъ урядôвъ предоставляеся право выбирати языкъ для переписки урядôвъ съ властями. Для того русскіи послы державной Думы затребовали знесенья упомянутого декрета и признанья: 1) Щобы въ восточной Галичинѣ русскій языкъ былъ признанъ единственнымъ кваевымъ языкомъ; 2) щобы сей языкъ былъ введенъ яко преподавательный

во всѣхъ школахъ восточной Галичины и 3) щобы сей языкъ, о скôлько то дастся погодити съ общими нормами державы, былъ введенъ также въ уряды. На основаніи императорского роспоряженья ôтъ 8 апрѣля 1861 г., ревныи русскіи патріоты стали писати въ уряды тôлько по русски, но встрѣтили другіи перепоны. Такъ н. пр. многіи уряды признавали вправдѣ русскій языкъ прошеній, но не признавали русской скорописи и приказывали прошенія писати кирилицею. На жалобу Русинôвъ, львовское ц. к. намѣстничество, рѣшеніемъ отъ 6(18) іюля 1861 г., пояснило, що пôдъ русскимъ письмомъ розумѣеся русская скоропись, но и то поясненіе не помогло. Польская партія надѣялась, що благосклонное ôтношенье правительства до русского народа вскорѣ измѣнится и для того всякими способами обходила упомянутыи роспоряженья. Вотъ середъ якихъ обстоятельствъ появился протестъ Ив. Наумовича, высланный въ краевый Выдѣлъ! Сей протестъ ободрилъ многихъ въ борьбѣ за права русского языка и письма и имѣлъ такіи послѣдствія, що за Ив. Наумовичемъ пôйшли и другіи русскіи послы, первый-же Ив. Гушалевичъ, и що краевый Выдѣлъ былъ въ концѣ принужденъ удовлетворити справедливому требованію русскихъ послôвъ.

Видячи стойкость и твердость первыхъ русскихъ послôвъ Сойма, польскіи политики задумали пôймати ихъ на згоду и такимъ способомъ, хотя на время переговорôвъ о згодѣ, ослабити ихъ дѣятельность. Згода мала быти заключена въ Соймѣ. Въ отвѣтъ на то Ив. Наумовичъ написалъ въ „Словѣ“ (н-ръ 81 за 1861 г.) слѣдующое заявленіе, которое и нынѣ еще може входити въ програму политично-народной дѣятельности русского народа въ Галичинѣ:

„Тобѣ, Русине, не жити на Божôмъ свѣтѣ Русиномъ, не называти отчины твоей Русью; тобѣ ôтречися матернёго языка, матерней пѣсни; тобѣ не знати старой бывальщины, ни славы твоихъ отцêвъ, ни ихъ добродѣтелей. Твоимъ отцамъ судилося быти когда-то рабами, — Польща мае право до тебе, якъ до своей земли, якъ до своей худобы (скота), и та-же Польща, нынька сама рабыня, таки не лишаеся того старого грабежного права. То право, якъ та вѣчная наслѣдственная хороба, опановала умъ и чувства смиренныхъ Богомъ гордецêвъ! То право стоитъ имъ полудами въ очахъ, щобы не видѣли ничьего бôльше права! — Воображенье ихъ чертае на воздухахъ великую державу, въ которой надъ русскими землями ажь по самъ славутный Днѣперъ владѣе польская мова, польскій стрôй, польская шляхта, — изъ Руси же на тѣхъ земляхъ не ма ни слѣду, ни знаку. Русь однако дышитъ великаномъ пôдъ ногами, ходитъ собѣ народомъ по землѣ пасущной, та поглядае тверезо на воздушныи забавки. Русь думае собѣ:

входятъ въ союзъ съ Мадьярами, съ панами, съ магнатами, съ привилегіантами, то най собѣ здоровы входятъ; Мадьяры иноплеменники, — завоеватели Славянъ, гонители Славянъ, найшли другôвъ собѣ во всѣхъ противникахъ Славянства; имъ не въ головѣ ни въ сердцѣ судьба утисненныхъ, якъ мы поверженныхъ народôвъ: Словакôвъ, Русинôвъ, Сербôвъ, Румунôвъ. „Славянинъ не человѣкъ,“ говорятъ Мадьяры; такъ най идутъ собѣ до Мадьярôвъ. А мы, угнетенныи, будемъ до послѣднёго держати съ угнетенными, а мы, народолюбцы, будемъ боронити правъ народôвъ, а не сплѣснѣлыхъ правъ историчныхъ, аристократичныхъ, правъ сильнѣйшихъ противъ слабшихъ. Мы будемъ Русинами, а Русь свободная не позволитъ собѣ на своей загородѣ бити столпôвъ граничныхъ панской державы, — бо русская Мати велика, богата, вѣрна Богу и своему закону, не уступитъ права своего до своей загороды ни пôдъ якимъ условіемъ. Такъ на соромъ Матери-Славы продолжатися буде наша домашняя незгода! Свѣтъ не може ôтъ насъ жадати, щобы мы здавались на ласку тѣмъ, которыи непремѣнно и безусловно желаютъ для своего панованья нашой политической смерти. Здатись на ласку-неласку значило бы тутъ: не чувствовати въ собѣ достоинства, ни права, было бы крайнимъ раболѣпіемъ, за которое осудила бы насъ исторія русская именемъ измѣнникôвъ. Згода была бы возможна тôлько на одной дорозѣ, на которой маемъ зôйтися, т. е. на будущôмъ Соймѣ Львовскôмъ. Обѣ стороны нехай поставятъ себѣ взаимно условія, межь которыми зъ русской стороны были бы головныи слѣдующіи: 1) Торжественное признаніе со стороны цѣлого Сойма передъ лицемъ всей Европы, що въ Галичинѣ не одинъ, но два славянскіи народы существуютъ: русскій и польскій, и що польскій надъ русскимъ, ни наоборотъ, не мае ніякого права первенства. 2) Языкъ русскій въ русской части въ школахъ, урядахъ, судахъ и во всякомъ публичномъ употребленіи мае быти языкомъ краевымъ, а польскому мае быти свое право, по-при немъ быти сорозмѣрно употребляемымъ, по справедливости и требованіямъ края. Въ польской части мае быти краевымъ языкомъ польскій. Пôдъ такими условіями забылись бы давніи незгоды историческіи, а мы стали бы яко два розличныи, но братскіи славянскіи народы, соединенныи духомъ любви, до дѣла истинной гражданской свободы. Такъ лишь открытое, щирое признанье собѣ взаимно того, що каждому по отвѣчнымъ, неизмѣннымъ правамъ принадлежитъ, и лишь духъ взаимности славянской погодитъ насъ и не допуститъ до того, щобы при двохъ спорящихъ кто иный имѣлъ всю корысть.“

Цѣлый 1862 годъ, якъ мы уже выше представили, занимался Ив. Наумовичъ преимущественно обрядовымъ вопро-

сомъ. Его, якъ извѣстно, пôддерживали дѣятельно многіи ревнители чистоты русского обряда и плоды „обрядового движенія“ показались уже наглядно въ 1863 году. „Обрядовое движеніе“, разомъ съ подъемомъ народного духа, проявило чудеса въ Галицкой Руси. Галицкая Русь якъ бы переробилась. Безъименный авторъ статьи: „Апологія исправителей обряда“ („Слово“ ч. 6, 7 и 8 за 1863 г.), такъ представляе то перерожденіе:

Где давнѣйше въ церкви не было порядка, где иконы розличного рода въ безладѣ по счорнѣлыхъ и запорошенныхъ стѣнахъ были порозвѣшованы, межи которыми находилися не тôлько кальварійскіи богомазы и образы Святыхъ, въ розличныи времена не дуже искусно малёваны, но также часто мірскіи портреты шляхтичей или королей польскихъ, щò то съ обновленного двора были коляторомъ, который не малъ ихъ куда подѣти, въ дарѣ церкви принесены; где давнѣйше зъ иконостаса образы Апостолôвъ служили за сходы на хоръ, а образы Іисуса Христа и Богородицы за пôдлогу тамъ-же; где, вмѣсто греческого престола, стоялъ купленный зъ костела олтарь латинскій со статуями святыхъ іезуитôвъ, заслоняющихъ маленькіи окôнця пресвитеріи такъ, що трудно было дозрѣти довольно толстыи буквы въ Евангеліи на престолѣ: тамъ теперь порядокъ въ церкви, стѣны малёваны, иконостасъ новый, престолъ отвѣтный обряду, выгодный и ясный. Где давнѣйше богослуженіе скорочене, съ выпущеньемъ ектеній, недбало, съ храпливымъ дьякомъ безъ науки, но за то съ трема звôнками ôтправлялося, тамъ нынѣ ажь мило послухати пѣнія и неможно, хотя не звонятъ въ звôнки, довольно насмотрѣтись богослуженію и наслухатись науки. Где давнѣйше для убогого Лазаря не было похорона, тôлько такъ зовимое покропленіе, od niepamiętnych czasów введенное, и похоронъ тôлько богачеви ôтправлялся, тамъ теперь всѣмъ одинаковый похоронъ, якъ богачеви, такъ и убогому ôтправляеся, бо церковь въ Требникахъ того розличія не положила. Где давнѣйше на праздникахъ священники, ôтчитавши, або лучше сказавши, збывшися службы Божой, во время богослуженія въ церкви наслаждалися на попôвствѣ пищею и напитками, а наѣвшися и напившися, ставали безъ всякого почтенія до собору или такъ зовимой „асисты,“ а неразъ забывали службу Божу спѣванную отправити: тамъ теперь, вспôльно съ собранными людьми, всѣ священники молятся и соборну службу совершаютъ и уже не може быти небезпеченства, лишити той день святый безъ торжественной службы Божой, а священники не ôтходятъ изъ церкви, доки все богослуженіе не окôнчится; даже на Воздвиженіе Ч. Креста не тôлько пôстъ ломался, безъ всякого зазрѣнія совѣсти, но

и съ музыкою, на соблазнь цѣлому свѣту, забавлялися (то было въ Куровичахъ, Золочевского округа), тамъ нынѣ, если есть праздникъ, скромно съ постомъ пожививщися, священники забавляются розмовою о получшенью норовственности и побожности по-межь людомъ, имъ повѣреннымъ, о обрядахъ и ихъ значеніи или о клопотахъ господарскихъ. Где давнѣйше священникъ не заглянулъ до хаты селянина безъ корысти своей, днесь дѣлае ôнъ предписанное посѣщеніе и молитвае дôмъ, а газды и газдыни витаютъ его съ почтеніемъ, а дѣти съ радостью, бо образочки имъ несе. Где раньше на комашняхъ цѣль священника была наѣстися и напитися, или, закуривши сигару, безтолки и небылицы плести, тамъ днесь священникъ, въ полной повазѣ и сознаніи своего званія и значенія, подѣляе страву, на якую стати селянина, и употребляе ту хвильку своего пребыванія въ хатѣ, по ôтправленью молебствій, на обученіе селянъ, читае имъ занимательныи норовственныи повѣсти изъ „Слава Іисусу Христу,“ изъ повѣстей Пôдбруснянeнка, Бѣлецкого, Наумовича. О, якъ же имъ подобаеся Наумовича „Недѣля,“ „Третій Май“ и пр., или где-що изъ „Господарства сельского!....“

Такая дѣятельность священникôвъ не могла подобатись противникамъ русской Церкви и народа. На священникôвъ стали, якъ само собою понятно, косо смотрѣти, а положеніе ихъ авторъ вышеназванной статьи такъ описуе: „Русскими священниками всѣ интересуются, якъ живутъ, якъ богослуженіе правятъ, а никто не запытае, чи ты маешь що ѣсти, себе, жену и дѣтей отвѣтно удержати. За тѣхъ бо нужденныхъ 150 до 300 реньскихъ хотятъ панове коляторы мати зъ нихъ выгоду, а правительство услугу. Можешь быти Австріякомъ, но такимъ, щобы-сь Польщи не прогнѣвилъ; можешь быти Грекомъ, но такимъ, щобы-сь латинникамъ подобался; можешь быти Русиномъ, но такимъ, щобы-сь Нѣмцямъ, якъ правдивымъ, такъ и фальшивымъ, догодилъ. Св. папа каже: „Держися точно предписанныхъ обрядôвъ Церкви восточной, бо я не хочу, щобы всѣ были латинянами, но католиками; защитники же zwyczajów od niepamiętnych czasów кричатъ: „Ани ми ся важь! Правь, якъ хочешь, тôлько не такъ, якъ обрядъ приписуе, бо намъ теперь такъ потреба!“ Себелюбіе жадае: Будь Русиномъ, но такимъ, щобы-сь у панôвъ польскихъ ласки не стратилъ, — а наконецъ Богъ и совѣсть жадае: исполняй должности свои яко честный Русинъ и священникъ.. И такъ маешь быти, якъ бойко каже, и такимъ великимъ, и такимъ маленькимъ; и такимъ, якъ снѣгъ бѣленькимъ, и такимъ, якъ уголь чорненькимъ. Якъ же всѣмъ тѣмъ супротивностямъ догодити? То воистину не въ силахъ человѣка, а однакже

И. Наумовичъ въ рясѣ и колпаку.

(Съ портрета, сдѣланного въ 1863 г. Ф. Гутовскимъ, по заказу русскихъ академиковъ.)

ôтъ русского священника жадаютъ всего того! А понеже священнику невозможно всѣмъ догодити, то оттуда и происходитъ ненависть изъ всѣхъ сторонъ на русское духовенство.“

Между тѣмъ противники чистоты обряда русской Церкви и противники Руси не переставали посылати правительству и въ Римъ жалобъ и доносôвъ на русскихъ священникôвъ, будьто тіи вводятъ „шизматицкіи“ обряды. Вслѣдствіе того въ началѣ апрѣля 1863 г. Львовская и Перемышльская гр. кат. консисторіи получили новое папское посланіе, которое требовало пріостановленія такъ называемыхъ „реновацій“ до рѣшенія папы, а для поясненья всего вопроса, присылки въ Римъ довѣренныхъ лицъ ôтъ русского клира. По той причинѣ Львовская консисторія рѣшила составити для дѣлъ обряда двѣ комисіи, изъ которыхъ одна мала установити временное однообразіе обряда, на основаніи дотеперѣшнихъ обычаêвъ, другая же занятися приготовительными трудами для будущого провинціального Синода, который обѣщалъ созвати Митрополитъ Григорій. Послѣ окôнченья трудôвъ тѣхъ комисій, мали выѣхати въ Римъ представители клира. Сторонники чистоты обряда покладали всѣ свои надѣи на Митрополита Григорія. Въ самôмъ дѣлѣ, Митрополитъ Григорій сочувствовалъ дѣлу очищенія обряда и пять разъ взывалъ къ собѣ Ив. Наумовича. „Сей высокочестный и глубокоученый мужъ, — сказалъ Ив. Наумовичъ на судѣ ко время процеса въ 1882, — выслухавши мене и признавши менѣ правду, сказалъ, що наши стремленія справедливы, но еще не на часѣ, и що то не може быти дѣломъ поодинокихъ духовныхъ, тôлько на то треба скликати Синодъ; щобы все то уладити, ôнъ велѣлъ менѣ списати мои мысли; я списалъ, сослался на всѣ Соборы и конституціи и доказалъ такъ, що не оставалось ніякого сомнѣнія, що то дѣло буде рѣшено въ нашу корысть.“

Но середъ приготовленій къ рѣшенію такъ важного дѣла умеръ скоропостижно Митрополитъ Григорій Яхимовичъ. Вся патріотичная Русь заплакала ревными слезами по поводу той утраты, ибо ôнъ своимъ авторитетомъ и силою своего характера ôтвернулъ не одну горечь ôтъ русского народа и искренно сочувствовалъ его розвитію. Особенно пріуныли чистители обряда, а межь ними особенно Ив. Наумовичъ. Ôнъ, якъ уже высше сказано, неоднократно бесѣдовалъ съ Митрополитомъ Григоріемъ въ дѣлахъ Церкви и выходилъ ôтъ него съ ободреніемъ, хотя и съ совѣтомъ, поступати мудро. Вся Галицкая Русь предчувствовала, що въ лицѣ Митрополита Григорія зôйшолъ въ могилу не тôлько Голова Церкви, но и Отецъ русского народа, Покровитель духовенства. Кто былъ Митрополитъ Григорій, о тôмъ межи прочимъ свѣдчатъ слѣдующіи факты: Въ 1860 г., коли Римъ и Фран-

ція стали усердно поддерживати роспространеніе уніи въ Болгаріи, папскій нунцій въ Вѣднѣ и Львовскій латинскій архіепископъ Вѣршхлейскій затребовали отъ пребывающого тогды въ Вѣднѣ Митрополита Григорія, щобы онъ, яко Голова уніатовъ, издалъ ободрительное посланіе къ Болгарамъ, щобы они тѣмъ-скорше приняли унію. Розумѣеся, въ томъ посланіи имѣлъ Митрополитъ заявити, що Русинамъ унія принесла счастье. Митрополитъ однако, не желаючи издати такого посланія, а зъ другой стороны не хотячи обидѣти высокихъ достойниковъ, отвѣтилъ имъ такъ: „Я написалъ бы такое посланіе, но боюсь вызвати неудовольствіе нашого правительства. Въ дѣло введенія въ Болгаріи уніи вмѣшалась Франція; по Болгаріи снуются политичныи агенты Франціи, — видно що тутъ входитъ въ игру политика, а може якая интрига противъ Австріи. Въ виду сего менѣ трудно выставлятись и я посланія не издамъ.“ Около того-же времени прибылъ во Львовъ изъ Парижа русскій іезуитъ И. Мартыновъ, щобы испросити у Митрополита Григорія позволенье на переходъ пяти русскихъ (россійскихъ) іезуитовъ изъ католицизма въ унію и на поселенье во Львовѣ. Къ Митрополиту не было легко іезуитамъ достатись, для того о. И. Мартыновъ попросилъ тогдашнёго редактора „Слова,“ Б. А. Дѣдицкого, щобы его туда завелъ. Іезуитъ Мартыновъ изложилъ свое прошеніе Митрополиту и торжественно заявилъ, що его общество построитъ во Львовѣ величавую уніатскую церковь и буде правити богослуженіе точно по восточному уставу, члены общества будутъ ходити въ рясахъ и носити бороды и пр. Митрополитъ Григорій, который нарочно задержалъ Б. А. Дѣдицкого, щобы при томъ розговорѣ мати свѣдка, выслухавши О. Мартынова, сказалъ: „Мы бы васъ охотно приняли въ унію, однакожь подъ условіемъ, если станете у насъ не іезуитами, но Василіанами.“ — „Мы того не можемъ, ибо мы присягали!“ отвѣтилъ о. Мартыновъ. — „То и мы не можемъ, — сказалъ Митрополитъ; — если вы хочете чисто хранити восточныи уставы, то знайте, що по тѣмъ уставамъ не мае быти у насъ больше чиновъ, лишь только Василіяне. Въ нашихъ уставахъ уже и такъ много перемѣнами занечистилось; я на ту новую дальшую ихъ перемѣну не дозволю. У насъ не было іезуитовъ; я ихъ не допущу. Если не хочете перейти въ чинъ св. Василія, останьте при своемъ генералѣ.“ Такъ и не впустилъ Митрополитъ Григорій іезуитовъ въ уніатскую церковь. Потомъ іезуитъ сталъ говорити съ Митрополитомъ о календарѣ и сказалъ, що императоръ Александръ II. и святѣйшій русскій синодъ скланяются приняти новый григоріанскій календарь, и спросилъ: „А что же тогда сдѣлаете вы, галицкіе русскіе, если самъ русскій

царь и синодъ примутъ григоріанскій, такъ называемый латинскій календарь?" — „То и тогды мы не пріймемъ латинского календаря," — отвѣтилъ Митрополитъ. „Да какъ?! Вы, маленькая горсть уніатовъ, развѣ вы одни останетесь при древнемъ греческомъ календарѣ?" удивился о. Мартыновъ. — „Останемся одни, якъ при старшôмъ ôтъ нашого календаря осталась еще меньшая ôтъ насъ горстка евреевъ," — сказалъ Митрополитъ. „Такъ у васъ ничего не значитъ авторитетъ русскаго царя, русскаго церковнаго синода?" — воскликнулъ о. Мартыновъ. — „Знаемъ цѣнити авторитеты, — отвѣтилъ спокойно Митрополитъ, — однако-жь знаемъ и то, що русскій царь и русскій синодъ не присягали на унію, и могутъ церковный уставъ ведля подобы смѣняти. Мы-же присягали папѣ, а папа присягалъ намъ, що старый іюліянскій календарь останеся во вѣки вѣчныи въ уніатской церкви."

Вскорѣ оправдалась боязнь русскихъ патріотôвъ. Администраторъ архіепархіи, а потомъ Митрополитъ, Спиридонъ Литвиновичъ, человѣкъ великого ума, но нетвердого характера и патріотизма, оказался податливымъ въ многихъ ôтношеньяхъ въ виду противникôвъ Руси... Спиридонъ Литвиновичъ старался зъ-разу подавити движеніе въ пользу очищенія обряда, а Ив. Наумовича приговорилъ къ утратѣ прихода и къ 2-недѣльной реколекціи. Но та кара не была исполнена, ибо С. Литвиновичъ не хотѣлъ покараньемъ такого популярного мужа, якъ Ив. Наумовичъ, возстановити противъ себе духовенство. Впрочемъ тогда начали змѣнятись и политичныи отношенья не въ корысть русского народа. Первымъ дѣломъ Спиридона Литвиновича было его путешествіе въ Римъ. Кромѣ Рима, также и правительство затребовало, щобы представители обохъ уніатскихъ епархій явились въ Римѣ. Депутація та ôтправилась изъ Галичины въ іюнѣ 1863 г. и въ составъ еи входили: изъ Львовской архіепархіи Владыка Спиридонъ и крылошанинъ М. Малиновскій, а изъ Перемышльской Епископъ Ѳома Полянскій, крылошане Г. Шашкевичъ и В. Бачинскій. Путешествіе то было важно по двомъ поводамъ: уніатскіи Епископы изъ Галичины въ первый разъ являлись въ Римѣ зъ тѣхъ поръ, якъ существовала унія, ибо Ипатій Поцѣй, Епископъ Луцкій, и Кирилъ Терлецкій, Епископъ Владимірскій, были первыми уніатскими Епископами, которыи посѣтили Римъ въ 1595 г.; во вторыхъ же послѣдствіемъ путешествія Галичанъ явилась такъ званая „Конкордія," о которой упомнемъ низше.

Послѣ смерти Митрополита Григорія, пôдняли головы розличныи противники Руси. Польскіи политики приготовля-

лись тогды къ повстанью и для того рѣзче стали выступати противъ русского народа. Но также межи рôжными людьми русского происхожденья нашлись поодинокіи личности, которыи почувствовали бôльшую свободу въ выступленьяхъ противъ чистоты обряда. Такъ професоръ Львовского университета, уніатскій священникъ, но римскій воспитанникъ, д-ръ І. Черлюнчакевичъ, сказалъ 5 (17) іюня 1863 г. во время преподаваній на II курсѣ богословія, що „шизматики — сыны чорта; церковь шизматицкая — синагога діавола; въ шизматицкой евхаристіи сидитъ чортъ, а дѣти священникôвъ — незаконнорожденныи.“ Возмущенныи питомцы обкинули за то фанатика гнилыми яйцями, за що сенатъ университета выдалилъ одного питомця изъ всѣхъ австрійскихъ университететôвъ, а 36 изъ Львовского университета. Дѣло то, якъ само собою понятно, вызвало въ цѣлой Австріи сензацію. Выдаленныи питомцы были однако приняты Кракôвскимъ университетомъ, и слѣдующого года вернулись во Львовъ. Д-ръ Черлюнчакевичъ же былъ переведенъ въ слѣдующôмъ году на Кракôвскій университетъ. Перемѣну въ ôтношеньяхъ послѣ смерти Григорія Яхимовича означае также фактъ, що правительство, на требованіе изъ св. Юра, выдалило 3 (15) іюля 1863 изъ Галичины извѣстного монаха, д-ра Владиміра Терлецкого. Причина выдаленья была — борода и ряса, корорыи носилъ В. Терлецкій. В. Терлецкій переселился тогды въ Угорскую Русь, въ Краснобродскій монастырь.

Въ ожиданіи рѣшеній изъ Рима, Ив. Наумовичъ притихъ временно въ обрядовôмъ вопросѣ и занялся усердно дѣлами своего прихода и составленьемъ поученій для народа. Но и ôнъ долженъ былъ почувствовати перемѣну. Въ Вѣднѣ выходила тогды издаваемая правительствомъ газета „Вѣстникъ.“ Якій-то безъименный дописыватель написалъ въ ту газету, що обрядовое движеніе гонитъ русскихъ крестьянъ въ латинство и що даже одна часть прихожанъ о. Ив. Наумовича перейшла въ костелъ, а другая подала на него жалобу въ консисторію за то, що ôнъ удалилъ изъ церкви латинскіи обряды. Та неправдивая и злобная допись, напечатанная въ той цѣли, щобы Ив. Наумовича обезславити, вызвала зъ его стороны отвѣтъ: „Въ оборонѣ оскорбленной личности и обрядовцêвъ“ („Слово“ н-ры 71 и 74 за 1863 г.). Въ семъ отвѣтѣ описуе Ив. Наумовичъ то состояніе прихода въ Перемышлянахъ и Коростнѣ, якое ôнъ засталъ въ 1856 г. (о тôмъ говорится выше въ семъ жизнеописаніи) и приводитъ доказательства, заперечающіи донесенье дописи „Вѣстника.“ Отвѣтъ сей содержитъ любопытныи данныи и составляе цѣнный матеріялъ для жизнеописанія Ив. Наумовича; для того мы

приведемъ часть сего отвѣта дословно. Ив. Наумовичъ признае, що часть его прихожанъ перейшла въ латинство, но то сталось еще до его прихода въ Перемышляны. Коли же ôнъ сталъ тамъ приходникомъ и занялся церковью, обстоятельства перемѣнились. Такъ межи прочимъ Ив. Наумовичъ пише:

„Было то въ груднѣ 1861 г., коли Перемышлянцы, веденныи любовью къ прадѣднему обряду, задумали купити въ Перемышлянахъ недалеко церкви лежащую реальность, съ грунтомъ и сѣножатями, на обиталище для священника ôтъ Ѳ. Лотоцкого, мѣщанина и старшого брата, за огромную для Перемышлянскихъ Русинôвъ суму, 1000 р., однако пôдъ условіемъ, що священникъ соблюдати буде у нихъ точно уставы старинного греческого обряда, щобы такъ всегда ôтправлялися, якъ теперь, т. е. якъ въ 1861 г. ôтправлялися. А коли, по поворотѣ бл. п. Митрополита Григорія изъ Вѣденьского Сойма (державной Думы), выйшло повелѣніе, повернути до „здешного“ обычая, тогда, по власному побужденію, даже противъ моей воли, Перемышлянцы завозвали дьяка, щобы имъ въ книжкахъ показалъ все, якъ должно быти, и на основѣ сего мѣщанинъ Михаилъ Лотоцкій написалъ прошеніе Митрополиту о задержаніи всего, якъ по греческому уставу быти должно и якъ въ нашой церкви въ груднѣ 1861 г. было, а то прошеніе диктовали и пôдписали люди числомъ 50. Ажь коли потôмъ менѣ загрозили суспензіею, если я не заведу звôнкôвъ и не устраню затвиранія царск. вратъ и затяганья завѣсы пôдчасъ литургіи ажь тогды, по долгихъ короводахъ и просьбахъ, ôтступили люди ôтъ своего упрямства изъ боязни, щобы мене не суспендовали. Що-же до намѣренного купна оной реальности, то они охолоднѣли и ôтступили одногласно ôтъ прежней мысли по причинѣ, що не могутъ рѣшитися до жертвъ въ пользу греческого обряда, которого въ чистотѣ не можно соблюдати. То суть нагіи факты и писанныи акты, которыи доводятъ, що мене за устраненіе латинскихъ обрядôвъ не позывали и не писали ни до консисторіи, ни до бл. п. Митрополита; устраненіе же греч. обрядôвъ было причиною неудовольствія мѣщанъ и поводомъ охоложенья ихъ въ ревности, которая предвѣщала такъ много добра для нашой Церкви.“ Упомянутый безъименный дописыватель „Вѣстника“ упрекнулъ также Ив. Наумовича въ тôмъ, що ôнъ не занимаеся школою въ Перемышлянахъ. На то отвѣтилъ Ив. Наумовичъ: „Въ Коростнѣ учредилъ я школу парохіальную, съ дотаціею 147 зр.; а коли школа въ 1861 г. згорѣла, училися дѣти въ нанятой хатѣ, теперь же выставлена новая школа. Больше якъ Коростнянскою школою занялся я, наставши на ту парохію, школою Перемышлянскою; черезъ ту школу я подупалъ на моемъ маетку; на ню

жертвовалъ я бôльше, чѣмъ мôгъ, часу и гроша, а не осягнувши нiякого результата и пересвѣдчившися, що та школа неспособна принести народу той пользы, якую ôтъ школы вымагаютъ, сталъ я думати о учрежденiи особной парохiальной школы, пôдъ русскою консисторiею, до чого есть добрая воля и охота парохiянъ, но перепоною, якъ до всего, и до того есть крайнее ихъ убожество. — Наставши въ Перемышляны года 1856 и заставши въ школѣ всего трое дѣтей, я взялся всѣми силами до того, щобы бôльше русскихъ дѣтей посѣщало школу и щобы они могли учитися въ ней ведля требованiя обряда и народности русской. Смѣло началъ я борьбу съ всякими перепонами и незадолго привѣлъ до того, що найшлося въ школѣ уже кôльканадцятеро дѣтей. То было найбôльшое число, якое можно было осягнути, со взгляда на крайнѣе убожество русской громады. Дѣти были, но вопросъ, на чѣмъ тѣ дѣти учити? Не ино для русскихъ, но и для всѣхъ дѣтей не было книжокъ. Я ѣздилъ за книжками два разы до Львова и не дôсталъ ни одной книжки въ нiякой книгарнѣ, такъ що я, по кôлькохъ тыждняхъ, якъ дѣти пересидѣли дармо въ школѣ, былъ принужденъ написати о тôмъ донесенiе въ министерство просвѣщенiя, съ прошенiемъ, щобы оно роспорядило, дабы книгопродавцы были обовязаны книжки школьныи каждого часу мати въ продажѣ. Министерство здѣлало отвѣтное роспоряженiе, а Schulbücher-Verlags дирекцiя прислала менѣ выказъ всѣхъ книжокъ школьныхъ, съ объявленiемъ готовности присылки книжокъ за готовыи гроши, якiи схочу. А що у мене готовыхъ грошей не было, то я пожичилъ выше 40 зр. и послалъ по книжки. Книжки прiйшли и были розданы, но ледва за четвертую капнулъ грошикъ, а долга никто не заплатилъ, тôлько я, окаянный обрядовецъ. Извѣстно бо, що, хотячи дѣтей и родичей до школы заохотити, не можно начинати экзекуцiею за книжки. Меньше однако-жь было той страты, щó на книжки, а бôльше ôтти, що я, идучи до школы на цѣлое пополудне, оставлялъ въ полѣ плугъ, бороны и насѣнье безъ догляда. И такъ, по поводу Перемышлянской школы, которой я не спустилъ зъ ока весь одинъ и другiй годъ ни одного тыждня, пôшло спати мое господарство. На сто моргахъ поля начался передновокъ уже около Рождества и такъ передновковался три года, по поводу моей школьной ревности. По такой гôрькой практицѣ прiйшло до розсчета. Кôлько было страты, а кôлько пожитку? Показалося, що по моей сторонѣ была совершенная руина, а по сторонѣ школы нiякого успѣха. Дѣти бо, бывшiи въ школѣ 1856 года и научившiися читати, троха катихизма и пѣсней церковныхъ, года 1857 уже пôйшли поганяти или до ремêсла, забыли то все, щó съ такими жертвами научилися, а на ихъ мѣстце

прійшли молодшіи. А не можно строго осуждати и родичей, кто знае, якіи они бѣдныи и якъ каждая дитина 7—8-лѣтняя уже мусить на себе заробити, если хоче жити; про то родичи пускають дѣтей до школы тôлько на годъ, а найбôльше на два. Такіи обстоятельства оной школы принудили мене оглянутися также и на себе, но самовластно я не хотѣлъ опускати школу, а поѣхалъ до Львова и представилъ все подробно Его Преосв. Киръ Спиридону, бывшому администратору апостольскому. Его Преосвященство, розваживши всѣ обстоятельства рѣшили такъ: „Доки въ Перемышлянахъ не буде обиталища, вы обовязаны правильно катихизовати дѣтей въ школѣ Коростнянской, въ парохіи же Перемышлянской ограничатися на катихизаціи дѣтей школьныхъ въ церкви; тôлько ôтъ часу до часу, коли позволитъ время, наглядати, щобы въ школѣ Перемышлянской учили русского языка и письма, а коли позволитъ время, тамъ же и катихизовати."

Перемѣна ôтношеній не въ корысть русского народа зазначилася въ 1864 году еще бôльше. По смерти бл. п. Митрополита Грлгорія, вся Галицкая Русь требовала, щобы его преемникомъ былъ назначенъ крылошанинъ Михаилъ Куземскій, пользовавшійся всеобщимъ довѣріемъ и уваженіемъ. Въ статьѣ „Наша будучность" въ „Словѣ" (ч. 40 за 1863 г.), авторъ еи, заявивши, що, „еслибы правительство и Римъ желали на-правду узнати неложную свободную волю Руси, еслибы желали повѣрити Русь певнымъ рукамъ: то заслуги оного достойника (т. е. М. Куземского) увзгляднити бы выпадало," сказалъ дальше: „Дуже ошибаются тѣ, а число ихъ невеликое, щô думають, що при теперѣшнѣмъ буйнôмъ настроеніи русского молодшого клира всеконечна диктаторская власть въ рукахъ строгого Митрополита, которого правиломъ было бы не слухати ничьего голося изъ народа, но повелѣвати отъ-такъ: По сему быть... Но Галиція нынѣ не Луцкъ и не Холмъ, Австрія не Польща, а лѣта послѣдніи не середніи вѣки. Будущій Митрополитъ однимъ тôлько мôгъ бы клиру заимпоновати, т. е. своимъ внутреннимъ достоинствомъ, своими заслугами, своимъ народолюбіемъ. Хоче ли быти его начальникомъ, най не уповае на диктаторскую власть, которая небезпечна, но, изглубивая духа часу, най возьме его важки (возжи) въ руки и най добре ними поводитъ по битой дорозѣ народности до назначенной цѣли: автономіи церковной и народной." Желаніе Руси, однако, не исполнилось и Митрополитомъ былъ назначенъ Спиридонъ Литвиновичъ. Покойный Митрополитъ Григоргій щедро пôддерживалъ газету „Слово," даючи ей значительныи запомоги до тѣхъ поръ, поки она не получила стôлько пôдписчиковъ, що могла самостоятельно существовати. Новый Митрополитъ

зазначилъ свое тоношеніе къ „Слову“ тѣмъ, що редактору его, Б. А. Дѣдицкому, выдалъ процесъ за то, що будьто-бы въ вышеупомянутой статьѣ „Наша будучность“ (именно словами: „лицемѣрный Римъ, желающій прежде всего нашой церковной и народной зависимости ôтъ чужихъ, враждебныхъ намъ стихій“), „Слово“ выступило противъ найвысшихъ церковныхъ и политичныхъ властей въ Римѣ и Вѣднѣ и стремится ослабити унію. Росправа въ семъ дѣлѣ отбылась 17 (29) января 1864 г. во Львовскомъ карномъ судѣ, а Судъ освободилъ Б. А. Дѣдицкого, но ôтношеніе Митрополита Спиридона къ родному и церковному вопросамъ не поправилось. Тѣмъ не меньше очищеніе обряда и церквей продолжалось, хотя и въ тишинѣ. Замѣчательно, що въ то время, коли въ Галицкой Руси выкидали органы изъ церквей, въ Холмской Руси новопоставленный Епископъ, І. Калинскій, вводилъ органы и роспорядилъ, щобы въ уніатскихъ церквахъ „годзинки,“ „рожанцы,“ „пассіи“ и т. п. народъ спѣвалъ по польски, приказалъ уніатскимъ клирикамъ одѣватись въ комжи, скасовалъ русскіи праздники Трехъ Святителей и Іоанна Крестителя и переодѣлъ крылошанъ въ латинскіи рокеты. Послѣ оказалось, що епископъ Калинскій дѣятельно пôддерживалъ повстанье и за то былъ засланъ въ глубь Россіи.

Принужденный обстоятельствами молчати въ обрядовôмъ дѣлѣ, неутомимый духъ Ив. Наумовича найшолъ собѣ поле иной дѣятельности, поле широкое и благодарное, на которôмъ ôнъ пріобрѣлъ имя „Просвѣтителя Руси.“ Онъ кинулся на поле просвѣщенія народа. О тôмъ черезвычайно важнôмъ дѣлѣ, въ которôмъ Ив. Наумовичъ положилъ вѣкопомныи заслуги, ôнъ самъ пише слѣдующое („Слово“ н-ръ 67 за 1864 г.):

„О потребѣ простонародныхъ читанокъ и часописей не ма що долго розводитися. Що року выходятъ изъ народныхъ шкôлъ тысячи молодежи обоего пола, та съ книжками школьными и молитвословцями кôнчится вся ихъ наука. У людей выходятъ розличныи популярныи письма, съ призначеніемъ для простого народа; у насъ лежитъ то поле еще ôтлогомъ. А поле то найширшое, найбуйнѣйшое, трудъ на немъ выплатился бы сторицею! Най-бы мали наши люди що доброе и занимательное читати, а вмѣсто піятики по корчмахъ въ Недѣли и свята, завязались бы у насъ по селамъ Читальни, Бесѣды русскіи, умножалась бы и розвивалась бы наша русская сельская интелигенція. Тогды, якъ бы народъ практично позналъ хосенъ школьной науки, дбалъ бы лучше о школы и лучше бы ихъ выпосажалъ. Наука пôднесла бы добробытъ и моральность народа и Русь стала бы на степени просвѣщенныхъ народôвъ. Чѣмъ бôльше у насъ умножаются школы

чѣмъ бôльше вырабляются сельскіи учители и чѣмъ бôльше письменныхъ що року на Руси прибывае, тѣмъ бôльше вопіющою потребою есть издаванье популярныхъ книжечокъ и часописей.“

Въ то время въ рукахъ народа уже находились книжечки И. Наумовича: „Повѣсти: и пѣсни“ и „Ластôвка.“ Ревнители народного просвѣщенія взывали его посредствомъ газетъ, щобы ôнъ бôльше такихъ книжечокъ „кинулъ на Русь.“ Но Ив. Наумовичъ отвѣтилъ имъ: „Не такіи, а лучшіи, полезнѣйшіи читанки належалось бы народу нашому подати, но то не есть дѣломъ моимъ, одного человѣка, а было бы то дѣломъ достойнымъ хоть бы и поважного цѣлого общества. Такими „Повѣстями,“ такою „Ластôвкою“ народъ не просвѣтится, такіи книжечки суть тôлько принадою для дѣтей, щобы они розлюбилися въ читанью русскихъ книжечокъ, взялися охочо и до що-разъ чулшихъ, изъ которыхъ могли бы научитись много полезного. Но не такъ-то легко писати добрыи популярныи книжечки. Не разъ думалъ я посвятити имъ всѣ мои силы, но заледво подумалъ, уже и почувствовалъ все мое безсиліе... Щобы учити народъ, треба самому безпрестанно учитись, треба мати коли и изъ чого учитись, треба мати за що набыти богатую библіотеку, всякого рода популярныи сочиненія, вытягати изъ нихъ, щó для народа нашого найполезнѣйшого и перерабляти на русскій простонародный ладъ. Предметы для такихъ книжечокъ были бы слѣдующіи: 1) Религійно-моральныи повѣсти; 2) Жизнеописанія Святыхъ; 3) Астрономія, географія, исторія, физика и пр.; 4) Земледѣліе, огородництво, ското- и пчеловодство; 5) Байки, повѣстки и пѣсни для дѣтей; 6) Белетристика, повѣсти, поэзіи и гумористика народа; 7) Народная философія: притчи и приповѣстки; 8) Біографіи славныхъ русскихъ мужей. Обдумавши рѣчь всесторонно, прійшолъ я до сего пересвѣдченья, що тѣ розличныи предметы обробитись бы дали съ найбôльшою пользою для народа не книжечками, но далеко лучше доброю популярною часописью. Причины, для которыхъ превозношу часопись надъ книжечки, суть слѣдующіи: 1) Книжечку составляе звычайно одинъ человѣкъ, ôтъ которого не можно ожидати, щобы ôнъ въ стôлько розличныхъ отрасляхъ знаній былъ совершенный, при часописи же совокупляются розличныи силы, каждый писатель обрабляе свôй властивый предметъ; 2) книжечка есть що-то оконченное, —часопись безконечная, якъ знаніе и практика человѣка безконечная. Книжечку хлопецъ чи дѣвчина перечитае разъ и другій, и уже не мае ни потребы, ни охоты до ней заглянути, кладе на полицю; закѣмъ зновь якая популярная книжка появится, мине якій-сь часъ, часомъ рôкъ и бôльше; ча-

сопись же утримуе дитину и ен родину весь рôкъ въ любопытствѣ... 3) Книжечки у насъ издаются найбôльше во Львовѣ. Крестьянинъ, живущій въ горахъ, або далеко на Подôлью, и не знае, чи выходятъ где на свѣтѣ якіи русскіи книжки. Онъ охотно далъ бы гроши, но съ его сторонъ никто во Львовѣ не бывае, а где-инде книжечки набыти не можно; часопись же забѣгне почтою и въ найдальшіи стороны и сама влѣзе ему въ руки. Для тѣхъ важныхъ причинъ предложилъ я сего року на Соборѣ „**Матицы**“ внесеніе о конечной потребѣ издаванія полулярной часописи. Вправдѣ, не малъ я надѣи, щобы „Матиця,“ намѣрившая уже издавати высшого рода необходимо потребную литературную часопись, занялась, при скудныхъ матеріяльныхъ средствахъ, и изданьемъ другой, популярной, но я считалъ должностью порушити сей предметъ, щобы побудити приватного якого русского человѣка до предпріятія сего, для Руси дуже спасительного дѣла.“

Въ дальшой части сей статьи Ив. Наумовичъ указуе, якая мае быти народная часопись: „Понеже русскій народъ, якъ извѣстно, глубоко религійный и поэтичный, муситъ и часопись его въ головной части занимати предметомъ вѣры и дыхати на-скрôзь поэзіею. Самая назва часописи муситъ быти религійна або поэтична... Нашъ народъ все любитъ начинати съ Богомъ и слухати о Бозѣ, о св. апостолахъ и мученикахъ, о св. Богородицѣ и всѣхъ святыхъ угодникахъ Божихъ; для того маютъ занимати житьеписи святыхъ и повѣстки религійныи другое мѣстце послѣ евангелія або молитвъ. Потомъ о великôмъ Божôмъ свѣтѣ: Що то солнце, звѣзды, земля? Якіи они? Що то зима, лѣто? Що то мѣсяць и его кватиры? Що то море, рѣки, горы, границы, пôднебья? Якіи на свѣтѣ народы? Чѣмъ занимаются? Якій у нихъ промыслъ, искуства? Якъ они управляютъ землю свою, чи такъ, якъ мы, чи лучше? Для чого лучше? и пр. Тутъ безконечный предметъ занимательный для земледѣльца о рôлѣ, сѣножати, садѣ, огородѣ, о худобѣ (скотѣ) всякого рода, о пчолахъ и о всемъ женскôмъ господарствѣ... Важною дуже рѣчію есть, щобы часопись популярна издавалася съ дереворитами (илюстраціями). Дередориты, особенно що-до рѣчей господарскихъ, умножили бы значительно число предплатителей и конечною потребою есть, щобы наша Галицкая Русь постаралася о якого опытного дереворитника, щобы съ леда якимъ образочкомъ не удаватися ажь до Вѣдня або Праги, хотя въ початку и тѣми далекими дорогами ходити треба, щобы до цѣли дойти.“

Уже въ 1863 г. выходили во Львовѣ двѣ газетки для народа: „**Дôмъ и Школа**, временопись, посвящена школамъ и сельскому народу,“ пôдъ редакціею **И. Гушалевича**, и „**Письмо до Громады**,“ пôдъ редакціею **С. Шехо**-

вича. Въ первой былъ Ив. Наумовичъ дѣятельнымъ сотрудникомъ, вторая же выходила дуже неправильно и не мала бôльшого вліялія на народъ. Но и „Дôмъ и Школа,“ якъ видимъ, не задоволяли Ив. Наумовича, если ôнъ звертался въ Общество „Галицко-русская Матиця“ съ предложеніемъ издавати новую популярную часопись, для которой и составилъ програму. Та програма свѣдчитъ, якъ глубоко Ив. Наумовичъ проникъ въ душу народа и якъ ôнъ пôзналъ его характеръ. Еще нынѣ програма Ив. Наумовича для народной часописи, написанная въ 1864 г., не утратила своего значенія. Ту програму осуществилъ Ив. Наумовичъ пôзднѣйше въ своей знаменитой „Науцѣ,“ но уже и въ 1865 году она была примѣнена въ популярной газетѣ „Недѣля,“ которую издавалъ М. О. Попель (пôзднѣйшій Епископъ холмскій, нынѣ же членъ св. Синода въ Петербурзѣ) и въ которой Ив. Наумовичъ дѣятельно участвовалъ. О изданіи сей газеты извѣстилъ Ив. Наумовичъ Галицкую Русь въ 94 н-рѣ „Слова“ прекраснымъ призывомъ къ сельскому люду. Изъ сего можно заключити, що ôнъ далъ починъ къ изданію „Недѣли.“ При концѣ сего призыва Ив. Наумовичъ заявилъ: „Ту газету берутся писати Всч. отцы и панове: Гавришкевичъ (Іоаннъ) изъ Камêнки, Гушалевичъ (Іоаннъ) изъ Львова, Качала (Стефанъ) изъ Шельпакъ, Добрянскій (Антоній) изъ Валявы, Желеховскій (Юстинъ) изъ Перемышля, Ильницкій (Василій) изъ Тернополя, Кулачковскій и Кульчицкій изъ Львова, Лозинскій (Іосифъ) изъ Яворова, Лысякъ (Ѳеодоръ) изъ Должнева, Меруновичъ (Климентій), Огоновскій (Емиліялъ) и Попель изъ Львова, Савчинскій (Григорій) изъ Звенигорода, Трещаковскій (Левъ) изъ Городка, Устыяновичъ (Николай) зо Славска, Шараневичъ (Исидоръ) изъ Львова, Ясеницкій (Павелъ) изъ Самбора и богато иншихъ.“ — Имена приведенныхъ лицъ, находящіися въ скобкахъ, добавлены нами, щобы близше означити личности сотрудникôвъ „Недѣли.“ — Изъ нихъ живутъ еще въ настоящое время оо. Гавришкевичъ, Гушалевичъ, Ю. Желеховскій, Ѳ. Лысякъ и М. Попель и г. И. Шараневичъ. Замѣтимъ также, що Ив. Наумовичъ первый упомнулъ о народныхъ читальняхъ, которыи нынѣ играютъ важную роль въ Галичинѣ.

Въ 1864 г. занялся И. Наумовичъ усердно постройкою новой церкви въ Коростнѣ, на мѣсто сгорѣвшой въ 1861 году Крестьяне предлагали купити старую церковь въ Куровичахъ, но Ив. Наумовичъ заявилъ имъ, що не годится ставити Божую святыню изъ порохна, коли каждый изъ прихожанъ поставилъ собѣ новую хату, и ôнъ взялся за дѣло постройки церкви камêнной. Въ церковной касѣ находилось на ту цѣль

134 зр. 70 кр., но Ив. Наумовичъ не унывалъ. Ôнъ выпросилъ у патрона, гр. А. Потоцкого, весь камêнь и вапно, а также потрêбный матеріялъ на крышу и 100 зр. начилными. Громада зложила во двохъ годахъ 298 зр. 90 кр., якъ говоритъ самъ И. Наумовичъ: „не ôтъ избытка, но ôтъ лишенія." Для того Ив. Наумовичъ выхлопоталъ въ намѣстничествѣ позволенье на собиранье складокъ въ Бережанскôмъ и Золочевскôмъ округахъ, а тѣмъ часомъ приступилъ къ постройцѣ церкви съ тѣмъ, щó было, и счастливо довêлъ постройку до конца.

При концѣ 1864 года, именно 4 декабря, была обнародована такъ называемая „Конкордія," т. е. постановленія Рима въ обрядовôмъ вопросѣ, въ дѣлѣ успѣшного рѣшенія которого для русской церкви и народности Ив. Наумовичъ стôлько потрудился. Головныи постановленія „Конкордіи" были: 1) Изъ латинского обряда на русскій и изъ русского на латинскій не вôльно переходити; 2) въ супружествахъ мѣшанныхъ сыны маютъ идти за обрядомъ отца, а дочери за матерью.—„Конкордія" глубоко опечалила ревнителей русской Церкви и народности. Первая точка ôтнимала русскимъ священникамъ надѣю и возможность ôтзыскати тѣхъ вѣрныхъ, изъ которыхъ во Львовской аріепархіи возникли цѣлыи латинскіи приходы, и упоминатися о тѣхъ исповѣдниковъ греческого обряда, которыи были перетягнуты въ Перемышльской епархіи въ латинство. А скôлько ихъ перетягнули, видно изъ того, що, по свидѣтельству польскихъ писателей, еще въ 1660 г. русская Перемышльская епархія числила до трехъ миліонôвъ душъ, а въ 1864 г. они составляли лишь третью часть того числа! Правда, „Конкордія" дала пôлъ года времени, щобы ôтступники вернулися къ обряду своихъ отцêвъ, но латинскіи ксендзы толковали то постановленье такъ, що папа далъ время для перехода въ латинскій обрядъ тѣмъ Русинамъ, которыи будьто бы неправно его опустили...

Жертвуючи въ 1865 г. много труда для успѣшного хода около постройки церкви въ Коростнѣ, Ив. Наумовичъ продолжалъ трудитись и для всего русского народа, помѣщаючи въ „Словѣ" и въ „Недѣлѣ" много цѣнныхъ статей и кореспонденцій. Русскій театръ во Львовѣ представилъ также его одноактовую комедію: „Заручины на помацки."

Межъ тѣмъ политичныи ôтношенія въ Галичинѣ въ 1865 г. стали быстро измѣнятись. Польская политичная партія увидѣла, що польскіи повстанья, безъ помощи якой-либо сильной державы, не возстановятъ польской державы. Повстанье 1863 г. было явнымъ сего доказательствомъ. Для того-то передовыи польскіи политики начали играти ролю австрійскихъ патріотôвъ, надѣючись, що съ помощью правительства они овла-

дѣють Галичиною и утвердять въ ней гнѣздо польской политики, изъ которого бы выходила агитація и въ другіи части Польщи, въ Россіи и Пруссіи. Первою цѣлью польскихъ политикôвъ, однако, было подавленье русского движенія въ Галичинѣ. Уже и раньше изъ Галичины ишли безпрестанно доносы въ Римъ о тôмъ, що Русины — „шизматики," а въ Вѣдень, що они тягнутъ къ Россіи. Тіи доносы усилились значительно въ 1865 г., послѣдствіемъ чого наступила явная перемѣна ôтношеній правительства къ русскому народу, и правительство стало ôткрыто склонятись въ сторону Полякôвъ. Одновременно начали показоватись также признаки несогласія межи самыми Русинами, а именно стала рости партія украинофилôвъ-фонетикôвъ. Видячи великое вліяніе русского духовенства на народъ, польскіи политики уже въ 1865 г. хотѣли издавати для русскихъ крестьянъ газету „Zhoda." Та газета мала употребляти латинскіи буквы и ослабляти вліяніе „Недѣли" и русского духовенства. — Еще въ 1859 г. намѣстникъ, гр. А. Голуховскій, хотѣлъ скасовати русскую азбуку. Но тому намѣренію сопротивилися тогды: Епископъ Спиридонъ, крылошане Михаилъ Куземскій и Михаилъ Малиновскій, професоръ университена Яковъ Головацкій, професоры гимназій Амвросій Яновскій и Θома Полянскій и священникъ въ Яворовѣ Іосифъ Лозинскій, которыхъ гр. Голуховскій призвалъ въ члены своей азбучной комисіи. „Zhoda" вправдѣ не была издана, но за то, щобы розбити Галицкую Русь, середъ русской молодежи стали нуртовати польскіи эмигранты, розширяючи межь нею т. з. „украинофильство." Одинъ изъ тѣхъ эмигрантовъ, Павлинъ Стахурскій, перемѣнившій свое имя на Свѣнцицкій, сталъ пôзднѣйше, въ 1866 г., издавати „Sioło," газету, посвящену rusko-ukraińskim rzeczom ludowym. Сего Свѣнцицкого - Стахурского, который пôдписовался также „Павло Свій," именовалъ пôзднѣйше гр. Голуховскій учителемъ русского языка въ академичной гимназіи, хотя ôнъ не малъ до того испыта. Признакъ, що ôтношенія правительства къ Галицкой Руси перемѣнилися, виденъ въ розвязанью „Кирилло-Меθодіевского Общества," основанного питомцями русской духовной семинаріи въ Вѣднѣ. То Общество постановило розвязати правительство, но его упередилъ тогдашній проректоръ семинаріи, Григорій Шашкевичъ, министерскій совѣтникъ, закидуючи Обществу, що оно выжичало своимъ членамъ гроши, до чого не мало права; що члены Общества выписовали книжки изъ Петербурга и що оно держитъ въ своей библіотецѣ „Страхопуда." Видячи, що польскіи политики перешкажаютъ розвитію Галицкой Руси, русскіи послы галицкого Сойма стали

уже въ якій пятый разъ ôтъ 1848 г. усильно требовати роздѣла Галичины на двѣ части: на русское королевство Галичины и Володиміріи и на польскій коронный край съ Заторомъ и Освѣтимомъ. Само собою розумѣеся, що Ив. Наумовичъ бралъ дѣятельное участіе въ трудахъ русскихъ пословъ въ Соймѣ, хотя тогды бесѣдъ немного произносилъ.

За то необыкновенную дѣятельность въ Соймѣ розвинулъ И. Наумовичъ въ 1866 г. Годъ сей былъ тяжкій для Австріи. Несчастная вôйна съ Пруссіею ослабила Австрію, вслѣдствіе чого Мадьяры ôтдѣлились ôтъ ней, образуючи изъ Угорщины осôбную державу, связанную съ Австріею тôлько особою Императора и нѣкоторыми вспôльными министерствами. Австрійское правительство склонилось всецѣло на сторону Поляковъ и для Галицкой Руси настало тяжкое время, ибо польскіи политики, чуючи за собою правительство, стали смѣлѣйше выступати противъ справедливыхъ требованій русского народа. По мѣрѣ того, якъ польскіи политики и польскіи газеты чѣмъ-разъ сильнѣйше нападали на Русинôвъ и ихъ требованія, выступали бôльше мужественно также и русскіи послы. Въ 1866 г. поставили русскіи послы въ Соймѣ требованіе, щобы дѣловодство въ Соймѣ велось также по русски. На то отвѣтили польскіи послы и газеты насмѣшками. Тогды Ив. Наумовичъ заявилъ въ „Словѣ:“ „Лучше да вырвутъ намъ языкъ природный, якъ щобы мы потеряли языкъ русско-народный!“ Дѣятельность Ив. Наумовича въ Соймѣ представитъ намъ число произнесенныхъ нимъ рѣчей въ самыхъ важныхъ вопросахъ, якіи тогды волновали Галицкую Русь. И такъ: 11 января Ив. Наумовичъ внесъ интерпеляцію къ правительственному комисару, зачѣмъ податковыи уряды секвеструють крестьянъ въ Золочевскôмъ и Бережанскôмъ округахъ за податки, если тамъ, вслѣдствіе неурожая, возникъ голодъ? Дня 25 января ôнъ произнесъ рѣчь и внесъ требованіе, щобы земледѣльческая школа въ Дублянахъ, которую тогды Соймъ основывалъ, была также русская; 10 февраля ôнъ выступилъ противъ гр. Лешка Борковского, который заперечалъ русскому языку рôвноправность съ польскимъ и утверждалъ, що галицко-русское и вообще малорусское нарѣчіе есть нарѣчіемъ польского языка; 20 февраля Ив. Наувичъ зновь говорилъ противъ экзекуцій за податки, немилосердно переводимыхъ властями; 3 и 5 марта ôнъ выступалъ противъ польскихъ пословъ, которыи требовали скасованья „терна,“ т. е. выбора коляторомъ священника изъ трехъ, предложенныхъ консисторіею кандидатôвъ, и хотѣли получити право выбора изъ числа всѣхъ кандидатôвъ; 16 марта ôнъ противился въ сильной рѣчи основанью повѣтовыхъ радъ; 20 марта ôнъ выступилъ противъ побиранья священниками

„меншого“ (ôтъ слова: „мша“ — служба) и „скопчины,“ яко унизительного для духовенства; 12 апрѣля ôнъ произнêсъ знаменитую рѣчь, требуючи ôтъ Сойма запомоги для русского театра во Львовѣ; 16 апрѣля ôнъ основывалъ необходимость роздѣла Галичины, наконецъ въ ноябрѣ 1866 г. ôнъ сказалъ двѣ рѣчи: одну противъ польского адреса къ Коронѣ, въ которôмъ польскіи послы не упоминали даже о существованіи Галицкой Руси, а другую въ дѣлѣ рôвноправности русского языка. Рѣчи Ив. Наумовича производили сильное впечатлѣніе на всю Галицкую Русь. Достойнымъ, въ числѣ другихъ, защитникомъ правъ русского народа былъ также священникъ Антоній Добрянскій. Для того-то имъ, особенно за рѣчи противъ польского адреса, изъ многихъ сторонъ Галичины присылали адресы, съ выраженьемъ благодарности и признательности. Такъ въ адресѣ Русинôвъ Перемышльскихъ, „пôднесеннôмъ впчт. посламъ крылошанину А. Добрянскому и о. І. Наумовичу,“ сказано межи прочимъ:

„Вамъ, пречестныи мужи, поручила сторона русская въ Соймѣ ту преважную задачу, въ имени ея, а посредствомъ ней въ имени всей Галицкой Руси, всенародно выразити всю горесть и печаль, явую невинно зносятъ Русины, ихъ готовность и рѣшительность дальше терпѣти, якъ и постановленье ихъ твердое: изъ законной дороги не сходити, но на той же выдержати ажь до спасенія самого! Якъ мужамъ доблестнымъ на стражѣ правъ народныхъ стоящимъ и своего высокого званія вполнѣ свѣдомымъ пристоитъ, Вы, господинове, смѣло и откровенно выступали въ оборонѣ оскорбленныхъ правъ народа русского, ôткрыли начала всѣхъ золъ и источники бѣдствій, презрѣній и гоненій Русинôвъ на Руси, указали на непорочность характера Русинôвъ, на ихъ щирость и доброохотность во всѣхъ благородныхъ подвигахъ и усиліяхъ гражданского житья-бытья, на ихъ пламенную любовь ко всему, що есть народнымъ, на ихъ довѣріе въ слово Августѣйшого Монарха, который запоручилъ и Русинамъ народность, отже собственное ихъ житье, на ихъ ожиданіе, що недолго еще остоится оплотъ, который злоба и зависть построила межь народомъ русскимъ и трономъ цѣсарскимъ, а также и на ихъ надѣю въ лучшую будучность, которой они, по увѣренію своему совѣстному, удостоилися. Вполнѣ мы соглашаемся съ вами, вселюбезнѣйшіи наши родимцы, во всемъ, що Вы именемъ нашимъ въ Соймѣ заявили, а высказали Вы все то мужественно, не зважая на громы, ярость и месть противникôвъ имени русского. Ваша розвага, холоднокровность и безпристрастіе причинились значно къ тому, що Вы побѣдили и восторжествовали надъ ложью, нечистотою и лукавствомъ ворогôвъ Руси! Свѣтлыми успѣхами вашого отвертого слова,

пречестнѣйшіи господинове, мы величаемся, а вамъ подяку щирѣйшую заявляемъ, що ваши слова загрѣли сердця наши горячѣйшимъ пламенемъ къ народнымъ дѣламъ и мы всѣ чувствуемъ, якій сильный духъ володѣе нами; прото певно и Вы не постыдаетеся успѣхôвъ дѣятельности вашой, которая ствердитъ навсегда, що Вы самую правду свѣту голосили и не на дармо ю высказали. Бо уже насъ инакше прозвати не удасться тѣмъ, которыи намъ нашого имени не надали, бо уже-жь не намъ выдерти вѣно (приданое) Христіанства и Славянства, якимъ надѣлили насъ наши Апостолы, Кириллъ и Меѳодій; бо уже-жь не намъ обмерзити ту землю, которой каждую стопу потомъ чела и кровью сердецъ орошали Праотцы наши. Они то не тôлько себе ради остоялися при рôдной почвѣ, при своей Церкви, при своемъ словѣ и при своей буквѣ, — они все то сокровище оставили намъ въ наслѣдіе, помимо нападôвъ варварства, помимо принадъ антихриста, помимо завистей апостатôвъ; мы же обѣтуемъ все то свято хранити и такъ исполнити завѣтъ Праотецъ нашихъ, ибо съ нами Богъ! А вамъ, всепочтеннѣйшіи избранники народа нашого, которыи не дозволили осквернити славы народной нашой, но окупили ю наново страданіями вашими многими, да будетъ честь, тричи честь отъ всѣхъ Русинôвъ, пока имени русского на Руси стане!“

Сей адресъ пôдписали крылошане Перемышльской консисторіи, съ архидіакономъ Г. Шашкевичемъ во главѣ, и многіи священники и міряне из Перемышля и окрестности. Такіи-же адресы получили послы А. Добрянскій и Ив. Наумовичъ ôтъ Русинôвъ изъ Дрогобыча и изъ другихъ частей края.

Самымъ важнымъ, однако, дѣломъ Ив. Наумовича въ 1866 г. было заявленье, ôтносящоеся до происхожденія русского народа въ Галичинѣ и Буковинѣ и его ôтношенья до русского народа въ Россіи. То заявленье составляе историчное событіе, эпоху въ жизни русского народа въ Австріи. Оно вызвало тогды великій шумъ во всей европейской печати, непримиримую вражду польскихъ политикôвъ къ Ив. Наумовичу и оно еще до нынѣ упоминаеся всегда, коли польскіи и украинофильскіи газеты заговорятъ о русско-народной партіи въ Галичинѣ. То заявленье, написанное И. Наумовичемъ въ редакціи „Слова“ и напечатанное въ 59 н-рѣ той газеты (1866), въ ôтдѣлѣ „Дописи,“ пôдъ скромнымъ заголовкомъ: „Поглядъ въ будучность,“ было вызвано слѣдующимъ обстоятельствомъ: Въ почКраіюля 1866 г., послѣ несчастной для Австріи битвы пôдъ атку левымъ Дворомъ (Кениггрецъ), въ Чехіи (3 іюля), выбралась изъ Львова въ Вѣдень польская депутація, въ составъ которой входили предводители польской партіи: краевый мар-

шалъ кн. Левъ Сапѣга, гр. А. Голуховскій, Корнилій Кшечуновичъ и др. Депутація та, корыстаючи изъ затруднительного положенья, въ якôмъ находилось австрійское правительство, прирекла ему пôддержку изъ стороны Полякôвъ, но пôдъ условіемъ, що одинъ Полякъ буде назначенъ канцлеромъ Галичины, другій памѣстникомъ, и що правительство не буде вмѣшиватись въ Галицкіи дѣла. Вѣсть о такихъ требованьяхъ сильно встревожила ревныхъ русскихъ патріотôвъ, бо исполненье польскихъ требованій означало бы полное пôдчиненье русского народа въ Галичинѣ пôдъ польскую политику. Кромѣ сего депутація требовала, щобы рѣшенія Сойма о знесеніи „терна" при замѣщенью приходôвъ, о признаніи польского языка яко урядового во всѣхъ урядахъ Галичины и въ дѣлахъ школьныхъ, получили императорскую санкцію, т. е. подтвержденье. Въ виду такой опасности выступае Ив. Наумовичъ съ мужественнымъ заявленіемъ, съ новымъ словомъ, которого передъ нимъ никто изъ Русинôвъ такъ ясно и всенародно не сказалъ, хотя всѣ лучшіи галицко-русскіи патріоты и ученыи то слово давно знали и въ сердцяхъ своихъ чувствовали и носили. Такое слово было уже высказано въ отзывѣ п. з. Deutsche Brüder (Братья нѣмцы), появившôмся во Львовѣ 23 августа 1848 г. яко Allgemeine Stimme der Ruthenen in Galizien (Загальный голосъ Русинôвъ въ Галичинѣ). Авторомъ сего ôтзыва, по свидѣтельству Б. А. Дѣдицкого, былъ тогдашній катихитъ въ Черновцяхъ, а пôзднѣйшій Галицкій Митрополитъ, Спиридонъ Литвиновичъ. Онъ прислалъ рукопись отзыва въ тогдашнюю „Головную Русскую Раду" и тая ю напечатала, но не ôтъ себе, якъ то она звычайно дѣлала съ подобного рода отзывами. А причина сего была слѣдующая: Въ мартѣ или апрѣлѣ 1848 г. депутація Русинôвъ, пôдъ предводительствомъ Михаила Куземского, просила намѣстника, гр. Франца Стадіона, о помôчь правительства для русского народа. Тогды Стадіонъ запыталъ Русинôвъ: Скажѣте, чи вы такіи самыи, якъ Россіяне, ибо если вы такіи, то правительство не буде вамъ помагати. Депутація, щобы зыскати милость правительства, отвѣтила, що галицкіи Русины составляютъ для себе отдѣльный народъ. Для того-то „Головная Русская Рада" и не напечатала ôтъ себе упомянутого отзыва „Братья Нѣмцы," ибо въ семъ отзывѣ на самôмъ вступѣ сказано: „Роздаются многіи голосы, которыи подозрѣваютъ насъ, що мы склоняемся къ Россіи, и для того не желаютъ нашого народного розвитія. Та точка составляе давно дуже шкодливую засаду, изъ которой наши непріятели нападаютъ съ смертельными ударами на нашу народность, скоро тôлько она проявитъ признакъ житья. Братья Нѣмцы!

И Россіяне намъ единоплеменны, — вспôльная славянская кровь плыве въ нашихъ жилахъ, вспôльная судьба въ давніи времена, майже той самый языкъ, обычаи и т. д., дѣлаютъ россійскихъ братей дорогими нашому сердцю. Если бы мы хотѣли то заперечати, то мы не нашли бы вѣры даже у васъ; мы лгали бы, а яко совѣстныи и честныи мужи, мы бы не могли выступити передъ очами Европы.“ Ив. Наумовичъ въ 1866 г. лучше розвинулъ и таки въ рôдномъ словѣ (не по нѣмецки) высказалъ то-же самое народное вѣроисповѣданіе. Ив. Наумовичъ увидѣлъ именно, що Галицкая Русь пропаде, если она и дальше буде уважати себе самостоятельнымъ, ôтъ всей прочой Руси ôтрубаннымъ народомъ, безъ исторіи, безъ литературы и безъ великой рôдни, и если ей не буде ôткрытъ вспôльный русскій источникъ, изъ которого она могла бы черпати живительныи силы, т. е. русское письменство и науку. И сей источникъ Ив. Наумовичъ ôткрылъ и указалъ на него въ упомянутôмъ письмѣ: „Поглядъ въ будучность.“ Вотъ то славное письмо:

„Сими днями рознесли въ сторонахъ нашихъ вѣсть, будьто-бы депутація польская, корыстаючи зъ трудного положенія правительства по причинѣ настоящой несчастливой вôйны, вымогла въ Вѣднѣ приреченіе, що Галичина удостоится канцлерства въ особѣ гр. Голуховского, намѣстникомъ же имѣетъ быти именованъ мужъ правительственный, умѣвшій во время послѣдней соймовой сесіи позыскати собѣ великую популярность у нашой польской публики. Скôлько въ тѣхъ вѣстяхъ правды, не можемъ знати, то тôлько видится быти певнымъ, що реченная депутація, кромѣ катастральной справы, имѣла певно предлагати министерству и свои пляны для будущого устройства Галичины. Мы, Русины, не умѣемъ корыстати зъ клопотôвъ правительства и яко люди добросердечныи, кромѣ того привязанныи сыновною любовью къ Августѣйшой нашой Династіи, не выслали изъ своей стороны ніякой депутаціи, изъявили тôлько адресомъ лояльность нашу, непоколебимую вѣрность Его Величеству, возлюбленному Императору, желаючи тѣмъ облегчити сердцю Его скорбь и боль, нанесенныи гордыми завоевателями, якъ Его Величеву, такъ и всѣмъ народамъ, которыхъ судьба звязана съ Австріею и со свѣтлѣйшою Династіею Габсбургôвъ. Намъ видѣлося неумѣстнымъ, а принаймекьше предскорымъ дѣломъ, теперь, коли розлютилася вôйна и злополучно для Австріи выпала битва пôдъ Кениггрецомъ, а вся дѣятельность звернена на оборону державы, дѣлати якій-нибудь натискъ на министерство и Императора. Мы уповаемъ на наше природное право, на давнѣйшое слово Монарха и въ праведность нашого правительства и, якъ мы

были, такъ и есьмо того сильного увѣренія, що, скоро миръ возвратится, услышанъ буде голосъ каждого народа австрійского, и ни одинъ изъ нихъ не буде пожертвованъ другому, ни одинъ изъ нихъ не погибне!

„Такъ мы надѣялися и не далися зъ толку збити шумными всесеніями и ухвалами польского бôльшинства въ галицкôмъ Соймѣ о канцлерствѣ, о тернѣ, о языцѣ урядовôмъ, о справахъ школьныхъ, бо мы были, можно сказати, певными, що Его Величество не дасть санкціи односторонньнимъ, тенденційнымъ, а къ благу Австріи неконечно змѣряющимъ ухваламъ, противъ которыхъ русскій народъ, якъ одинъ мужъ, черезъ своихъ заступникôвъ въ Соймѣ голосовалъ и протестовалъ.

„Но нынѣ кто то ôтгадати може, чи добросердечіе и тактъ нашъ, чи агитаціи нашихъ противникôвъ лучшимъ увѣнчаются успѣхомъ?..

„Вѣсти, розсѣваемыи о канцлерствѣ, певность, съ якою о тôмъ говорятъ въ польскихъ кругахъ, переймае насъ мимовольно обавою и въ будучность нашу начинаемъ поглядати съ великою непевностью... Якъ наши послы, а именно изрядный всей Галицкой Руси любимецъ Куземскій бодро и неустрашимо высказалъ въ соймѣ самую святую правду и выложилъ тамъ, якій нашъ поглядъ но канцлерство: такъ и мы всѣ съ мыслію тою погодитись не можемъ и не можемъ ю ніякъ повязати съ благомъ Руси и благомъ Австріи. Представляемъ бо собѣ канцлера нашого будущого (Поляки требовали, щобы канцлеромъ былъ назначенъ гр. А. Голуховскій) не яко человѣка безсторонного, умѣющого вознестися по-надъ предрозсудки и тенденціи своего племени, не яко человѣка, посѣдающого довѣріе всего галицкого жительства, но видимъ въ немъ одностороное орудіе ультрамонтанства, мужа, одушевленного вправдѣ для римского католичества и добра своей польской народности и положившого для ней великіи заслуги, но видящого въ русскôмъ человѣцѣ мятежника противъ Польщи и шизматика, которого въ имени Рима и Польщи покорити, ба, уничтожити подбае! Если мужъ съ такими убѣжденіями стане между нами и Монархомъ, если ôнъ возьме въ свои руки просвѣщеніе публичное, если „терно" упаде, а духовенство русское, сей крѣпкій, но майже одинокій столпъ русской народности, ôтдано буде на ласку или неласку польской шляхты и латинскихъ ксендзôвъ, если въ урядахъ и судахъ, въ радахъ и выдѣлахъ повѣтовыхъ и громадскихъ, будь насиліемъ, якъ то нынѣ уже видимъ по бецirкахъ и комитетахъ голодовыхъ, будь интригами и лестью введенъ буде языкъ польскій, яко единый урядовый, если мало-помалу, ведля незабвенныхъ слôвъ посла Куземско-

го, завладѣютъ Русію „родаки г. канцлера“ ôтъ палаты министерской до хаты вôйта и присяжного; если перевертнямъ и предателямъ Руси, якъ то нынѣ уже практикуеся, отворится путь до самыхъ высшихъ посадъ въ урядахъ и приходахъ, а противъ вѣрныхъ русскихъ сынôвъ въ житье вôйде, якъ за оного достопамятного десятилѣтія, хорошо обдуманная система гоненія: вопросъ, чи устоитъ Русь наша въ такой нерôвной борьбѣ, чи не опуститъ ю надежда, чи не упаде духомъ и чи въ концѣ не стане знова на якій часъ жертвою Польщи?!... Ничого пôдъ солнцемъ не ма невозможного, и хотя трудно вѣрити, щобы Русь могла еще спольщитися, доки русскій крестъ есть на церкви, русская буква на престолѣ, русское слово и русская пѣсня въ устахъ, а русское чувство въ грудяхъ русского народа: то таки не можно утаити нынѣ, що передъ реченнымъ канцлерствомъ должно мимовольно затрепетати сердце всякого народолюбця...

„И тутъ теперь на мѣстцѣ другій вопросъ, который за пôздно нынѣ собѣ ставимъ, но разъ конечно поставити его подобае, а именно теперь, въ сей важной для насъ добѣ, щобы оправдатися передъ исторіею минувшости и будучности. Чому ни одинъ австрійскій народъ, числящій стôлько душъ, що Русь наша галицкая и угорская, въ такимъ певныхъ, якъ наши, границяхъ народныхъ, становлящій такую, якъ наша, массу народную, не затревожится на видъ одного мужа о свое существованье, якъ съ горестью мы то нынѣ о собѣ сказати должны? Чи нынѣ Сербъ австрійскій или Румунъ скаже своимъ дѣтямъ: „Дѣти, я, батько вашъ, нынѣ Сербъ или Румунъ, но прійшла вѣсть, що сей или оный мужъ, вслѣдствіе политики нынѣшнёго министерства, мае быти назначенъ канцлеромъ; — такъ вы уже не будете тѣмъ, чѣмъ я, Сербами, Румунами, но станете Мадьярами, ôтречетесь рôдной сербской или румунской матери?“... Нѣтъ, той обавы не выразитъ нынѣ ни одинъ сербскій, ни румунскій отецъ; политика бо тѣхъ народôвъ была всегда ясна и отверта и у нихъ выробился истинный народный духъ, незалежный ôтъ личности министрôвъ и канцлерôвъ. Нашъ же русскій отецъ, поглядаючи нынѣ на дѣтей своихъ, може имъ сказати: „Дѣти, я васъ зродилъ и при зносныхъ для Руси обстоятельствахъ воспиталъ русскими, но нынѣ говорятъ о польскôмъ канцлерствѣ; — трудно, щобы вы остались русскими, бо васъ спольщатъ, не дадутъ вамъ инакше жити въ отечествѣ вашôмъ, если не выречетеся рôдной вашой русской матери и не станете Поляками!“ Бо политика наша была и есть не ясна и не отверта, и у насъ не выробился еще истинный духъ народный, незалежный ôтъ личности министрôвъ, канцлерôвъ, намѣстникôвъ! Чи мы объявили коли свѣ-

тови, чѣмъ мы есьмо? Якая наша минувшость? Якіи наши историческіи права? Нѣтъ! Мы бавилися и бавимся еще въ тахъ зовимую Opportunitätspolitik (политика выгоды), а нынѣ приходится намъ вкушати еи горькіи овощи. Въ 1848 роцѣ вопрошали насъ: Кто вы? Мы сказали, що мы всесмиреннѣйшіи Ruthenen. (Господи, если бы праотцы наши узнали, що мы сами прозвали себе тѣмъ именемъ, якимъ окрестили насъ во время гоненія наши найлютѣйшіи вороги, они въ гробахъ зашевелились бы!) И якая-жь зъ того выйшла консеквенція? Ото такая, що выписалъ намъ вѣденьскій жидъ-гумористъ Сафиръ: Seit der Erfindung der Ruthenen zwei Jahre (ôтъ изобрѣтенья Рутенôвъ два годы), и що потôмъ сами Поляки ругалися намъ ruteńcami, ruteńczykami. — А може вы русскіи? — допрошалъ насъ Стадіонъ. — Мы кляли душу-тѣло, що мы не русскіи, не Russen, но що мы таки собѣ Ruthenen, що границя наша на Збручѣ, що мы ôтвертаемся ôтъ такъ званныхъ Russen, яко ôтъ окаянныхъ шизматикôвъ, съ которыми ничого вспôльного мати не хочемъ. Якое ваше письмо? — допрашали насъ далѣе. Мы сказали, що письмо наше то, що въ церковныхъ книгахъ, и знова кляли душу-тѣло ôтъ гражданки, що то serbisch-russiche Zivilschrift (сербско-россійское гражданское письмо), которого мы отрицаемся, яко чужого. Такъ вовсе не може удивляти никого, если намъ, Рутенамъ, не позволили въ извѣстное время употребляти ни выраженій русскихъ, ни гражданки русской, ни русской скорописи, но допустили лишь то, щобы намъ, яко Рутенамъ, свободно было поданья до урядôвъ и судôвъ писати-друковати церковною кирилицею, а языкомъ такимъ, якимъ бесѣдуеся по торгахъ и корчмахъ[1]). И мы не сказали въ 1848 роцѣ, що мы Русскіи, що границею нашою народною не Збручъ, но дальше Днѣпра! Бо тогды настрашились бы насъ, щобы мы, связанныи тысячелѣтнею исторіею, обрядомъ церковнымъ, языкомъ и литературою съ великимъ народомъ, не забагли коли ôтъ Австріи ôторватися и не были бы насъ допустили до свободъ конституційныхъ, были бы насъ, слабенькихъ, тогды придушили, щобысьмо и не дыхнули дыханьемъ русскимъ. Причина та може быти увзгляднена передъ исторіею и лесть наша по части оправдана, хотя все оно выдаеся смѣшнымъ, якъ оный русскій человѣкъ, которому кто-тамъ вымѣтовалъ, чому русскіи въ „байратѣ“ (прибоч-

[1]) Еще въ 1866 г. тогдашній австрійскій министръ-президентъ гр. Бейстъ заявилъ: „Если бы Русины направду были Русскими (Russen), то я бы долженъ надъ тѣмъ сожалѣти, ибо правительство не може ихъ пôдпирати.“ Якъ видно, гр. Бейстъ повторилъ лишь то, що въ 1848 г. сказалъ гр. Стадіонъ.

ная рада) у гр. Стадіона не сказали ôтъ разу всю правду, що они не якінсь-тамъ Рутены, но таки Русскіи, Russen, а который на то наивно ôтрêкъ: „А! Щó на то сказалъ бы польскій арцибискупъ?!“...

„Намъ видится, що австрійскій Императоръ, даровавшій конституцію вѣмъ австрійскимъ народамъ, не былъ бы ôтъ ней зробилъ изъятія що-до галицкихъ Русскихъ, если бы мы были такими представились по правдѣ и по существу рѣчи, и пуста была и есть всегда обава, щобы связь народная вела конечно до связи политической. Коли въ 1859 роцѣ Италіяне завозвали своихъ одноплеменникôвъ въ Швайцаріи, щобы прилучились до державы италійской, они имъ ôтрекли, що они счастливы въ Швайцаріи и не багнутъ того соединенія. И намъ Русскимъ, хотя неконечно счастливымъ въ отношеніи съ нашими соплеменниками Поляками въ границяхъ Австріи, николи еще не приходила мысль ôтрыватись ôтъ Австріи конституційной, съ которою связала насъ судьба и вяже постоянно надежда лучшой будучности. Такъ безосновна была тогды обава правительства, а неумѣстна политика нашихъ и взглядъ на арцибискупа въ достопамятнôмъ 1848 р.

„Но мало-помалу рѣчи розъяснилися. Ледва одинъ, другій рôкъ проминулъ и Русь стала ôтживати, — показалось, що еи литература безъ словаря Шмида не успѣе ни на крокъ, що той русскій словарь такъ добре русскій для Петербурга, якъ и для Львова, що въ немъ есть сокровище языка истинно литературного, письменного, русского. Показалось вскорѣ, що галицкіи Русскіи, оглянувшись въ исторіи, прійшли до того пересвѣдченья, що имъ не тôлько языкъ испортила Польща, но и обрядъ упалъ пôдъ гнетомъ латинства. Довольно перечитати книгу: Die ruthenische Schrift-und Sprachfrage, щобы въ тôмъ достаточно убѣдитися, що гр. Голуховскій не денунціовалъ що-то на насъ до Вѣдня, но що ôнъ писалъ о насъ чистую правду, що литература наша стремится до общой русской литературы, а обрядъ нашъ къ очищенію ôтъ латинства. Мы ôтдаемъ ему за то справедливость и не такъ его, но бôльше неконсеквенцію нашихъ обвиняемъ. Кто бо исповѣлъ себе въ 1848 роцѣ Рутеномъ, не мающимъ ничого вспôльного съ цѣлою Русью, кто ôтрêкся своего гражданского письма и ограничилъ свою литературу на 12 округôръ Галичины: тому передъ правомъ, даже конституційнымъ, не свободно было по-за тѣ границы выступати, но тôлько въ тѣхъ, нимъ самымъ означенныхъ границяхъ розвиватися. А що-жь былъ виненъ гр. Голуховскій, що ему надарилася хорошая случайность, на корысть Польщи побѣдити Русь еи власнымъ оружіемъ?

„По такихъ сумныхъ опытахъ не опамяталась Русь еще

и въ 1860 р., послѣ диплома зъ 20 октобрія, который позволялъ всѣмъ народамъ австрійскимъ на пôдставѣ историческихъ преданій розвиватися. Мы собѣ и тогда остались Рутенами и гнѣвалися на тѣхъ, що насъ денунціоновали о стремленіе до соединенія литературно со всею Русію, мимо того, що не ма у насъ ни одного изъ лучшихъ литератôвъ, который вѣрилъ бы въ блистательную будучность исключной галицко-русской литературы... И на соймѣ львовскôмъ, где была найлучшая случайность высказати ясно и Полякамъ и Европѣ, не сказалъ никто изъ нашихъ, що всѣ усилія дипломаціи и Полякôвъ — сотворити изъ насъ особный народъ рутенôвъ-унитôвъ, оказалися тщетными, и що Русь Галицкая, Угорская, Кіевская, Московская, Тобольская и пр., пôдъ взглядомъ этнографическимъ, историческимъ, лексикальнымъ, литературнымъ, обрядовымъ, есть одна и та-же самая Русь, мимо того, що въ Галичинѣ она вѣрно предана своему возлюбленному Монарху и его свѣтлой Династіи, а тамъ, за границею, она тоже предана своему Монарху и своей династіи. На Соймѣ Львовскôмъ была добрая случайность выповѣсти ясно и откровенно, що преданіемъ нашимъ историческимъ есть исконный (отвѣчный) отцêвъ нашихъ обрядъ русскій, чистый, совершенный, и що никто розумный не може тому дивоватися, если Русь пламенно нынѣ желае освободитися ôтъ узôвъ іезуитизма пôдъ взглядомъ обряда и вѣры. Еслибы мы все то сказали смѣло и откровенно, кто бы на насъ тогды клеветалъ, кто денунціовалъ бы насъ о москвитизмъ и шизму, кто посмѣлъ бы сказати, що стремленіе наше нечистое и неправедное? Но доки мы Рутенами, ограниченными съ языкомъ и литературою нашою на сельскіи хаты дванадцяти округôвъ галицкихъ, а не признающимися до цѣлости руского міра: горе намъ ôтъ канцлерства полського! Пишѣмъ собѣ здоровы, що хочемъ, противъ сихъ такъ называемыхъ клеветъ, извиняймося, кленѣмъ душу-тѣло, никто намъ не повѣритъ, бо и годѣ увѣрити въ то, що невозможно, но и никто насъ не поратуе, никто за нами не обстане... Для того есть мнѣніемъ нашимъ, що время уже переступити нашъ Рубиконъ и сказати откровенно въ слухъ всѣмъ: Не можемъ ôтдѣлитися китайскимъ муромъ ôтъ братôвъ нашихъ и ôтстати ôтъ языковой, литературной и народной связи со всѣмъ русскимъ міромъ! Мы не Рутены изъ 1848 року, мы настоящіи Русскіи! Но, якъ всегда были, такъ есьмо и останемся въ будуще непоколебимо вѣрны нашому Августѣйшому австрійскому Монарху и свѣтлѣйшой Династіи Габсбургôвъ. Зложивши такое вѣроисповѣданіе, не будемъ потребовати боятися польского канцлерства, не буде намъ мôгъ никто закинути, що языкъ

нашъ неспособенъ до высшихъ училищъ, необразованный до урядованья и проч., бо языкъ нашъ и литература наша русская давно и далеко перестигла польскую, чого намъ и сами Поляки въ соймѣ и всюда заперечити не здужаютъ. (Пôдписано:) „Одинъ именемъ многихъ“.

Приведенное заявленье Ив. Наумовича составляе важное историчное событіе не тôлько въ жизни Галицкой Руси, но и въ еи ôтношеньяхъ до Польщи и до Австріи и въ межинароднôмъ положенью. Заявленье то мае великое значенье и нынѣ и буде мати его такъ долго, якъ долго существуе Галицкая Гусь, ибо ясно означило происхожденіе и принадлежность галицко-русского народа, явно высказало то, що подтверждае языкъ, історія и обрядъ. Розумѣеся, заявленье Ив. Наумовича вызвало страшный крикъ и шумъ не тôлько въ польскихъ и нѣмецкихъ газетахъ въ Австріи, но и въ заграничной печати, въ Россіи, Франціи и Германіи. Особенно бѣсилась польская печать въ Галичинѣ. Она всегда твердила, що русское населенье Галичины есть частью польского и що русскій языкъ Галичанъ есть тôлько нарѣчіемъ польского языка, подобно тому, якъ языкъ Мазурôвъ, и що Русины суть Поляками уніатского обряда! Коли однако Галицкая Русь не дала себе збити зъ дороги своего природного розвитія, польскіи политики и тайно и явно стали доносити въ Вѣдень, що она хоче ôторватись ôтъ Австріи, щобы такимъ способомъ настрашити правительство и настроити его противъ Галицкой Руси. При тôмъ однако польскіи политики не тратили надежды на то, що съ часомъ имъ удастся втягнути Галицкую Русь въ свои пляны, ибо числили на то, що она, яко народъ, безъ сильной рôдни, безъ опоры въ дворянствѣ, съ временемъ буде принуждена пристати къ политично сильнѣйшой Польщѣ. Тѣ надѣи розвѣялъ Ив. Наумовичъ вышеприведеннымъ заявленьемъ. Тогды польскіи политики взялись на иныи способы. Раньше они твердили, що niema Rusi, jest tylko Polska i Moskwa. Коли-же стало явно, що есть Галицкая Русь и що она признаеся до рôдни съ великимъ русскимъ народомъ, они признали, що Галицкая Русь єсть, но що она должна быти связана уніею съ Польщею, ибо она цѣлкомъ иный народъ ôтъ „московского.“ Такъ въ статьяхъ: Zdania o organizacji Galicji, напечатанныхъ въ Gazet-ѣ Narodow-ой 8 и 9 августа 1866 г., которая приведенную статью Ив. Наумовича назвала „програмовою,“ польскіи политики требовали ôтнятія школъ въ Галицкой Руси изъ рукъ Русинôвъ и передачи въ руки Поляковъ; дальше они требовали, щобы крылошанъ „святоюрцевъ,“ которыи тогды стояли въ оборонѣ правъ Руси, прогнати. „Если поганое русское святоюрство, такъ сказано дословно въ упомяну-

тыхъ статьяхъ, если тероризмъ, которымъ святоюрцы управляютъ духовенствомъ, будутъ розбиты, если школа буде ôтнята изъ русскихъ рукъ, тогды тôлько повстане правдивая анти-русская Русь въ Галичинѣ и покаже, якъ безосновны русскіи претенсіи. Такая анти-русская Русь, звязанная уніею съ Поляками, буде для Австріи крѣпкимъ валомъ противъ Россіи, пôдставою еи будущой политики, стремящойся на Востокъ, найсильнѣйшою противъ стремленій панславизма и руссизма. — Якъ видимъ, польскіи политики уже тогды хотѣли вытворити въ Галицкой Руси приклонную имъ партію, якая возникла потôмъ пôдъ именемъ „сепаратизма,“ „новоэрцêвъ“ и „новокурсникôвъ,“ которыи, будьто-бы, представляютъ „правдивую“ Русь.

Якая-то мала быти оная Русь, о тôмъ свѣдчитъ статья Gazet-ы Narodow-ой ôтъ 25 лат. сентября 1866 г., появившаяся уже послѣ того, якъ намѣстникомъ Галичины, на мѣсто бар. Франца Паумгартена, былъ, на требованіе Полякôвъ, именованъ гр. Агеноръ Голуховскій. Упомянутая газета такъ тогды писала: „Прежде всего управляющіи правительствомъ въ Галичинѣ должны совѣстно поступати съ Русинами. То, що есть чужое (читай: истинно русское!) въ школахъ и урядахъ, то належитъ вправдѣ безусловно усунути, но заразомъ занятися щиро и совѣстно введеніемъ истинного языка нашой Руси въ школы и уряды.“ Якъ однако понимали польскіи политики „истинный языкъ нашой Руси,“ то показуе дальшое требованье Gazet-ы Narodow-ой: „Русская гражданка и скоропись — говоритъ она — должны быти выкинены изъ школъ и урядôвъ, а въ школахъ людовыхъ языкъ русскій долженъ лишь тамъ быти введенъ яко преподавательный, где находится переважная часть дѣтей, которыи сей языкъ лучше понимаютъ, нежели польскій.“ Наконецъ названная газета заявила: „Намѣренье министерства Туна — ввести латинскую азбуку въ русскіи народныи школы, якъ она введена въ уряды, должно быти безъ проволоки осуществлено.“

Вскорѣ показалось, що опасенія Ив. Наумовича, вызвавшіи выше приведенное историческое заявленье, были оправданы. Гр. А. Голуховскій былъ именованъ, вправдѣ не канцлеромъ, но намѣстникомъ Галичины, и то именованье вызвало великую радость середъ польскихъ политикôвъ и русскихъ измѣнникôвъ. Гр. А. Голуховскій былъ раньше намѣстникомъ Галичины, именно ôтъ года 1851 до 1859, и тогды былъ усуненъ русскій языкъ изъ школъ и всѣ русскіи дѣятели стояли пôдъ полицейскимъ надзоромъ. При концѣ своего правленія, гр. А. Голуховскій хотѣлъ совсѣмъ скасовати русскую азбуку. Вотъ причины радости польскихъ политикôвъ, по по-

воду именованья гр. Голуховского. Съ его приходомъ въ Галичину началась новая исторія Галицкой Руси. Вмѣсто нѣмецкой централизаціи, безвредной для русского народа, взяла верхъ польская автономія и польское верховодство, которыи видимъ и чувствуемъ еще нынѣ. Тогды начала сильно рости партія украинофильская, ибо она находила покровительство у гр. А. Голуховского и у польскихъ политикôвъ, а то для того, щобы такимъ способомъ Галицкую Русь розбити и ослабити и зъ одной части еи здѣлати орудіе для плянôвъ польскихъ политикôвъ. Gazeta Narodowa выразительно написала въ 237 н-рѣ (1866 г.): „Задача правительства може состояти лишь въ тôмъ, щобы уничтожити всякіи вліянія, которыи силуются Галицкую Русь „омосковщити.“ Найлучшимъ же къ тому средствомъ буде — усувати русскій языкъ, накиненный передъ кôлькома лѣтами въ шлолахъ „московскимъ агентствомъ,“ а вводити языкъ, которымъ Русины въ Галичинѣ говорятъ, а щобы се здѣлати возможнымъ, належитъ всѣми, въ рукахъ прарительства находящимиса средствами, заохочивати къ труду надъ розвитіемъ русского людового языка.“ Кто знае, якую Русь желали мати польскіи политики, тотъ пôйме плянъ Gazet-ы Narodow-ой. Она требовала, щобы послѣ введенья латинской азбуки ôнъ сталъ польскимъ и называла такихъ патріотôвъ, якъ Митрополитъ Григорій Яхимовичъ, М. Куземскій, М. Малиновскій, Ив. Наумовичъ, Б. А. Дѣдицкій, А. Добрянскій, Л. Трещаковскій и многіи другіи „московскими агентами.“ Нынѣ ту роль и даже тѣ самыи выраженья Gazet-ы Narodow-ой переняли сотворенныи графомъ К. Бадени въ 1890 г. „новоэристы“ и „новокурсники,“ т. е. представители „антирусской Руси,“ якихъ польскіи политики, по свидѣтельсву Gazet-ы Narodow-ой, хотѣли еще въ 1866 г. вытворити.

Мы привели совѣты Gazet-ы Narodow-ой для того, ибо ведля нихъ дѣйствительно поступалъ гр. А. Голуховскій. Дня 28 н. ст. октября 1866 г., принимаючи депутацію изъ Самбора съ бурмистромъ Попелемъ во главѣ, гр. А. Голуховскій сказалъ ей, що ôнъ „ôтношеніе Мазура до Русина понимае такъ само, якъ Самборскій бурмистръ, Попель, который въ своей привѣтственной рѣчи заявилъ, що „Мазуръ и Русинъ въ физичнôмъ и духовôмъ соединеніи творятъ Поляка.“ Дальше сказалъ гр. А. Голуховскій, що буде старатися, „дабы чужіи, превратныи вліянія на русскій народъ прекратились, а moskwicyzm изъ шкôлъ и школьныхъ книжокъ, т. е. moskiewskie wyrazy изъ учебникôвъ, совсѣмъ были удалены.“ Якъ знаемъ, гр. А. Голуховскій старался исполнити свое намѣреніе, которое, впрочемъ, пôзднѣйше переняль на себе гр. К. Бадени и которое еще

и до сихъ поръ исполняеся пôдъ розличными видами, хотя бы и пôдъ видомъ введенія фонетики въ русское письмо...

Построивши въ Коростнѣ каменную церковь, Иванъ Наумовичъ старался перенестись на иный приходъ, ибо дѣти росли, а тутъ просто не было чѣмъ жити. Гр. Альфредъ Потоцкій, коляторъ Коростна, предложилъ ему приходъ въ своихъ добрахъ, именно въ селѣ Глѣбовичахъ Великихъ, близь Бôбрки. Довѣдавшися о тôмъ, Gazeta Narodowa съ яростью накинулась въ 240 ч. на Ив. Наумовича и пустила въ свѣтъ ложь, будьто громада въ Глѣбовичахъ протестуе противъ назначенья въ ней приходникомъ И. Наумовича, а то для того того, що ôнъ признае единство Галицкой Руси съ остальнымъ русскимъ народомъ. Gazeta Narodowa воззвала при тôмъ также гр. А. Потоцкого, щобы ôнъ не далъ Ив. Наумовичу презенты, доки сей не ôтречеся „Москвы" и „шизмы." Ив. Наумовичъ, якъ всегда, щирый и откровенный, написалъ въ 83 ч. „Слова" за 1866 г. отвѣтъ Gazet-ѣ Narodow-ой, въ которôмъ межи прочимъ заявилъ:

„Яко христіянинъ, да яко проповѣдникъ науки Христовой, не могу не видѣти въ Москвѣ моихъ ближнихъ, братôвъ, не могу ихъ не любити, или меньше любити, якъ люблю ближнихъ и во Христѣ братôвъ въ Краковѣ, Варшавѣ и Познани. Яко Славянинъ, не могу въ Москвѣ не видѣти Славянъ. Яко русскій человѣкъ не могу въ Москвѣ не видѣти русскихъ людей. А хотя я Малорусинъ, а тамъ живутъ Великоруссы; хотя у мене выговоръ малорусскій, у нихъ великорусскій: то таки и я русскій, и они русскіи, такъ само, якъ Мазуры и Великополяне, и такъ зовимыи „васерполяки," имѣютъ свои особенности, свôй выговоръ, свою простонародную литературу, но всѣ сходятся въ тôмъ, що всѣ суть Поляками и всѣ имѣютъ общую книжную литературу, общій книжный литературный языкъ. Старый нашъ отецъ Несторъ, родомъ Малоруссъ, началъ лѣтопись свою словами: „Се повѣсти времянныхъ лѣтъ, откуду пошла есть русская земля;" пôдъ тою русскую землею еще въ XII вѣцѣ ôнъ не розумѣлъ одну Галицкою или Малую Русь, но всю Русь, весь сѣверо-востокъ Европы, на которôмъ жили тогды племена Сѣверянъ, Полянъ, Древлянъ, Кривичей и пр., вѣдай бôльше тогды розличавшіися другъ ôтъ друга племенностью, чѣмъ нынѣшніи Малоруссы ôтъ Великоруссôвъ, но имѣвшіи всѣ совокупно вспôльное имя русского народа, а весь широкій обшаръ земли, ними заселенный, звался русскою землею. Такъ Gazeta Narodowa, утверждаючи, що Rusin i Moskal są to dwa obce sobie zupełnie narody, поставила парадоксъ, пôдъ которымъ пôдписатись не позваляе менѣ самый древній лѣтописецъ Руси, а противъ

которого протестують всѣ найбôльшіи славянскіи авторитеты, изъ которыхъ приведу тôлько Шафарика, знающого тôлько одну mluvu rusku и нарѣчія velko-malo-i bjelo-русскіи. Що до образованья нашого малорусского нарѣчія, яко языка книжного, заперечитись не дасть, що народъ, числящій 15 міліонôвъ душъ, т. е. вдвое стôлько, скôлько всѣхъ Полякôвъ на свѣтѣ, былъ бы мôгъ выобразовати собѣ, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, питомую, ôтъ великорусской независимую литературу, которая, чи колись не злилась бы конечно съ существующимъ уже книжнымъ русскимъ языкомъ, было бы вопросомъ будущности. Но що то не сталося, кто тому виненъ, если не самыи Поляки, пôдъ которыхъ владѣніемъ жилъ малорусскій народъ стôлько вѣкôвъ, пôдъ которыхъ властью (соймового бôльшинства) живе тутъ и нынѣ? Великоруссы лучше умѣли пользоватись обстоятельствами. Они, имѣючи свое питомое, великорусское нарѣчіе, взяли до него классическую церковно славянщину и живое малорусское нарѣчіе, и зъ того всего, за помощью ученыхъ Велико-Мало-и Бѣлоруссôвъ, образовали общій русскій книжный языкъ, который всѣмъ русскимъ племенамъ рôвно приступный и рôвно ôтдаленный ôтъ простонародного нарѣчія велико-мало-и бѣлорусского. Для образованья же малорусчины осталось было еще одно поле, т. е. Галичина, где по истинѣ благопріятствовало ей недуже росширенное знаніе книжного русского языка, въ Россіи высокообразованного, и выговора великорусского. Я самъ былъ изъ числа подвижникôвъ на тôмъ поли и думалъ ажь до окончанія послѣднёй сессіи галицкого Сойма, що Поляки, братья Славяне, имѣющіи въ Соймѣ важный привилей бôльшинства, приложатъ всякіи усилія, щобы подачею нашимъ народнымъ школамъ и другимъ институціямъ братнёй помочи, поставити насъ въ возможность образованья нашого малорусского нарѣчія, независимо ôтъ великорусчины. Голосъ мôй при внесенью посла Лавровского касательно марныхъ 3.000 зр. для нашого ультра-малорусского театра, былъ голосомъ лебединымъ, съ которымъ упала послѣдняя надежда на братерство сосѣдей-Поляковъ, вѣдай и для малорусчины, ибо стало доказано якъ не можно лучше, що Малоруссъ, если не имѣе стати настоящимъ Полякомъ, имѣе единое прибѣжище въ пріобщеніи высокообразованной, готовой, книжной, богатой русской литературы.

„Слѣдуймо далѣй, чи возможно менѣ ôтречись wszelkiej wspólności z Moskwą i szyzmą? Есмь обряда греческого и до того обряда признаеся Москва. Яко уніата, вяжутъ мене съ церковью римскою три догматы: о главенствѣ папы, о происхожденіи св. Духа и о чистилищѣ, — а съ Москвою все

другое: той самый Богъ въ Тройцѣ единый, тѣ же самыи св. Тайны, та самая щô-до буквы Библія, тѣ самыи св. Отцы, та самая, ôтъ тѣхъ самыхъ вселенскихъ Учителей происходящая литургія, тѣ самыи боговдохновенныи молитвы и пѣнія, тѣ самыи праздники, тотъ самый языкъ церковнославянскій, то самое лѣточисленіе. У насъ Рождество, въ Москвѣ Рождество; у насъ Богоявленіе — въ Москвѣ Богоявленіе; у насъ мясопустъ — въ Москвѣ мясопустъ; у насъ Поклоны — въ Москвѣ Поклоны; у насъ Христосъ воскресъ — въ Москвѣ Христосъ воскресъ и пр. Съ Москвою, не смотря на унію и еи обрядовыи новости, вяже мене Христосъ Господь и общеніе Святыхъ, бо я молюся о всей о Христѣ братіи нашой, и мои праотцы, записанныи въ поминальныхъ грамотахъ ôтъ вѣкôвъ, одни были уніатами, а другіи православными. Такъ ôтречися wszelkiej wspólności z Moskwą, значитъ: перестати быти русскимъ христіаниномъ, Славяниномъ, ôтречися греческой Церкви, богослуженія, лѣточисленія, своихъ праотецъ и стати чѣмъ? Если уже не язычникомъ, то Духинскимъ (который твердилъ, що Русь и „Москва" то иныи народы и що „Москали" не Славяне), предателемъ прадѣдной Церкви, ôтступнцкомъ Руси."

Письмо то, пôдписанное Ив. Наумовичемъ, вызвало на него еще бôльшіи нападки въ польскихъ газетахъ и мало для него непріятныи послѣдствія. Первое было то, що гр. А. Потоцкій взялъ свою обѣцянку назадъ и не далъ Ив. Наумовичу прихода въ Глѣбовичахъ Великихъ; второе было, що польскій выбирательный комитетъ постановилъ при новыхъ выборахъ въ Соймъ въ 1867 г. всякими способами не допустити поновного выбора Ив. Наумовича. Не смотря однако на всѣ штуки, Ив. Наумовичъ получилъ въ Золочевѣ 65 голосôвъ, а его польскій противникъ, Баталія, начальникъ суда въ Глинянахъ, 69 гол. Но уже въ началѣ Сойма польское бôльшинство признало 7 голосôвъ Ив. Наумовича незаконными и его выборъ неважнымъ.

Будучи бôльше свободнымъ, Ив. Наумовичъ съ цѣлымъ жаромъ посвятился просвѣщенію народа и пôднятію его изъ нужды. Якъ ôнъ занимался народомъ, свѣдчитъ письмо жителей Коростна, напечатанное въ 5 ч. „Слова" за 1867 г. и пôдписанное 90 крестьянами, въ тôмъ числѣ 27 латинниками. Въ тôмъ письмѣ крестьяне говорятъ о Ив. Наумовичѣ: „Знаютъ то всѣ гомады околичныи, кôлько они (Ив. Н.) заслужилися для громады, коли Богъ допустилъ огонь, а они насъ тогды не опустили, але вразъ съ нами тяженько страдали. А кобы не они, не были бы мы мали зъ краю тôлько ратунку въ грошахъ, збôжу и шматью, кôлькосьмо мали, и Господу

Богу и имъ найбôльше треба завдячити, що мы поволи опамяталися зъ той великой нужды. Не ма у насъ человѣка, не ма и малой дитины, которая бы не знала сказати за любезного и дорогого Отца Наумовича. Они насъ просвѣтили, они завели порядную школу, ихъ стараньемъ наука процвѣтае, они намъ поставили, съ невеликимъ нашимъ трудомъ, своею ревностію, красну муровану церковь, красу на всю околичность. Они розвели намъ пасѣки и щепы овощевыи, по сему и сами своими руками выховали намъ садовину, ходячи весняными часами ôтъ огорода до огорода съ пилкою и вѣточками, перетворяючи наши дички на щепы; они даровали нашой школѣ красну пасѣку для убôльшенья дохода учителя и для науки дѣтей, которыхъ освоили съ пчолами и обзнакомили съ наукою, такъ пожиточною. Отецъ нашъ Наумовичъ суть намъ во всемъ порадою и примѣромъ и мы до нихъ маемъ такое довѣріе и любовь, що не ма такой души, которая бы о тôмъ не знала, не тôлько у насъ, але и въ другихъ селахъ.“

Приведенное письмо прекрасно представляе и дѣятельность Ив. Наумовича и ôтношеніе къ нему галицко-русского простонародія. Въ 1867 году дѣятельность Ив. Наумовича не была однако еще такъ широка и рôзнообразна, якъ пôзднѣйше. Ив. Наумовичъ не показалъ еще тогда своего блестящого писательского таланта и умѣнья представити простому народу всякое дѣло приступно и розумно. Но уже въ 1867 г. Галицкая Русь видѣла въ немъ художественного борця за свои права и горячого русского патріота, що доказала пôднесеніемъ ему серебрянного бокала (чаши), въ видѣ, „народного дара,“ на покупку которого складалися всѣ тогдашніи народолюбцы и его многочисленныи почитатели.

Въ 1867 г. Ив. Наумовичъ оставилъ село Коростно, переселившись на приходъ Стрѣльче, вблизи Коломыи. Полученье сего нового прихода состоялось слѣдующимъ способомъ: Помѣщикомъ села Стрѣльче и колятеромъ мѣстной церкви былъ д-ръ Антоній Яноха, Полякъ, но изъ тѣхъ рѣдкихъ, въ то время и нынѣ, Поляковъ, которыи признавали права русского народа и его предводителей не преслѣдуютъ. Читаючи соймовыи рѣчи Ив. Наумовича, а также и нападки на него въ польскихъ газетахъ, д-ръ А. Яноха самъ предложилъ ему приходъ въ Обертинѣ или въ Стрѣльчѣ, хотя лично его не зналъ. Передъ однимъ пріятелемъ Ив. Наумовича д-ръ А. Яноха выразилъ сожалѣніе по поводу, що такій человѣкъ, якъ Ив. Наумовичъ, принужденъ боритися съ недостатками и съ нуждою. Ив. Наумовичъ согласился, но такъ якъ межь тѣмъ речинецъ на Обертинъ минулъ, то подался ôнъ на Стрѣльче и уже 4 (16) мая 1867 оставилъ свôй приходъ Коростно и Перемышляны, переселившися на новый приходъ. Проводы

его прихожанами были трогательны. Коростнянцы и Перемышлянцы провожали своего душпастыря съ крестнымъ ходомъ и при пѣніи „Христосъ воскресе" далеко за границы прихода, многіи-же изъ нихъ на кôльканадцяти возахъ ѣхали за нимъ черезъ Мерищевъ и Бруховичи ажь до Рогатина. И не тôлько Русины, но и латинники съ плачемъ прощали свого учителя, который имъ помагалъ радою и дѣломъ въ духовныхъ и житейскихъ дѣлахъ. Переселяючись изъ Коростна, Ив. Наумовичъ розстался со своими пріятелями по сердцю и по любви къ народу, сосѣдними священниками, оо. Арсеніемъ Агдыковскимъ, Ѳеофиломъ Дудыкевичемъ и другими, въ бесѣдахъ съ которыми ôнъ черпалъ то богатство мыслей, якимъ ôтличаются его сочиненія.

Полученіе прихода Стрѣльче розозлило Gazet-у Narodow-у и на Ив. Наумовича, и на д-ра Яноху. Она однако не могла имъ ніякой иной латки причѣпити, якъ тôлько выдумала ложь (въ ч. 130, 1867 г.), що Ив. Наумовичъ получилъ презенту на Стрѣльче за свою кандидатуру въ Золочевщинѣ, именно же, що Ив. Наумовичъ продалъ свою кандидатуру д-ру А. Яносѣ. На то отвѣтилъ И. Наумовичъ въ ч. 45 „Слова" (за 1867 г.), заявивши:

„Для того, що „Народувка" ту ложь роспустила, есть, видится мнѣ, двоякая причина: Первая та, що „Народувка" не понимае, якъ може Полякъ, имѣющій право пропинаціи и презентаціи, отже право аренды корчмы и церкви, быти такъ честнымъ и великодушнымъ, щобы арендаря до корчмы, а попа русского до церкви пустилъ безъ оплаты или безъ условія. Знаючи, що я не мôгъ оплатитись чѣмъ рукоятнымъ, думала собѣ „Народувка," що менѣ пришлося оплатитися своею политическою вѣрою и обязанностію служити народови и заступати его на польскôмъ Соймѣ, отже и заключеніе готово: що я ôтступилъ за презенту г. д-ру Яносѣ мою кандидатуру! Другая же причина той ложной вѣсти есть та, що „Народувка," яко органъ господствующой нынѣ феодально-ультрамонтанской партіи, перечула вѣдай, що выборы въ Золочевѣ небавомъ послѣдуютъ, уважала отже за необходимо потрêбное, добыти за-вчасу свое оружіе, которымъ такъ ловко владѣе, т. е. ложь, щобы заколотити воду тамъ, где для ей партіи невеликая надѣя побѣды." Дальше въ тôмъ опроверженіи Ив. Наумовичъ пише: „Г. Яноха, смѣю всѣмъ заручити словомъ чести, давшій менѣ не тôлько презенту, но и все до господарства нужное, засѣявшій мое поле своимъ насѣньемъ и своими робочими силами, не поставилъ менѣ ни одного условія, не входилъ ни въ якіи мои статьи въ „Словѣ," ни въ якіи мои обрядовыи пересвѣдченья, ни въ якіи мои языковыи и народныи засады, — повиталъ мене хлѣбомъ-солью

въ Стрѣльчѣ по старому славянскому обычаю, яко обыватель Полякъ обывателя русского, яко другъ и братъ друга и брата по закопамъ Христовымъ. А се соблазнъ, ужасный соблазнъ для „Народовой.“ Инквизиціи, гоненія, ненависть всего, що не польское, се тріумфъ ясневельможной шляхетской Польщи надъ бѣдною, беззащитною Галицкою Русью, забагшою жити на Божôмъ свѣтѣ своимъ питомымъ житьемъ!“

Съ переходомъ въ Стрѣльче начинаеся еще бôльше широкая и бôльше рôзнообразная дѣятельность Ив. Наумовича на народно-писательскôмъ поприщѣ. Будучи въ Стрѣльчѣ, ôнъ основалъ въ Коломыѣ свою знаменитую „Науку“ и разомъ съ типографомъ г. М. И. Бѣлоусомъ „Русскую Раду,“ первую въ видѣ ежемѣсячника, вторую яко двунедѣльникъ, и посвятилъ всѣ свои великіи дарованія и неутомимый трудъ добру крестьянъ и мѣщанъ. Бôльше подробно о писательскôмъ трудѣ Ив. Наумовича поговоримъ въ ôтдѣльной главѣ, тутъ же примѣтимъ, що Ив. Наумовичъ не тôлько майже все писалъ для „Науки“ и много для „Русской Рады,“ но самъ дѣлалъ коректу и для того зимою и лѣтомъ, въ дождь и погоду, ѣздилъ возомъ въ Коломыю, ôтдаленную ôтъ Стрѣльча 6 миль, щобы доглянути свои изданія. Кромѣ сего Ив. Наумовичъ усердно занимался пчеловодствомъ и садоводствомъ и яко членъ завязавшогося тогды въ Коломыѣ Общества пчело- и садоводства, устроилъ въ Городенцѣ въ 1872 г. (26, 27 и 28 августа) изъ сей области хозяйства выставку, которой и былъ избранъ предсѣдателемъ. Найлучшимъ свидѣтельствомъ неутомимой дѣятельности Ив. Наумовича въ Стрѣльчѣ може служити фактъ, що въ то время Коломыя опередила Львовъ въ издаваніи русскихъ популярныхъ газетъ и книжечокъ, въ чêмъ также немалую заслугу положилъ и предпріимчивый коломыйскій типографъ, г. М. И. Бѣлоусъ.

Въ Стрѣльчѣ дѣйствовалъ Ив. Наумовичъ до ноября 1872 г., коли переселился на приходъ въ мѣстечку Скалатѣ. Тутъ, продолжаючи писати для „Науки“ (которую тôлько въ 1877 г. перенêсъ изъ Коломыи во Львовъ) и для „Русской Рады“, а также сочиняючи книжечки для Общества им. М. Качковского, Ив. Наумовичъ снова потрудился на политичнôмъ поприщѣ. Именно въ октябрѣ 1873 г., послѣ введенья безпосредственныхъ выборôвъ, ôнъ былъ избранъ изъ сельской куріи округôвъ Тернополь-Збаражъ-Скалатъ посломъ въ державную Думу, где такъ же, якъ во Львовскôмъ Соймѣ, неустрашимо боронилъ правъ русского народа. Изъ сказанныхъ нимъ въ парляментѣ рѣчей особенно важны: „О преподавательнôмъ языцѣ въ середнихъ школахъ Галичины (1874);“ „О вѣроисповѣдныхъ предложеніяхъ (1874);“ при общихъ буджетныхъ дебатахъ въ годахъ 1875 и 1879; по дѣлу пере-

смотра учебникôвъ для народныхъ школъ въ Галичинѣ (1877); въ дѣлѣ основанья русской народной школы во Львовѣ (1877; — школа та дѣйствительно основана); о законопроектѣ противъ лихвы (1877) и при буджетѣ министерства внутреннихъ дѣлъ и вѣроисповѣданій (1878). Безъ сомнѣнія, занятія въ парляментѣ требовали много времени и труда, но Ив. Наумовичъ не переставалъ въ теченіе шести-лѣтнёго своего посольства заниматись и народными сочиненіями, которыхъ стôлько написалъ, що просто удивлятись належитъ, зъ-ôтки у него набралось стôлько силы и времени! А примѣтити слѣдуе, що Ив. Наумовичъ приготовлялся до своихъ рѣчей якъ въ Соймѣ, такъ и въ парляментѣ. По той причинѣ рѣчи его выходили всегда плавными, глубоко обдуманными, содержательными, а такъ якъ у него былъ, хотя и слабый, но дуже пріятный голосъ, то они производили сильное впечатлѣніе на слушателей. Замѣчательна еще и слѣдующая особенность, рѣдко встрѣчающаяся у образованныхъ людей: Ив. Наумовичъ умѣлъ говорити подвôйно, — иначе, т. е. другими словами и другимъ складомъ для крестьянъ, а снова другими словами и другимъ складомъ для образованныхъ людей. Про то первое свойство, т. е. свойство популярной, простолюдной дикціи, объявившойся особенно въ статейкахъ Ив. Наумовича, въ якіи появлялись въ популярныхъ прилогахъ „Слова“ („Слово до громадъ“), замѣтилъ справедливо тогдашній редакторъ „Слова“ Б. А. Дѣдицкій, що, якъ Тараса Шевченка уважати слѣдуе великимъ, на-скрôзь популярнымъ малорусскимъ поэтомъ, такъ зновь Ивана Наумовича такимъ-же прозаикомъ, неподражаемымъ къ тому еще и для того, що каждое его рѣченіе на-скрôзь дыше свойственною лишь малорусскому мужику наивностію и юморомъ.

Прибывши въ Вѣдень, Ив. Наумовичъ не вполнѣ владѣлъ нѣмецкимъ языкомъ; въ короткôмъ времени однако ôнъ такъ выучился по нѣмецки, що его бесѣда вызывала даже у Нѣмцêвъ удивленіе. Пребываніе И. Наумовичъ въ Вѣднѣ и знакомство его съ послами другихъ народôвъ Австріи, именно же со словинскими, имѣло дуже важныи и благопріятныи послѣдствія для Галицкой Руси. Ив. Наумовичъ познакомился тамъ со словинскими послами и патріотами: Разлягомъ, Вошнякомъ, Набергоемъ и Витежичемъ, и ôтъ нихъ довѣдался, що въ столицѣ словинского народа, Люблянѣ, существуе Общество св. Могорта, которое издае для народа полезныи книжечки и числитъ около 30.000 членôвъ. Ив. Наумовичъ началъ близше роспытыватись про то Общество и, пôзнавши его плодотворную дѣятельность, постановилъ такое же Общество основати и для русского народа въ Австріи.

Основанье того Общества Ив. Наумовичъ осуществилъ въ 1874 г. и назвалъ его въ честь славного и жертволюбивого русского патріота, Михаила Качковского, Обществомъ имени М. Качковского. Оно въ семъ году обходитъ 25-лѣтній юбилей своего славного и многополезного существованія.

Въ часѣ парляментарныхъ празднинъ, Ив. Наумовичъ, не покидаючи писати книжки для народа, вертался до своихъ обычныхъ занятій на селѣ. Хотя Скалатъ и мѣстечко, все

И. Наумовичъ въ 1882 г.

таки Ив. Наумовичъ заходилъ въ огороды и пасѣки мѣщанъ, где щепилъ имъ деревину и указывалъ способы обходитися съ пчолами, ибо онъ былъ также добрый пасѣчникъ и съ любовью занимался пчеловодствомъ, а также писалъ о немъ по русски и по польски статьи.

Окруженный любовью и признательностью, яко борецъ за народное дѣло и просвѣтитель народа, Ив. Наумовичъ мирно

жилъ въ Скалатѣ, трудячись усердно для Руси. Ôнъ не пилъ ніякихъ горячихъ напиткôвъ, ни водки, ни вина, ни пива; иногда, и то рѣдко, ôнъ выпивалъ сткляночку меду. Та воздержность, а также замѣчательное здоровье, дали ему возможность не тôлько много трудитись, но также пробудили въ немъ тайную силу, которую называемъ „магнетизмомъ" и которою ôнъ иногда исцѣлялъ больныхъ. Уже будучи въ Стрѣльчѣ, Ив. Наумовичъ лѣчилъ больныхъ гомеопатіею, и то часто такъ счастливо, що къ нему ѣздили не тôлько крестьяне, но и жиды изъ подальшихъ селъ и окрестностей. При выѣздѣ Ив. Наумовича изъ Стрѣльча, плакали не тôлько его прихожане, во и жиды. Будучи въ Скалатѣ, ôнъ продолжалъ помагати больнымъ и бѣднымъ, такъ що на подвôрьѣ приходства стояли всегда возы, съ привезенными издалека больными. Ив. Наумовичъ принималъ всѣхъ, кто лишь затребовалъ его помощи, будь ôнъ богатый чи бѣдный, Русинъ чи Полякъ, христіанинъ чи жидъ, но не бралъ ничого за лѣкарскую раду и помощь. Для того-то лѣкари, которыи много тратили через то, що больныи не зверталися до нихъ, не могли ему ничого сдѣлати, хотя и жаловалися передъ властями на него, що ôнъ имъ ôтбирае заробокъ. Въ семъ ôтношеніи Ив. Наумовичъ производилъ майже чудеса. Кромѣ гомеопатіи, ôнъ лѣчилъ также обыкновенною водою, въ которую вкладалъ свои руки, а даже однимъ взоромъ и возложеніемъ рукъ на голову больного. Бывали неразъ такіи случаи, що ôнъ тôлько посмотрѣлъ на человѣка, и сей чувствовалъ облегченіе и выздоровлялъ. Люди приписовали тѣ явленія магнетичной силѣ, которую, будьто-бы, Ив. Наумовичъ въ собѣ имѣлъ; ôнъ самъ-же приписовалъ ихъ глубокой вѣрѣ и сильному желанію, помочи страждущому ближнёму. Но Ив. Наумовичу не была потрѣбна и магнетичная сила, щобы притягати до себе людей. Ôнъ имѣлъ мягкое сердце, ôтзывчивое на всякую человѣческую нужду, и особенную способность зближатись съ людьми. Ôнъ не питалъ вражды и до своихъ политичныхъ и личныхъ противникôвъ и скоро прощалъ обидѣвшимъ его. Добродушіе его и великая, майже дѣтская довѣрчивость до людей, причинила ему немало непріятностей, ибо нашлись такіи люди, которыи корыстали изъ надто доброго сердця Ив. Наумовича и обманывали его. До такихъ людей ôнъ имѣлъ жаль, но прощалъ имъ и таки самъ ихъ оправдывалъ.

Якъ уже видно изъ попереднёго, Ив. Наумовичъ не мало вытерпѣлъ напастей со стороны польскихъ газетъ и польскихъ политикôвъ за свои переконанья и за свое мужество, съ якимъ ôнъ выступалъ въ оборонѣ русского народа и его правъ. Но все то было ничѣмъ въ порôвнанью съ тою бѣдою,

съ тѣмъ горемъ и несчастьемъ, якіи его постигли въ 1882 году. Въ началѣ того года надъ Галицкою Русью розразилась великая гроза, якой до того времени не бывало... Неожиданно для всѣхъ судебныи власти арестовали: Адольфа И. Добрянского, надворного совѣтника, славного угро-русского патріота, который, годъ тому назадъ, т. е. въ 1881 г., переселился во Львовъ изъ Чертежа въ Угорщинѣ; нашого Ивана Наумовича; Аполлона Ничая, нынѣшнёго директора „Народной Торговли;" Ольгу Грабарь, дочь А. И. Добрянского; О. Николая Огоновского, катихита въ Чернôвцяхъ, нынѣ приходника въ Джуровѣ; Исидора Трембицкого, адвокатского помощника въ Коломыѣ; Венедикта М. Площанского, редактора „Слова;" О. А. Маркова, редактора „Пролома;" Влядиміра Наумовича, сына Ивана; Ивана Шпундера, крестьянина изъ Гниличокъ пôдъ Збаражемъ, и Алексѣя Залуского, мѣщанина изъ Збаража. Кромѣ нихъ были еще арестованы: старшій сынъ И. Наумовича, д-ръ Николай Наумовичъ, студентъ Львовского университета, нынѣ уже докторъ правъ, В. Г. Лагôла, А. Н. Щербанъ, тогдашній редакторъ „Науки," и кôлька крестьянъ изъ Гниличокъ, но они были потôмъ выпущены. Арестованія тѣ состоялись по пôдозрѣнію, що арестованныи лица хотѣли ôторвати Галичину ôтъ Австріи и присоединити къ Россіи, а поводъ къ такому пôдозрѣнію дало между иными то обстоятельство, що громада Гнилички заявила волю перейти въ православіе, до чого знову имѣлъ ю намовити И. Наумовичъ; другая причина была та, що въ то время пребывалъ въ Галичинѣ Мирославъ Добрянскій, сынъ Адольфа, состоявшій въ правительственной службѣ въ Россіи, который зносился съ арестованными; а наконецъ поводомъ арестованья было и то, що у арестованныхъ нашли письма, которыи будьто-бы доказывали ихъ преступныи замыслы. Тутъ не будемъ запускатись въ подробности сего первого въ Галичинѣ русского политичного процеса, ибо нынѣ еще не насталъ часъ для его обсужденья (любопытныхъ ôтсылаемъ до книжки: „Стенографическій отчетъ изъ судовой росправы по дѣлу Ольги Грабарь и товарищей, обжалованныхъ въ преступленіи головной здрады изъ §. 58 бук. в. карн. закона. Львôвъ, 1882. Изъ типографіи Ставропигійского Института"); скажемъ тôлько, що Ив. Наумовичъ, арестованный 4 н. ст. февраля 1882, засѣлъ разомъ съ другими обвиненными на лавѣ пôдсудимыхъ. Памятный той процесъ передъ судомъ присяжныхъ начался 31 мая (12 іюня) и продолжался до 17(29) іюля 1882 г. Що касаеся И. Наумовича, то обвинительный актъ (напечатанный въ выше

помянутôмъ „Стенографическôмъ Отчетѣ“ битымъ письмомъ на 29 сторонахъ), межи прочимъ такъ его представилъ:

„Если Адольфъ рыцарь Добрянскій до послѣднёго времени считался головою русскихъ панславистôвъ въ сѣверной Угорщинѣ, то отецъ Иванъ Наумовичъ былъ тѣмъ, который то самo положеніе занималъ въ Галичинѣ и Буковинѣ. Отъ якихъ 8 лѣтъ, коли отецъ Наумовичъ сталъ приходникомъ въ Скалатѣ, близко россійской границы, ôнъ старался якъ тамъ, такъ и въ окрестности притягнути до себе сельскій народъ, а именно: ôнъ давалъ запомоги въ грошахъ и въ натурѣ, помагалъ лѣкарскими радами, закладалъ читальни, посылалъ имъ, и также поодинокимъ людямъ, даромъ и книжки; мало того, ôнъ со своимъ сыномъ, д-ромъ Николаемъ Наумовичемъ, выѣздилъ цѣлыи мили, щобы фотографовати крестьянъ, отличающихся интелигенціею и патріотизмомъ, вслѣдствіе чого вконцѣ крестьяне численно сходились въ Скалатъ къ отцу Наумовичу. Но не усердіе и любовь ближнёго были сего причиною; ôнъ дѣлалъ то въ сей цѣли, щобы на каждôмъ кроку вщоити селянамъ свои политичныи переконанья, щобы роздувати національную ненависть противъ Полякôвъ и жидôвъ и постояннымъ указованьемъ на россійскіи ôтношенія возбудити середъ сельского населенія въ окрестности симпатіи къ Россіи и роспространяти отвращеніе къ тутешнимъ политичнымъ учрежденіямъ и къ церковной уніи.“

Такъ горорилъ обвинительный актъ и такъ прокураторъ пояснялъ дѣятельность Ив. Наумовича; но ôнъ самъ въ своей оборонѣ иначе представилъ свои воззрѣнія на унію и на національность. Оборона Ив. Наумовича, подобно якъ и его всѣ статьи, дыше правдою и искренностью, а кромѣ того содержитъ цѣнныи данныи для характеристики его образа мыслей, національныхъ и политичныхъ воззрѣній и убѣжденій, и звучитъ, якъ исповѣдь передъ Богомъ....

Такъ въ засѣданіи 12 (24) іюня, на обвиненіе въ панславизмѣ, Ив. Наумовичъ сказалъ: „Не пôдлежитъ сомнѣнію, що я Славянинъ, и то Славянинъ par excellence (горячій), ибо не тôлько языкъ у мене славянскій, но кромѣ сего также церковный обрядъ, а даже обычаи у насъ, на Руси, найбôльше сохранились еще изъ глубокой славянской, бывшой поганской древности. Яко Славянинъ, не могу не быти славянофиломъ, не могу не любити тѣхъ народôвъ, которыи изъ того самого, що и русскій народъ, общого происходятъ кореня и остаются съ нимъ въ племенной связи близшого или дальшого родства. Що до моей особы, то позволю собѣ розсказати, середъ якихъ обстоятельствъ выробилось у мене сильное чувство славянофильства. Въ 1849 г., будучи еще на студіяхъ, я тру-

дился при ред. „Зори Галицкой,“ первой нашой русской газеты. Въ редакцію приходили газеты изъ всѣхъ славянско-австрійскихъ краêвъ; присылали также ôтовсюда славянскіи сочиненія, которыи я чилалъ. Межи прочимъ я имѣлъ случайность читати Starožitnosti slovanske (Славянская старина) и Slovanski narodopis (Славянская этнографія). Я читалъ ихъ съ великимъ занятіемъ и проникнулся ихъ духомъ. Изъ книжки Starožitnosti slovanske я узналъ, що Славане маютъ старую культуру, найдавнѣйшую народную литературу изъ тѣхъ вѣкôвъ, коли иныи, нынѣ первостепенныи европейскіи народы, ничого въ семъ отношеніи выказати не могутъ. Slovanski narodopis знакомилъ мене съ числомъ племенъ славянскихъ и ихъ языками. А понеже я былъ поэтичного настроенья, то зъ пѣсней Коллара и до сего дня памятаю кôлька строкъ, которыи врѣзались менѣ въ память и составляютъ якъ бы програму славянофильства. Такъ о Славянствѣ пише Колларъ (даемъ переводъ изъ словацкого, ибо И. Наумовичъ, сказаши текстъ въ оригиналѣ, перевелъ его): „Все маемъ, мои милыи, дорогіи; золото, серебро, умѣлыи руки; языкъ и спѣвы маемъ веселыи; единства тôлько и просвѣщенія у насъ не ма! Дайте намъ ихъ съ духомъ всеславянства, а увидите народъ, якого не было еще въ прошлôмъ; середъ Грека и Британца наше имя заблеститъ на звѣзднôмъ сводѣ небесъ.“ Понеже я былъ поэтичного успособленья, якъ я уже сказалъ, то тѣ и подобныи пѣсни великого пѣвца, автора „Дочери Славы,“ проговорили до глубины моей души. Я жилъ въ тôмъ и мысль о такôмъ всеславянскôмъ единствѣ была и есть у мене путеводною мыслію. Предовсѣмъ я хотѣлъ познакомитись съ моимъ народомъ, пустился нѣшкомъ по нашому краю, переѣхалъ или перейшолъ цѣлый край и часть Угорской Руси, вникалъ въ глубину души нашого народа, познавалъ его хорошіи стороны и положилъ собѣ за задачу мого житья служити тому народу тѣмъ духомъ всеславянства, т. е. просвѣщеніемъ народа. То была цѣль моего житья, есть нею до нынѣшняго дня и останеся нею до смерти! Я постановилъ собѣ той народъ просвѣщати, щобы ôнъ, пôзнавши самъ себе и свое достоинство, заговорилъ самъ за себе въ ряду другихъ народôвъ Австріи, щобы съ нимъ числились, щобы ему признали слѣдуемыи ему права. Вѣдь извѣстно, що въ нашой Австріи до недавного времени славянскіи народности были совершенно упослѣжены и считалися тôлько матеріяломъ до вынародовленья для двохъ другихъ панующихъ расъ, нѣмецкой и мадярской, а изъ всѣхъ найбôльше была упослѣжена наша русская народность, которой ôтказовали даже въ правѣ народного существованья. Такъ было давнѣйше; ажь по французскихъ войнахъ овѣялъ живый духъ и полумертвыи сла-

вянскіи народы. Зъ того часу начали появлятись первыи пророки Славянства, а изъ всѣхъ славянско-австрійскихъ народôвъ были Чехи, которыи проникнулись тѣмъ духомъ и взяли въ свои руки предводительство въ дѣлахъ Славянъ. Такъ выступила на національное поприще въ Австріи межи двѣ панующіи расы и третья славянская, численно перевысшающая обѣ попередніи, выступила съ правомъ народного быта, готова къ борьбѣ за то свое нестарѣемое и незаперечаемое право... Призначеньемъ Австріи, мѣстящой въ собѣ тіи три головныи расы, было, устроитись такъ, щобы каждая раса и каждая народность могла считати Австрію яко великую Швайцарію, въ которой всѣ три народности живутъ съ собою и возлѣ себе въ милôмъ сосѣдствѣ, признаючи взаимно свои права и не боячися ніяхихъ центробѣжныхъ стремленій, маючи въ державѣ всякіи ручательства народного быта. Такъ безъ послѣдствій прогомонѣли зазывы соединяющихся Итальянцѣвъ къ Итальянцамъ Тесинского кантона, которыи отвѣтили: „Мы и въ Швайцаріи Итальянцы и вполнѣ счастливы!“ Къ тому самому стремились и наши австрійскіи Славяне. Коли въ 1848 г. закипѣло въ Европѣ свѣжое народное житье, тогды собралось въ Празѣ общество, такъ называемая „Славянская Липа.“ Съ пріятностію вспôмну, що тамъ были и представители польского народа, который нынѣ, на жаль, ôткрещиваеся ôтъ всякого согласія со Славянами. Былъ тамъ бл. п. кн. Левъ Сапѣга, кн. Юрій Любомірскій, адвокатъ Малишъ, — зъ нашой же стороны были: Иванъ Борисикевичъ, Василій Ковальскій и свящ. Алексѣй Заклинскій. Тамъ была пôднята мысль федераціи (союза) австрійско-славянскихъ народôвъ, а не всѣхъ Славянъ. Та мысль была единственно спасительна для Австріи, ибо могла образовати силу, о которую розбились бы желанія тѣхъ панславистôвъ, которыи мечтаютъ о соединеніи всѣхъ Славянъ. На жаль, та мысль была тôлько пôднята, а даже не сформулована, бо въ то шаленое время пришло къ бомбардаціи Праги и „Липу“ розôгнали. — Потôмъ, коли успокоились волны той страшной бури и вернулось спокойствіе, мысль о федераціи Славянъ уже не была пôднята. Не была пôднята для того, що одно изъ славянскихъ племенъ, племя польское, а властиво вліятельная партія того племени, не видѣла для себе спасенія въ славянской федераціи и въ Славянствѣ вообще, а ишла и иде ôтдѣльною дорогою, за своими историчнодержавными традиціями. На жаль, она и теперь не тôлько оказуе полный недостатокъ сочувствія для Славянъ, но вяжеся съ ворогами Славянъ и выражае то въ печати. Такъ читаемъ въ извѣстной брошурѣ съ 1880 г. „La Pologne et les Habsbourg“ (Польща и Габсбурги) такіи слова: „Польща николи не счи-

тала себе славянскою державою,“ а дальше: „Щó-жь могла бы она, Польща, мати вспôльного со Славянами и съ тѣмъ народомъ слугъ и невольникôвъ?“ Въ такôмъ самôмъ дусѣ ôтзываются польскіи голосы въ законодательныхъ собраніяхъ во Львовѣ и Вѣднѣ, въ такôмъ дусѣ пише безпрестанно польская публицистика. И въ тôмъ была головная перешкода, що идея славянской федераціи въ Австріи здѣлалась неисполнимою; въ тôмъ лежитъ причина, що нынѣ, въ виду русского панславизма, мнимо такъ страшного для Австріи, та самая Австрія не може поставити Австрійского панславизма. А польская политика наполняе каждого истинного Славянина великою печалью. Тôлько съ болью сердця можно читати такіи суды о Славянахъ, що они — народъ слугъ и невôльникôвъ, суды, которыи войшли въ поговорку у угнетателей Славянъ. Ибо славянскіи народы славятся своею древнею культурою, наша литература достигае девятого вѣка и была уже тогда знаменита, коли другіи народы не чувствовали даже потребы народныхъ литературъ. Упомну тôлько о св. Кириллѣ и Меѳодіи, о переводѣ Библіи на славянскій языкъ, о высокой степени розвитія и совершенства того церковно-славянского языка, совсѣмъ не уступающого класичному старо-греческому. Тôлько грубая несвѣдомость сего всего можетъ насмѣхатись надъ Славянами, якъ бы надъ полудикими народами. Но противъ сего лѣкарства не ма, ибо такій антиславянскій духъ былъ привитый Поляками за Польщи, ôнъ пôддерживаеся и въ Австріи. Совсѣмъ другій духъ вѣе въ нашой Руси и у другихъ австрійскихъ Славянъ. Мы ледви начали сознавати свою народность, до того часа усыпленную, а уже первою задачею, якъ Чехôвъ, Словакôвъ, Хорватôвъ, Словѣнцêвъ, такъ и нашою было — вести массу народа къ просвѣщенію; то доказуютъ наши „Матицы.“ Каждый, кто хоче, може собѣ пригадати, що мы, Русины, ни о що такъ не старались, якъ о школы, якъ мы боролись и боремся за народный языкъ въ школахъ. Въ тôмъ лежала наша найбôльшая задача, наша головная политика, ибо точно то духъ истинно славянскій: въ каждôмъ и найнизшôмъ видѣти брата и пôдносити его просвѣщеніемъ...

„Г-нъ прокураторъ — продолжалъ свою рѣчь Ив. Наумовичъ — обвиняе насъ въ россійскôмъ панславизмѣ. Позволю собѣ и о нêмъ упомнути кôлькома словами. Панславизмъ, якъ я уже выше отмѣтилъ, — австрійское дѣтище, ибо въ Австріи возникли первыи и найзнаменитшіи его пророки. И то совсѣмъ природно, ибо Австрія есть держава, въ которой живе даже 6 славянскихъ племенъ всѣхъ ôттѣнкôвъ: восточныи и западныи, сѣверныи и южныи, розличной вѣры: католической, православной и протестантской. Коли у насъ,

въ Австріи, уже дѣйствительно цѣлыи народы, н. пр. чешскій, были проникнуты всеславянскою идеею и такіи Коллары спѣвали ей пѣсни: въ Россіи панславизмъ былъ еще запрещеннымъ товаромъ. Извѣстно, що, коли въ 1846 г. Костомарôвъ, Кулишъ, Шевченко, знаменитыи Малороссы, заложили въ Кіевѣ совсѣмъ невинное Общество: „Братство св. Кирилла и Методія,“ россійское правительство розвязало его яко опасное для Россіи, а то для того, що его направленіе было занадто демократичное. Нынѣ мы боимся уже русскихъ панславистичныхъ Обществъ, а то для того, ибо мы не постарались имѣти противъ нихъ оружіе, а оружіемъ тѣмъ нищо иное, якъ братство австрійско-славянскихъ народôвъ; но мы видимъ, що, вмѣсто братства, у насъ съ чѣмъ-разъ бôльшимъ напряженьемъ силъ поступае истребленіе поодинокихъ слабшихъ славянскихъ народностей; — звертаю увагу тôлько на нашу несчастную Русь, которой прямо въ очи, изъ соймовой трибуны, одинъ выдающійся посолъ, вернувшись изъ Вѣдня съ приказомъ, ввести польскій урядовый языкъ, побѣдоносно объявилъ: „Край ополяченъ!“ Другій посолъ въ прошломъ году сказалъ на предвыборовôмъ собраніи въ Краковѣ, що „русского вопроса въ краю уже не ма!“ То значитъ, що „съ помочію вравительства мы уже знищили Русь, уже еи не ма.“ Менѣ здаеся, що такіи приговоры нищо иное, якъ здрада стану въ виду Австріи, ибо, при такого рода истребительной политицѣ, треба справедливо боятись россійского панславизма, щобы ôнъ, если существуе, изъ теоріи не перейшолъ въ практику. Но чи возможно убити нашу русскую народность, которой історія культуры достигае тысячи лѣтъ и которая есть ôтломкомъ великого народного организма? Менѣ здаеся, що, вмѣсто нищити, належало бы той народности подати братнюю, помощную руку и такъ якъ Русь николи не заперечала правъ польской народности, где они ей справедливо належатся, такъ польскіи Славяне обовязаны поступати въ виду Руси, съ безусловною справедливостью, и признати все, що ей слѣдуе и що конечно и несомнѣнно они будутъ принуждены признати, ибо народъ, перeживши яко такій 1000 лѣтъ, и снова послѣ долгого сна пробудившійся, въ нынѣшне время не дасться совсѣмъ потоптати и не задоволится такими законами, которыи существуютъ лишь на паперѣ, а въ дѣйствительной жизни не маютъ ніякого значенья.

„Яко Русину менѣ не може выйти изъ памяти благородная особа поляка-славянина, кн. Юрія Любомірского, который, въ первой соймовой каденціи въ 1861 г., внѣсъ предложенье о рôвноправности русского языка въ школѣ, урядѣ и судѣ. То предложеніе приняло соймовое бôльшинство мол-

чаніемъ и кинуло его въ кôшъ. Слѣдующіи соймовыи сесіи были поприщемъ борьбы противъ всѣхъ народныхъ правъ Руси, а въ послѣдніи лѣта уже не было съ кѣмъ боротись и борьба не была потрêбна, ибо Русь, взятая въ сильныи руки правительства, переконалась, що дальшая борьба есть тôлько безъ надѣи на якіи-нибудь корысти. Правда, що былъ слабый лучъ надѣи при Лавровскôмъ, коли ôнъ, яко вицемаршалъ Сойма, вернулся изъ Вѣдня съ извѣстнымъ пляномъ згоды Польщи съ Русью въ Соймѣ. Тогды ôнъ пригласилъ мене до себе и ôткрылъ менѣ свое намѣренье выступити съ тѣмъ проектомъ въ Соймѣ. То было при министрѣ Бейстѣ, здаеся, въ 1869 г. Я похвалилъ его намѣреніе, похвалили и другіи наши послы, были составлены совсѣмъ скромныи, справедливыи точки. Мы не требовали ничого, що переходило бы наши силы, впрочѣмъ то былъ проектъ, надъ которымъ можно было подумати. За тѣмъ проектомъ згоды говорилъ Лавровскій, говорилъ коротко и я, коли наступило второе читанье и была выбрана комисія, въ которой и я удостоился чести засѣдати. Но судьба той комисіи извѣстна: уже послѣ первого или второго засѣданья, все пôшло въ забвеніе, а коли мы пытали о причину того забвенія, намъ сказали: „У насъ сила, намъ згоды не треба, коли все маемъ въ рукахъ.“ Значитъ — сила передъ правомъ!

„Щô-жь намъ осталось дѣлати? Мы утратили всякую надѣю на якое-нибудь соглашеніе, а не могучи ôтречись ôтъ своихъ народныхъ святостей, намъ не оставалось ничого, якъ стати въ опозицію всѣми силами и всѣми силами просвѣщати народъ, щобы тотъ, прійшовши до самосознанія, розвилъ въ собѣ силу и самъ затребовалъ своихъ правъ.

„Менѣ здаеся, що то было совсѣмъ природно и що въ тôмъ не можно видѣти ненависти къ Полякамъ. Що-жь виненъ польскій народъ, що партія, которая теперь стоитъ въ его главѣ и дѣйствуе его именемъ, дѣйствуе противъ хорошо понятого интереса свого собственного народа? Чи продолженіе вѣковой борьбы съ Русью спасе Польщу? Я сомнѣваюсь, Польщу могли бы спасти справедливость, любовь, братство, а сказавши словами Коллара: duch vseslavosti (духъ всеславянства). Тѣмъ духомъ vseslavosti проникнуты мы, Русь! То ложь, будьто-бы мы были полякоѣды. Менѣ все, що славянское, дорогое! Мôй Шевченко, мôй Пушкинъ, мôй Мицкевичъ, мôй Корженёвскій, мôй Колларъ, мôй Вукъ Стефановичъ Караджигъ, — они всѣ мои, лбо славянскіи. И тутъ не ма ніякого страха обняти тою любовью и заграничныхъ Славянъ, Великоруссôвъ, Болгаръ и т. п. Для мене, яко русского человѣка, найблизше все русское, ибо цѣлый русскій народъ я долженъ считати за мôй собственный; но то не мѣшае менѣ

быти добрымъ австрійскимъ гражданиномъ. Если же насъ обвиняютъ, а именно мене, въ полякоѣдствѣ, въ ненависти, то все то ôтносится тôлько къ опозиціи противъ антиславянской польской партіи, щобы тою опозиціею дойти до соглашенія, до згоды; вѣдь то окончательная цѣль каждой опозиціи: дойти до правды! Я вступилъ въ опозицію и противъ Рима не яко непріятель уніи, но точно яко еи пріятель, щобы высказати ôткрыто кривды, заподѣянныи нашому обряду, щобы пôднести голосъ противъ іезуитôвъ, яко ворогôвъ не лишь Руси, но и Польщи, ибо никто, тôлько они причина поведенья послѣднёй. Чи то пріятна та вѣчная борьба, тѣ вѣчныи клеветы и доносы, тѣ вѣчныи пôдходы одной народности противъ другой? И що-жь помогутъ тѣ фразы о вôльности, рôвности, которыи произносятъ уста, а которыхъ нема ни въ сердцѣ, ни въ дѣлахъ?

„Що-жь зъ того копца уніи на Замковой горѣ, если не ма уніи въ Соймѣ и пôдъ его зданіемъ, где забыли о рускôмъ письмѣ? Прежде слѣдовало бы здѣлати честную унію въ Соймѣ и въ краю, уважати нашу народность яко братнюю, а потôмъ завершити дѣло высыпаньемъ копца (въ 1869 г. галицкіи Поляки высыпали на Замковой горѣ во Львовѣ курганъ въ память Люблинской уніи, 1569 г.; — прим. авт.), подаючи собѣ, яко Славяне, братнюю руку. Тогды была бы на тôмъ копцѣ истинная унія, если бы его не сыпалъ одинъ Смолька, но разомъ съ Качалою (свящ. Стефанъ Качала, выдающійся посолъ Сойма, авторъ книжки Polityka Polaków względem Rusi; прим. авт.), Качала прежде, потôмъ Смолька (Францъ Смолька, первый президентъ австрійского парламента; прим. авт.), а не одинъ Смолька!

„Що-жь намъ зъ того, що иногда на пирахъ чуемъ извѣстное: Kochajmy się? Мы чуемъ то зъ одного кôнця стола, а коли зъ другого ôтозвется: „Любѣмся!," то уже замѣчаемъ кислыи мины. Чи то по славянски? — А если бы братья-Поляки проникнулись такимъ духомъ славянскимъ, братскимъ, а Русь и Польща въ Галичинѣ ишли рука объ руку, если бы наступило зближеніе съ всѣми Славянами, чи не образовалась бы значительная сила славянская въ Австріи и чи потребовала бы Австрія дрожати на гадку о россійскôмъ панславизмѣ, если бы каждый Славянинъ чувствовался въ Австріи счастливымъ? Сегодня закидае намъ обвинительный актъ яко преступленіе переписку съ выдающимися личностями въ Россіи; а вѣдь никто не сомнѣвался въ искреннêмъ патріотизмѣ Шафарика, хотя ôнъ переписывался со всѣми учеными въ Россіи, и съ самымъ страшнымъ Погодинымъ! Для чого-же намъ не вôльно переписыватись съ русскими литератами? Чи то не вôльно Полякамъ кореспондовати съ Варшавою, а ав-

стрійскимъ Нѣмцямъ съ прусскими? Такая тревога, такая руссофобія(руссоѣдство) совсѣмъ не приноситъ чести Австріи, ибо доказуе неудовольствіе одного или другого народа. Въ тôмъ и лежитъ головный недостатокъ Австріи, що еи конституція не знае народôвъ, но коронныи краи, а въ тѣхъ коронныхъ краяхъ пануе тотъ, кто сильнѣйшій, слабшій же боресяь безъ надѣи, якъ мы Русины, якъ Словаки въ Угорщинѣ. Между тѣмъ коронныи краи — отвлеченное понятіе (абстракція), а народы дѣйствительность, и тôлько тогда Австрія зможе розвинути силу и не боятись россійского панславизма, если буде могла сказати, що не краи коронныи, но всѣ народы въ ней счастливы!"

Процесъ, въ которôмъ засѣдалъ Ив. Наумовичъ на лавѣ обвиненныхъ, кôнчился 17 (29) іюля 1882. Присяжныи судьи, въ числѣ которыхъ было 8 Полякôвъ и 4 жиды, не подтвердили вопроса, ôтносящогося до здрады стану, именно, що обвиненныи старалися „ôторвати Галичину и Буковину и сѣверную Угорщину ôтъ одной цѣльной связи державы и области краêвъ австрійской державы и вызвати опасность для державы изъ внѣ, бунта или домашнёй вôйны внутри," ни до одного изъ обвиненныхъ. Но они признали виновными: Ивана Наумовича (10 голосами), В. М. Площанского (9 голосами), крестьянъ Ивана Шпундера (10 голосами) и Алексѣя Залуского (11 голосами) въ тôмъ, що они „принимали участіе въ такихъ связяхъ, которыи имѣли задачу возбудити ненависть или презрѣніе противъ одноцѣльной связи австрійской державы, противъ формы правленія и державной администраціи." На основаніи сего признанія судей присяжныхъ, предсѣдатель трибунала, сов. Будзыновскій произнесъ слѣдующій приговоръ:

„Священникъ Иванъ Наумовичъ виновенъ, що, во второйполовинѣ 1881 г. до кôнця января 1882 г., ôтчасти въ Скалатѣ, ôтчасти во Львовѣ и въ другихъ мѣстностяхъ Галичины и Буковины, принималъ участіе въ такихъ связяхъ, которыи имѣли задачу возбудити ненависть или презрѣніе противъ одноцѣльной связи австрійской державы, противъ формы правленія и противъ державной администраціи, чѣмъ допустился преступленія нарушенья публичного спокойствія зъ §. 65 буква „с" карн. зак., вслѣдствіе чого засуждается его, въ мысль §. 65 карн. зак., съ примѣненіемъ §§. 54 и 55 карн. закона, на 8 мѣсяцêвъ обыкновенной тюрьмы, обостренной одноразовымъ постомъ що двѣ недѣли."[1])

Защитникъ засужденныхъ, д-ръ В. Дулемба, заявилъ въ ихъ имени жалобу неважности и внêсъ предложеніе, щобы

[1]) В. М. Площанскій былъ засужденъ на 5 мѣсяцêвъ, Иванъ Шпундеръ и Алексѣй Залускій на 3 мѣсяцы тюрьмы каждый.

трибуналъ, до рѣшенія той жалобы найвысшимъ трибуналомъ въ Вѣдни, выпустилъ ихъ на волю. Слѣдующого дня, 18(30) іюля, совѣтъ карного суда рѣшилъ выпустити засужденныхъ на волю, а именно: И. Наумовича за зложеньемъ залога въ сумѣ 6000 зр., В. М. Площанского 5000 зр., а Шпундера и Залуского по 500 зр. за каждого. Такъ якъ однако прокураторъ, Гиртлеръ фонъ Клеборнъ, сопротивился тому рѣшенію, то дѣло перейшло въ апеляційный судъ, который 1 н. ст. августа рѣшилъ его, согласно съ рѣшеньемъ совѣта карного суда. Но засужденныи выйшли на волю тôлько 6 августа 1882. Залогъ за нихъ зложили Львовскіи Русины.

Выйшовши временно изъ тюрьмы, въ которой просидѣлъ въ слѣдствѣ ôтъ 4 февраля до 6 августа (бôльше шести мѣсяцêвъ), измученный тѣлесно и душевно, Ив. Наумовичъ не малъ где головы приклонити. Приходъ въ Скалатѣ ôтобрали духовныи власти, а вскорѣ потôмъ послѣдовало и ôтлученье его ôтъ уніятской церкви, а то за его участіе въ Гниличскôмъ дѣлѣ и выраженія на судѣ, которыи католическіи духовныи власти признали еретическими. А слѣдуе знати, що въ то время, якъ Ив. Наумовичъ сидѣлъ въ тюрьмѣ, произойшли важныи перемѣны въ управленіи уніатскою церковью въ Галичинѣ. Благочестивый и высокочестный Митрополитъ, Іосифъ Сембратовичъ, принужденъ былъ уступити, а къ тому причинилось ôтчасти и то обстоятельство, що ôнъ, дѣлаючи каноничный осмотръ въ окрестностяхъ Скалата, посѣтилъ жену Ив. Наумовича въ то время, коли послѣдній находился въ тюрьмѣ. Администраторомъ архіепархіи былъ назначенъ Епископъ Сильвестръ Сембратовичъ и ôтъ святоюрской горы повѣяло совсѣмъ инымъ духомъ, ибо въ тôмъ-же 1882 году іезуиты забрали Василіанскій монастырь въ Добромилѣ. Скорше, чѣмъ можно было ожидати, збылись предсказанія Ив. Наумовича, высказанныи нимъ на судѣ 6 н. ст. іюля. Ôнъ сказалъ тогды: „Нынѣ они (т. е. іезуиты) идутъ въ Добромиль, потôмъ заберутъ Гошевъ, Бучачъ, Крехôвъ, пôдчинятъ пôдъ свою власть нашъ почтенный орденъ Василіанъ и такъ, якъ теперь въ Добромилѣ, задержатъ тôлько двохъ монахôвъ для обученія своихъ воспитанникôвъ, кандидатôвъ на епископства, въ обрядахъ: такъ незадолго войдутъ въ семинаріи, опануютъ св. Юръ, заберутъ доходы митрополіи, а Митрополиту вызначатъ вознагражденіе за то, щобы рукополагалъ имъ ихъ воспитанникôвъ на русскіи приходы.“

Попродавши все господарство и лишившись возможности ôтдыхати ôтъ умственныхъ трудôвъ и освѣжати свои мысли въ садѣ и въ пасѣцѣ, Ив. Наумовичъ поселился во Львовѣ, где ожидалъ рѣшенія жалобы, внесенной нимъ въ найвысшій трибуналъ. Не по душѣ пришлась И. Наумовичу городская

жизнь, особенно середъ такихъ обстоятельствъ, якіи вытворились вслѣдствіе его засужденья и ôтлученья ôтъ церкви. Страхъ передъ пôдозрѣваніями и послѣдствіями ôтъ нихъ держалъ вдали ôтъ И. Наумовича многихъ его знакомыхъ и почитателей, хотя они были съ нимъ одной мысли и глубоко ему сочувствовали. Тôлько невеликій кружокъ русскихъ журналистôвъ и студентôвъ зносился постоянно съ ôтлученнымъ, и своею любовью и уваженіемъ старался облегчити ему его тяжкую участь. Члены того кружка сопровожали неôтступно И. Наумовича во время его загородныхъ прогулёкъ, которыи ôнъ, особенно въ лѣтніи мѣсяцы, предпринималъ часто, а то для того, щобы, въ случаю потребы, стати въ его оборонѣ. Дѣло въ тôмъ, що ненависть противникôвъ Ив. Наумовича, не личныхъ, но политичныхъ, была такъ велика, що можно было боятись нападенія на него зъ ихъ стороны, или со стороны пôдосланныхъ ними злоумышленникôвъ. Бôльшую часть времени однако Ив. Наумовичъ посвящалъ составленію статей для „Науки,“ „Нового Вѣча,“ „Новостей,“ „Нового Пролома“ и „Слова,“ а также составлялъ книжечки для Общества им. М. Качковского, о которыхъ упомнемъ низше.

Въ 1884 г. Ив. Наумовичъ ôтбылъ свою 8-мѣсячную кару, ибо его жалобу ôтклонилъ найвысшій трибуналъ. Находячись въ тюрьмѣ, ôнъ, за позволеньемъ властей, продолжалъ писати, а кромѣ того занялся, со свойственною ему ревностью, обученіемъ узникôвъ пчеловодству. Тюремное начальство купило нарочно для того улей съ пчолами и И. Наумовичъ въ тюремнôмъ саду, при улицѣ Баторія, що-дня обучалъ узникôвъ, якъ обходитись съ пчолами, и въ однôмъ лѣтѣ успѣлъ изъ одного улея розвести два новыи. Уже по ôтбытью кары Ив. Наумовичъ кôлька разы заходилъ, якъ ôнъ говорилъ, „въ свою пасѣку“ и доглядалъ тамъ пчôлъ.

Ив. Наумовичъ оставилъ тюрьму 14 (26) августа, 1884 г. въ навечеріе праздника Успенія Пресв. Богородицы. У ворôтъ тюремныхъ встрѣтили его не тôлько члены его семьи, но многіи русскіи Львовяне и прибывшіи нарочно для того во Львовъ селяне. Кромѣ сего ôнъ получилъ множество привѣтствій не тôлько изъ Галичины и славянскихъ земель въ Австріи, но также изъ заграницы. Въ кôлька дней пôзднѣйше, а именно 18 (30) августа, Львôвскіи Русины устроили въ его честь пиръ, на который прибыли также численныи представители провинціи. По выходѣ изъ тюрьмы, Ив. Наумовичъ напечаталъ въ „Словѣ“ (н-ръ 92, 1884) статью п. з. „При выходѣ изъ темницы,“ въ которой межи прочимъ написалъ:

„Оставивши темницю, въ которой я, носячи безъ роптанія мôй крестъ, просидѣлъ выше четырнадцяти мѣсяцêвъ, считаю первымъ и святѣйшимъ моимъ долгомъ поблагодарити

ôтъ всей души всѣхъ, которыи, въ виду постигшого нечаянно мене и мое семейство ужасного горя, не усомнились дати доказательства христіанского состраданія... Въ чорный день скорби и недостатка испыталъ я стôлько дружбы ôтъ численныхъ друзей, близкихъ и дальшихъ Славянъ, а даже Нѣмцêвъ, — мене обсыпала доказательствами искренного сочувствія вся австрійская Русь, занадто преувеличаючи скромныи мои заслуги; великій русскій міръ пропиталъ (прокормилъ) великодушными своими жертвами узника, потерявшого пріобрѣтенное гôрькимъ трудомъ имущество и лишенного званія приходского священника, значитъ — насущного хлѣба. — И въ радостный день освобожденія моего изъ темницы случилось мнѣ встрѣтитись съ такими-же заявленіями сочувствія. Изъ всѣхъ сторонъ приспѣли поздравительныи письма и телеграмы, друзья и знакомыи поздравили мене и мое семейство съ радостнымъ днемъ, хотя въ виду настоящихъ обстоятельствъ, и такіи заявленія требуютъ не малой ôтваги. Чѣмъ-же сплатити долгъ благодарности мнѣ, бѣдному, въ виду стôлькихъ благодѣяній, которыми обязана немощная плоть моя тѣмъ, що она еще здорова, живущій въ плоти духъ тѣмъ, що ôнъ не потерялъ своей бодрости и що ôнъ, не смотря на преклонныи уже лѣта, готовъ еще къ продолженію труда, къ которому привыкъ ôтъ молодыхъ лѣтъ и который якъ бы зрôсся съ его существомъ? — Слôвъ къ выраженію чувствъ благодарности, которыми я проникнутъ, не нахожу: ихъ, кажется, нѣтъ въ ніякôмъ словарѣ, а если бы и были, не моглибы они удовлетворити друзей и благодѣтелей, которыи, якъ предполагаю, предпочитаючи громкимъ словамъ краснорѣчивыи дѣла, сочувственно ôтносятся и ко мнѣ, именно по тому, що я, не блистаючи бôльшими дарованіями духа, служилъ прилѣжно нашому народному дѣлу, хотя такъ слабыми моими силами. Такъ предстоитъ мнѣ доказати мою благодарность тôлько дѣлами, тôлько опять неутомимымъ трудомъ, тѣмъ бôльше, що и самъ Господь, внушившій благороднымъ сердцямъ моихъ землякôвъ и друзей сочувствіе ко мнѣ, не довольствуючись словами, требуе непремѣнно обнаруженія (показанья) христіанской любви дѣлами. Сознаюсь въ слабости моихъ силъ, но Господь, не оставляющій уповающихъ на Него, не оставитъ и мене; Господь, подающій крѣпость людямъ своимъ, укрѣпитъ и мои силы, а воли у мене было, есть и будетъ изобильно... Усердно занимался я до сихъ поръ просвѣщеніемъ нашого русского народа, алчущого и жаждущого духовной пищи, свѣтла и правды. Я постановилъ собѣ до послѣднёго дыханія, или по крайней мѣрѣ такъ долго продолжати то любимое мое занятіе, поки позволятъ на то физичныи силы, или поки мое мѣсто не будетъ замѣщено

крѣпшими и отличными молодыми силами, такъ що трудъ мôй будетъ излишнимъ; поки-же народъ въ немъ еще будетъ нуждатись, не полѣнюся его просвѣщати, щобы пôднести его матерьяльно, интелектуально и нравственно, не ôтступаючи ôтъ направленія, которого и въ качествѣ (характерѣ) народного писателя я держался и держатись буду, въ тôмъ убѣжденіи, що оно вполнѣ соотвѣтно духу и обстоятельствамъ просвѣщаемыхъ. Нашъ сирота-народъ нуждаеся въ просвѣщеніи преимущественно для того, щобы дôйти къ самопôзнанію, которое розôвьютъ въ немъ способности къ пріобрѣтенію правъ, принадлежащихъ ему по божественнымъ не меньше, чѣмъ по человѣческимъ законамъ, т. е. рôвноправности, безъ которой ôнъ, пôдлежачи вліянію несприяющихъ ему обстоятельствъ, не въ состояніи улучшити свое матеріяльное благосостояніе и не въ состояніи заняти почетное мѣсто середъ прочихъ народôвъ Австріи. Но на тôмъ вѣрнôмъ пути всякое подражаніе Западу, въ его бôльше-меньше скрытыхъ соціалистично-республиканскихъ затѣяхъ и въ его явно оказуемôмъ безвѣріи, служило бы непреодолимымъ препятствіемъ. Если мы искренно желаемъ достигнути цѣли по назначенному пути, мы должны не колебати, но сохраняти душевный миръ нашого народа, преимущественно же вѣру въ необходимость благословенія Отца свѣтовъ, ôтъ которого исходитъ „всякъ даръ совершенъ.“ Якъ до сихъ поръ служили правиломъ моей дѣятельности, такъ и служити будутъ въ будущемъ слова Спасителя: „Воздадите убо кесареви, яже кесарева, а Богови, яже Божія суть.“ Церковь, требующая повиновенія всякой власти, „ибо нѣсть власть, только отъ Бога,“ спасла нашъ народъ въ продолженіе вѣкового гнета ôтъ поглощенія иноплеменниками; единственно она призвана и способна спасати его въ будущôмъ, если не оскудѣе пламенная вѣра, которою, къ счастью своему, всегда ôтличался нашъ народъ, не считающій того русскимъ, кто не состоитъ ревностнымъ членомъ русско-народной церкви.“

Въ сентябрѣ 1884 г. ôтправился Ив. Наумовичъ въ Россію, о которой зналъ и писалъ, но которой до того часу еще не видѣлъ. Ôнъ поѣхалъ разомъ съ тогдашнимъ редакторомъ „Слова,“ В. М. Площанскимъ. Оба путешественники посѣтили Кіевъ, Москву, Петербургъ, Вильну, Варшаву и Холмъ (послѣдній городъ посѣтилъ одинъ Ив. Наумовичъ, ибо В. М. Площаньскій поѣхалъ въ Одессу). Политичный процесъ во Львовѣ надѣлалъ много шума въ цѣлôмъ свѣтѣ, но и безъ того имена Ив. Наумовича и В. М. Площанского были и раньше извѣстны русскимъ людямъ въ Россіи. Для того ихъ принимали всюда сердечно и съ почте-

ніемъ, устроивали въ ихъ честь обѣды, а русскіи газеты въ упомянутыхъ городахъ посвящали имъ задушевныи статьи.

Въ началѣ 1885 г. Ив. Наумовичъ вторично ôтправился въ Россію, щобы здѣлати великое и спасительное дѣло для русскихъ крестьянъ въ Галичинѣ и для русскихъ институцій, якъ н. пр. „Народный Домъ“ во Львовѣ и вдовичо-сиротинскій фондъ, который дае пенсіи и запомоги для вдôвъ и сирôтъ по русскихъ священникахъ. Въ 1884 г. банкъ „Общество рольничо-кредитное Заведеніе,“ вслѣдствіе розличныхъ стратъ, пріостановилъ выплату вложенныхъ въ его касу на проценты грошей. Вышеназваннымъ институціямъ и всѣмъ людямъ, которыи вложили въ банкъ свои капиталы, грозила ихъ страта, а кромѣ того всѣмъ крестьянамъ грозила руина, ибо они, яко члены банка, ôтповѣдали за его страты цѣлымъ своимъ имѣніемъ. А такихъ вкладчикôвъ и крестьянъ было кôлька тысячъ въ Галичинѣ и Буковинѣ. Ив. Наумовичъ помôгъ однако спасти и капиталы русскихъ институцій, и частныхъ людей и земли русскихъ крестьянъ Ôнъ поѣхалъ въ Россію и выпросилъ у добрыхъ русскихъ людей миліонъ рублей дла банка, вслѣдствіе чого русскіи институціи и вкладчики получили назадъ свои гроши, а крестьяне заплатили, и то со значительнымъ опустомъ въ процентахъ, лишь то, що были должны.

Послѣ процеса, на Ив. Наумовича дѣлали изъ кругôвъ церковного управленія, а даже самъ Митрополитъ Сильвестръ, напоръ, щобы ôнъ покаялся, безусловно покорился Риму и для одержанья прощенія, а затѣмъ и возстановленья на приходѣ, лично поѣхалъ въ Римъ. Въ письмѣ изъ Кіева ôтъ 1 февраля 1889 г. къ автору сего жизнеописанья, Ив. Наумовичъ такъ о тôмъ упоминае: „Мнѣ-же писалъ Митрополитъ Сильвестръ: написать три слова, и я останусь въ Скалатѣ, и предо мною свѣтлая будущность; но я не могъ этого сдѣлать и потерялъ весь трудъ моей жизни, такое хозяйство, въ которое я вложилъ болѣе 15.000 гульденовъ, — все пропало; такой скотъ, такія поля, образцово воздѣланныя (управленныи) — все, и тюрьма еще, но не могъ покориться.“ Ив. Наумовичъ не согласился, а тôлько издалъ (въ 1883 г., въ Россіи) брошуру п. з. „Аппелляція къ папѣ Льву XIII,“ въ которой представилъ положеніе уніатской церкви въ Галичинѣ и на свою оборону заявилъ, що ôнъ ничого бôльше не здѣлалъ, якъ тôлько требовалъ очищенія обряда уніатской церкви ôтъ латинскихъ новостей.

Выше было сказано, якъ ôтъ Ив. Наумовича, послѣ его процеса, сторонили, страха ради, нѣкоторыи Львôвскіи Русины, особенно изъ духовного сословія. Не такъ смотрѣли на Ив. Наумовича сельскіи священники и русскіи крестьяне. Въ 1883

г. 17 (29) іюня состоялось во Львовѣ русское всенародное Вѣче для выраженія протеста противъ захвата іезуитами Василіанскихъ монастырей. Послѣ Вѣча, кôлька тысячъ его участникôвъ ôтправились въ садъ „Стрѣльницю" на перекуску. Треба было видѣти ихъ радость и восторгъ, коли на „Стрѣльницѣ" появился Ив. Наумовичъ! Народъ пôдхватилъ его на руки и, при пѣніи „Многая лѣта," обносилъ по цѣлому саду. Крестьяне цѣловали его по рукахъ и край его одежи и плакали ôтъ умиленія. И. Наумовичъ прослезился, ибо въ признательности народа и любви крестьянъ ôнъ видѣлъ найбôльшую нагороду за свои труды и страданія. Ôтъ крестьянъ не ôтстали и честныи сельскіи священники, понимавшіи и оцѣнявшіи заслуги Ив. Наумовича для просвѣщенія народа, и такимъ способомъ всенародное вѣче перемѣнилось во всенародное и вполнѣ заслуженное чествованье Ив. Наумовича.

Ив. Наумовичъ мôгъ остатись въ Галичинѣ и тутъ, на своей тѣснѣйшой родинѣ, до кôнця вѣка своего трудитись въ еи пользу. Но „Наука" и литературныи труды не давали такихъ доходôвъ, которыми можно бы было обôгнати потребы, даже при скромнôмъ житью Ив. Наумовича и его семьи. Вслѣдствіе сего Ив. Наумовичъ былъ принужденъ переселитись въ Россію, где мôгъ найти средства къ житью. Однако не одни житейскіи клопоты были причиною его переселенія въ державную Русь. Ив. Наумовичъ былъ человѣкомъ глубоко-религійнымъ. Будучи ôтлученъ ôтъ уніатской церкви, ôнъ не мôгъ въ уніатскихъ церквахъ совершати богослуженій, а между тѣмъ служеніе Богу и приношеніе безкровной жертвы составляло необходимую потребность вѣрующой души Ив. Наумовича. Въ православной церковцѣ во Львовѣ, или въ православныхъ церквахъ на Буковинѣ, ôнъ не мôгъ служити по политическимъ поводамъ. Въ Недѣли и праздники Ив. Наумовичъ, имѣючи дома всѣ богослужебныи книги (цѣлую „Минею" ôнъ подарилъ послѣ во Львовскую православную церковь), прочитывалъ и утреню, и службу и вечерню, а коли случился великій праздникъ, и всенощную. Но то его не заспокоивало; ôнъ хотѣлъ быти священникомъ и, веденный духомъ званія, ôнъ въ началѣ 1886 г. переселился со всею семьею въ Кіевъ.

Послѣдніи годы жизни И. Наумовича въ Россіи.

Въ „матери городôвъ русскихъ," въ стародавнôмъ Кіевѣ, жизнь Ив. Наумовича потекла спокôйнѣйше. Будучи возведенъ въ санъ протоіерея и окруженъ уваженьемъ и любовью всѣхъ истинно русскихъ людей, ôнъ продолжалъ зани-

матися редакціею „Науки,“ которую, майже одновременно съ своимъ выѣздомъ въ Россію, перенѣсъ изъ Львова въ Вѣдень и передалъ г. Д. Козарищуку, и также не уставалъ писати такіи-же поучительныи книжечки для русского народа въ Россіи, якіи ôнъ писалъ раньше для русского народа въ Австріи. Кромѣ сего своими статьями въ газетахъ, выходящихъ въ Россіи, ôнъ познакомлялъ тамошнихъ людей съ житьемъ-бытьемъ русского народа въ Австріи, своими-же кореспонденціями въ галицко-русскихъ изданіяхъ съ житьемъ-бытьемъ народа въ Россіи. Такимъ способомъ ôнъ явился живымъ и надежнымъ звеномъ, соединявшимъ духовно часть русского народа въ Австріи съ остальнымъ русскимъ народомъ.

Ив. Наумовичь не имѣлъ въ Кіевѣ якого-нибудь опредѣленного занятія. Духовныи и свѣтскіи власти, назначившіи ему такое жалованье, которое обезпечивало приличное существованье, оставили ему вольную волю — заниматись душпастырствомъ или составленіемъ книжокъ и поученій для народа. До 1889 г. И. Наумовичь все свое время посвящалъ писательству, плодомъ чого появились въ державной Руси поучительныи для народа брошуры, о которыхъ скажемъ ниже. Въ 1888 г. однако ôнъ, такъ сказати, затужилъ за сельскимъ житьемъ, а такъ якъ точно тогды освободилось мѣстце настоятеля прихода въ Борщагôвцѣ, селѣ пôдъ Кіевомъ, то ôнъ, по своей просьбѣ, былъ назначенъ приходникомъ Борщагôвки. Тутъ пробылъ ôнъ не долго, а то для того, що 60-лѣтнёму старику уже не пôдъ силу было исполняти душпастырскіи обязанности, и вернулся назадъ въ въ Кіевъ. Въ письмѣ его изъ Борщаговки къ автору сего труда въ 1890 г. Ив. Наумовичъ сообщае: „Черезъ недѣлю переселяюсь въ Кіевъ. Приходъ отнимаетъ мнѣ все время, такъ что нельзя ничего писать. „Наука“ опаздываетъ и плохо издается. Календарь теперь долженъ быть конченъ, а я только началъ. Квартира уже есть, только не знаю н-ра. Все-таки жаль оставлять пріятную квартиру и превосходную воду!“ — Будучи въ Борщагôвцѣ, а потôмъ и въ Кіевѣ, Ив. Наумовичъ имѣлъ возможность заниматись, якъ ôнъ говорилъ, своимъ „любимымъ отдыхомъ,“ т. е. спочинкомъ въ пасѣцѣ. Въ то время жила въ Кіевѣ Великая княгиня Александра Петровна. Она милостиво ôтносилась къ Ив. Наумовичу и любила съ нимъ бесѣдовати. Во время одного такого розговора, Ив. Наумовичъ предложилъ Великой княгинѣ устроити пасѣку въ саду женского монастыря, который благочестивая княгиня приказала въ 1889 г. построити на свои средства въ Кіевѣ. Великая княгиня обрадовалась тому и уже въ 1889 г. монастырская пасѣка числила кôлькадесять пней. Майже всѣ уліи въ пасѣцѣ были

здѣланы, по личнымъ указаніямъ Ив. Наумовича, галицкими крестьянами, которыхъ ôнъ для той цѣли вызвалъ въ Кіевъ, а часть улієвъ была таки привезена изъ Галичины. Великая княгиня горячо благодарила Ив. Наумовича, коли ôнъ пôднёсъ ей первый кругъ меду изъ заведенной нимъ монастырской пасѣки...

Спокôйное житье и любовь друзей и знакомыхъ въ Кіевѣ, изъ которыхъ слѣдуе назвати и нашого земляка, И. А. Григоровича, преподавателя I. Кіевской гимназіи, о. Іоанна Мельниковского, настоятеля Александро-Невской Сулимовской церкви въ Кіевѣ, и другихъ, ôтдаленность ôтъ Галичины и другіи обстоятельства и ôтношенья, не перерывали однако той душевной и сердечной связи, якою былъ связанъ И. Наумовичъ съ своею ближайшею родиною, Галицкою Русью. Ôнъ постоянно думалъ о тôмъ, якъ бы помочй ей и бѣднымъ галицко-русскимъ крестьянамъ, безпрерывно слѣдилъ за событіями и произшествіями въ Галичинѣ и вêлъ широкую переписку не тôлько съ образованными Галичанами, но и галицкими крестьянами. Каждый Галичанинъ находилъ у него гостепріимство, пораду и помощь. Для того въ домѣ Ив. Наумовича можно было всегда встрѣтити иногда по кôлька Галичанъ, а не было недѣли, щобы ôнъ не гостилъ у себе галицкихъ крестьянъ, которыи, корыстаючи изъ пребыванія Ив. Наумовича въ Кіевѣ, ѣздили поклонитись Кіевскимъ святынямъ и остановлялись въ домѣ Ив. Наумовича, якъ бы въ своемъ. На жаль, довѣрчивостью и добродушіемъ Ив. Наумовича злоупотребляли часто и недостойныи Галичане, изъ-за которыхъ ôнъ перенêсъ немало непріятностей... Къ чести галицкихъ крестьянъ скажемъ, що то были такъ называемыи „интелигенты,“ которыи за добро платили зломъ. Но Ив. Наумовичъ легко прощалъ и скоро забывалъ обиды и непріятности и радовался, коли увидѣлъ Галичанина. Еще живутъ многіи изъ тѣхъ Галичанъ, образованныхъ и крестьянъ, которыи въ 1888 году были въ Кіевѣ на торжествѣ 900-лѣтія крещенія Руси св. равноапостольнымъ княземъ Владиміромъ,[1]) и навѣрно памятаютъ, якъ Ив. Наумовичъ радовался ихъ пріѣзду, якъ ихъ гостилъ у себе въ Китаевѣ (ôнъ лѣтомъ жилъ тогда за Днѣпромъ, въ Китаевѣ), и якъ ихъ, словно отецъ своихъ дѣтей, представлялъ тогдашнёму Митрополиту Кіевскому и Галицкому (Кіевскіи Митро-

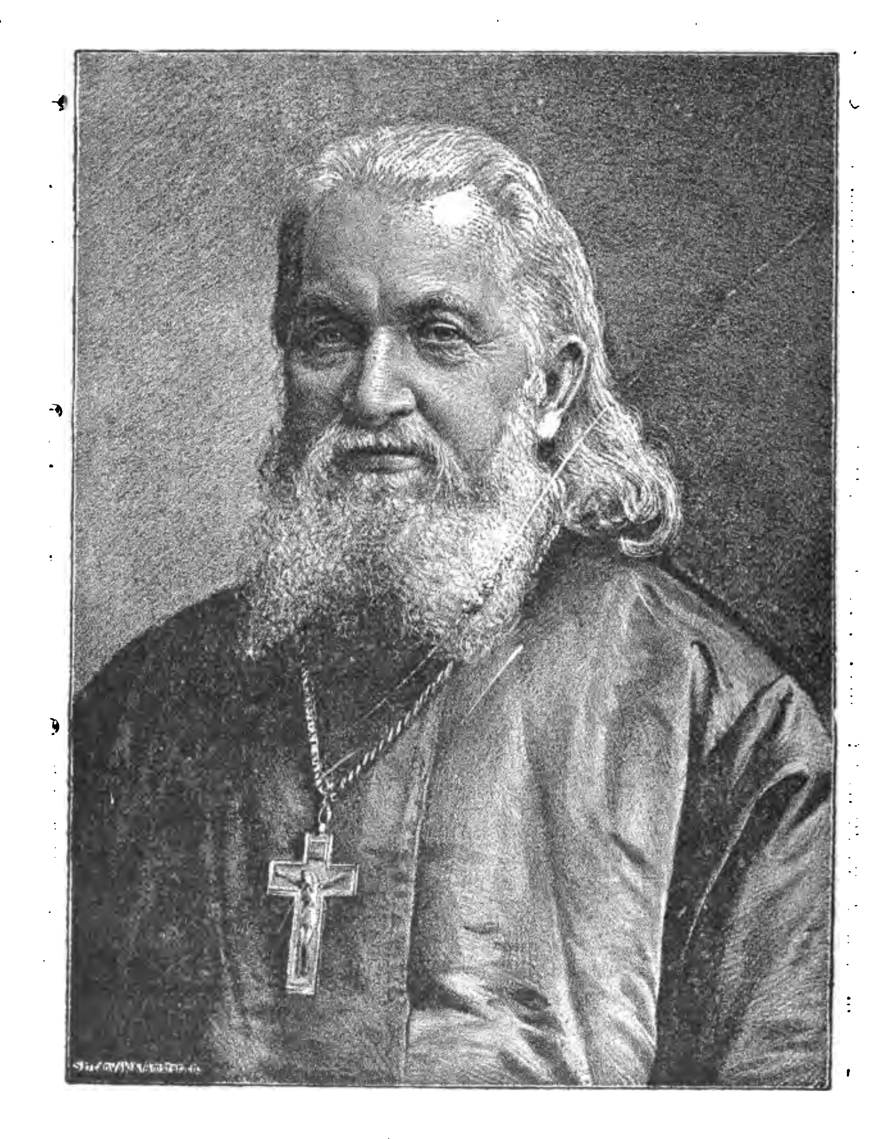
---

[1]) На торжествѣ тôмъ были слѣдующія Галичане: О. А. Марковъ, В. Ө. Луцыкъ. И. Е. Левицкій, О. А. Мончаловскій и 13 крестьянъ, изъ которыхъ бôльше извѣстны въ Галичинѣ: Ө Захарчукъ и Григорій Муринъ изъ Ляцкого, Григорій Летникъ изъ Пальчинецъ, пок. Ив. Ляховичъ изъ Нестюкôвъ — и др.

политы именуются до сихъ поръ также Галицкими) Платону, К. П. Побѣдоносцеву, В. К. Саблеру и другимъ высокопоставленнымъ лицамъ.

Свою любовь къ Галичанамъ, особенно-же къ русскимъ крестьянамъ, оказалъ И. Наумовичъ въ 1889 г., во время голода въ Галичинѣ. Въ письмѣ изъ Кіева, 19(31) іюня 1889 г., ôнъ писалъ межи прочимъ автору сего: „Голодъ въ Галичинѣ очень безпокоитъ меня. Если онъ дѣйствительно такой, какъ описано въ „Черв. Руси," надо подумать о спасеніи народа отъ погибели. Поэтому прошу васъ сообщить мнѣ точныя данныя изъ всѣхъ сторонъ и, если возможно, скоро. Вѣроятно будетъ созванъ сеймъ, хотя-бы ad hoc, тогда, розумѣется, будетъ все подробно описано съ офиціальной стороны. Но, быть можетъ, не будутъ съ тѣмъ торопиться, пока не появятся опасные симптомы." Получивши требуемыи данныи, Ив. Наумовичъ съ усердіемъ занялся собираніемъ помощи для голодающихъ и уже въ письмѣ отъ 21 ноября 1889 г. писалъ пôдписавшемуся: „Для голодающихъ Галичанъ жертвовалъ одинъ землевладѣлецъ подольской губерніи 100 пудовъ (пудъ мае около 40 фунтôвъ) пшеницы, съ доставкой въ Казятинъ, въ мое роспоряженіе. Сверхъ того поступило уже 3000 рублей отъ разныхъ благотворителей на покупку ячменя... Народу нельзя дать погибать. Спросите, гдѣ самая большая нужда? Я желалъ бы помочь моимъ прихожанамъ въ Скалатѣ, особенно моимъ бывшимъ „огульникамъ," вѣроятно очень бѣдствующимъ. На сердцѣ лежитъ мнѣ Залѣщицкій округъ, гдѣ большая нужда." Ив. Наумовичъ не далъ погибати народу. Ôнъ просилъ и писалъ на всѣ стороны и даже ѣздилъ въ Петербургъ, и за его стараньемъ галицкіи крестьяне получили значительную помощь изъ Россіи, и не одно семейство было спасено ôтъ голода и его страшныхъ послѣдствій...

И помимо голода нужденное положеніе значительной части галицкихъ крестьянъ постоянно болѣло Ив. Наумовича. Розглянувшись по Россіи и выпросивши покровительство высокопоставленныхъ лицъ въ Петербурзѣ, ôнъ задумалъ безземельныхъ и бѣдныхъ галицкихъ крестьянъ поселяти на Кавказѣ. Ôнъ уже раньше того помôгъ многимъ крестьянамъ изъ Галичины переселитись на Кавказъ, где они нынѣ живутъ въ поселкахъ: Наумовичи и Старая Чернигôвка, въ близи города Сухумъ-Кале. Приготовленія къ тому тягнулись долго, но якъ радовался Ив. Наумовичъ, коли его старанія обѣщали успѣхъ! „Считаю себя счастливымъ, — писалъ ôнъ изъ Петербурга 14 (26) октября 1890 г. автору сего труда, — что могу раздѣлиться хорошимъ почином, выходящимъ отъ самихъ искреннихъ нашихъ друзей, чтобы народу открыть путь къ лучшей жизни. Я говорилъ вчера съ однимъ компетент-



И. Наумовичъ въ 1889 г.

нымъ лицомъ касательно надѣленія землею нашихъ Лемковъ и другихъ Галичанъ въ округахъ Новороссійскомъ и Сухумскомъ, на берегу Чернаго моря, именно тамъ, куда ѣздили Аргонауты за золотымъ руномъ, гдѣ земной рай, виноградъ ростетъ дико, грецкіе орѣхи гніютъ на землѣ и превращаются въ навозъ, а гдѣ одна бѣда: отсутствіе комуникацій. Взгляните на карту: сейчасъ за Азовскимъ моремъ тянется эта пустая земля отъ Анапы до Сухума, и она призначена для Галичанъ, но въ такихъ размѣрахъ, чтобъ не обезнародить нашу родину, и чтобы наша земля не попала въ чужіи руки. Быть можетъ, я самъ поѣду туда и осмотрю все; но мнѣ сказали, чтобы прибыли сюда соглядатаи (розвѣдчики) и осмотрѣли мѣста для жительства, которыя будутъ имъ отпущены почти даромъ, н. пр. около 5 рублей за десятину, съ разсрочкой платежа на долгія лѣта. Все таки лучше направлять нашихъ людей сюда, чѣмъ въ Америку! Здѣсь будутъ огромные заработки при постройкѣ желѣзныхъ дорогъ и пр., а когда будетъ построена желѣзная дорога, земля тогда повысится въ цѣнѣ. Я не сомнѣваюсь, что нашимъ голодающимъ будетъ дана возможность существованія.“

И. Наумовичъ въ самôмъ дѣлѣ постановилъ лично поѣхати на Кавказъ, щобы ознакомитись съ тамошними ôтношеньями и выбрати мѣстця, пригодныи на поселенья. Изъ Кіева выѣхалъ Ив. Наумовичъ при концѣ мая 1891. Не полагаючися на власный опытъ и знанія въ выборѣ земли и мѣстця, ôнъ взялъ съ собою галицкого крестьянина, Ивана Бѣлорусского изъ Глинянъ. Въ Одессѣ прилучился до нихъ еще бывшій купецъ изъ Галичины, М-ичъ. Описаніе сего путешествія Ив. Наумовича напечатано въ „Галицкой Руси“ и въ „Науцѣ“ за 1891 годъ.[1]) Ôтъ него вѣе юношескимъ духомъ и жизнерадостною бодростью. Увидѣвши Кавказъ и его дѣвственныи земли съ великими лѣсами, Ив. Наумовичъ былъ увѣренъ, що галицко-русскіи колоніи принесутъ много пользы якъ Галичанамъ, такъ и Россіи, ибо первыхъ ôттягнутъ ôтъ переселенья въ Америку спасутъ передъ вынародовленьемъ, второй-же дадутъ трудолюбивое и спокойное населеніе, способное перемѣнити глухіи и дикіи окрестности въ цвѣтущіи селенія.

Посѣтивши монастырь Новый Аѳонъ, Туапсе (Вельяминово), Новороссійскъ (на Кавказѣ, ибо другій Новороссійскъ лежитъ на сѣвернôмъ берегу Чорного Моря), Пятигорскъ, Тифлисъ и Елисаветполь, Ив. Наумо-

---

[1]) Подробности о послѣднихъ дняхъ жизни Ив. Наумовича напечатаны въ „Бесѣдѣ,“ Львôвъ 1897, п. з.: „Причина смерти І. Гр. Наумовича.“

вичъ вернулся назадъ на Кутаисъ и Батумъ. Товарищи Ив. Наумовича ôтъѣхали въ Галичину раньше, а именно И. Бѣлорусскій 18(30) іюля, а М-вичъ 31 іюля (12 августа). Того-же дня И. Наумовичъ сѣлъ въ Батумѣ на пароходъ, ôтправлявшійся въ Новороссійскъ, щобы зъ-ôттамъ по желѣзной дорозѣ вернутись въ Кіевъ. На дорозѣ изъ Батума въ Новороссійскъ Ив. Наумовичъ заболѣлъ желудкомъ. Прибывши въ Новороссійскъ, ôнъ пригласилъ лѣкаря, Теръ-Степанова. Болѣзнь, повидимому, прошла, ибо послѣ Ив. Наумовичъ лѣкаря уже не призывалъ. а знакомыи видѣли его здорового Неожиданно, однако, знакомому Ив. Наумовича священнику, о. В. Гофману, дали знати 3(15) августа изъ гостинницы Grand Hôtel, що Ив. Наумовичъ опасно заболѣлъ. Сейчасъ призвали лѣкаря, который, заставши Ив. Наумовича безъ памяти, опредѣлилъ, що съ нимъ случился апоплектичный ударъ. Больного перенесли въ больницю, где ôнъ, не ôтзыскавши памяти, скончался 4(16) августа, въ 11 ч. передъ полуднемъ.

Слѣдующого дня, 5 (17) августа, состоялось торжественное погребеніе покойного на городскôмъ кладбищѣ. Погребеніе состоялось съ возможною, вслѣдствіе короткого времени, торжественностью. Въ похоронахъ участвовали четыре священники, а о В. Гофманъ сказалъ прочувствованное надгробное слово. Множество народа выказало свое уваженіе къ почившому, присутствуючи на похоронахъ. И въ далекôмъ Новороссійску, на берегахъ Чорного моря, знали Ив. Наумовича, якъ о тôмъ свѣдчатъ слѣдующіи слова о. В. Гофмана:[1])

„Предъ нами, братіе, нежданно гробъ съ скончавшимся пастыремъ святой Церкви. Но кто сей пришлецъ въ нашемъ городѣ? Кто сей, лишенный здѣсь присутствія своихъ присныхъ по плоти? Кто сей, давшій намъ, Новороссійцамъ, столь печальный поводъ къ настоящему нашему собранію и моленіямъ? — Это человѣкъ, притекшій къ нашему отечеству съ противоположной отъ насъ пограничной черты Русскаго государства!... Это — честный, истинный труженникъ, неустанно нѣсколько десятковъ лѣтъ, проявлявшій горячую дѣятельность, и дѣятельность не суетливо-одностороннюю и не для узкоматерьяльныхъ, эгоистичныхъ цѣлей, но дѣятельность разумную, многостороннюю и многоплодную... Это — короче сказать — всею читающею Россіею знаемый и чтимый протоіерей, отецъ Іоаннъ Наумовичъ!“

Неожиданная вѣсть о смерти Ив. Наумовича произвела потрясающое впечатлѣніе въ Галичинѣ. Въ выходившей тогды

---

[1]) Смотри брошурку: „Памяти протоіерея Іоанна Наумовича.“ Петербургъ, 1891.

во Львовѣ „Галицкой Руси“ печатались его кореспонденціи изъ Кавказа и редакція, три дни передъ смертью Ив. Наумовича, получила ôтъ него письмо. Газеты всѣхъ ôттѣнкôвъ и партій, не тôлько русскіи, но и польскіи и нѣмецкіи, посвятили ему вспоминки. „Галицкая Русь,“ которой припала печальная обовязанность извѣстити все русское населеніе Галичины о смерти Ив. Наумовича, такъ ôтозвалась 7 (19) августа (телеграму о смерти Ив. Наумовича получила редакція „Галицкой Руси“ 6(18) августа, въ праздникъ Преображенія Господня, и сейчасъ-же увѣдомила о тôмъ Львовскихъ жителей плякатами): „Скончался лучшій сынъ Матери-Руси, угасъ ея свѣточъ, умеръ глашатай истины. Не стало любимца народа, его наставника и учителя. Матеріализмъ былъ ему противенъ; характеръ чистый, якъ слеза, обширныи знанія, благородная скромность, поэтическая душа, сердце, преисполненное доброты и кротости, однимъ словомъ — человѣкъ идеальный.“ Съ початку никто не хотѣлъ вѣрити въ дѣйствительность тяжкого удара, постигшого особенно галицко-русскій народъ, и двери редакціи „Галицкой Руси“ не затворялись ôтъ посѣтителей, желавшихъ переконатись о правдивости извѣстія. Польскіи газеты, воевавшіи завзято съ Ив. Наумовичемъ, все-таки ôтдали ему належную дань уваженія. Та сама Gazeta Narodowa, которая, якъ мы выше видѣли, цѣлыи десятки лѣтъ преслѣдовала Ив. Наумовича, причислила его къ необыкновенно талантливымъ людямъ и такъ о немъ ôтозвалась: „Кто зналъ его близко, тому извѣстно, що его призваніемъ было пастырство не тôлько въ своемъ приходѣ, но середъ всего народа. Имѣлъ ôнъ къ тому всѣ благородныи свойства сердця и духа, знаніе и опытъ. Если кто и ôтнесеся съ порицаніемъ къ его общественной дѣятельности, то долженъ воздати ему особенныи похвалы яко пастырю, товарищу, сосѣду и принужденъ удивлятись его писательскимъ дарованіямъ, его умѣнью владѣти языкомъ русского простонародія. Матеріализма, погони за личными корыстями, никто ему не закине.“ Называючи его „знаменитымъ ораторомъ и народолюбцемъ,“ Gazeta Narodowa признала, що Наумовичъ „записанъ на страницахъ исторіи нашой земли,“ т. е. Галичины. Краковская газета Czas признала важныи заслуги Ив. Наумовича въ исторіи народно-политического, церковного и умственного движенія въ Галицкой Руси и воздала должную честь его писательскому таланту. Русскіи газеты въ Россіи, столичныи и провинціальныи, посвятили памяти покойного сочувственныи некрологи, а въ многихъ городахъ Россіи были совершены торжественныи панихиды по покойнôмъ. „Кіевское Слово“ выразило пожеланіе, щобы останки Ив. Наумовича были перенесены въ Кіевъ, на Аскольдову могилу.

Тѣло Ив. Наумовича дѣйствительно было перевезено въ Кіевъ. За тѣломъ ѣздили въ Новороссійскъ жена покойного и сынъ, д-ръ Н. И. Наумовичъ. Дня 11(23) сентября, значитъ черезъ 38 дней послѣ погребенія, розрыли могилу и выняли домовину. Коли зняли крышку домовины, всѣ присутствующіи, межи ними д-ръ Н. И. Наумовичъ и тамошній городскій лѣкарь, были поражены видомъ тѣла. Хотя оно лежало больше якъ мѣсяць въ могилѣ, оно еще не розложилось, но сильно почорнѣло. Потомъ, послѣ похороновъ въ Кіевѣ, д-ръ Н. И. Наумовичь заявилъ въ присутствіи многихъ лицъ, а также Галичанъ, прибывшихъ на похороны, и пишущого настоящую біографію, що смерть Ив. Наумовича наступила отъ рослинного яда. Кто поддалъ просвѣтителю Галицкой Руси отраву, то покрыто еще тайною. Д-ръ Н. И. Наумовичъ довѣдался только въ Новороссійску, що И. Наумовича видѣли съ якимъ-то молодымъ человѣкомъ, который ходилъ съ нимъ по городу и заходилъ къ нему въ гостинницю. Сей человѣкъ исчезъ безъ слѣда...

Якъ сказано выше, тлѣнныи останки Ив. Наумовича перевезены въ Кіевъ. Средства на перевезеніе великодушно пожертвовалъ въ Бозѣ почивающій императоръ Александръ III. Тѣло прибыло въ Кіевъ 5 (17) сентября 1891. Около 10 часа передъ полуднемъ, на желѣзно-дорожный дворецъ, собрались родственники покойного, совѣтъ и члены Славянского Благотворительного Общества въ Кіевѣ, много Кіевлянъ, сознающихъ высокое значеніе трудовъ Ив. Наумовича для русского народа, и прибывшіи на похороны Галичане, которыи привезли съ собою 11 вѣнковъ. Послѣ совершенія панихиды, погребальная процесія двинулась на Аскольдову могилу, т. е. кладбище, на которомъ хоронятъ знатныхъ и богатыхъ людей. Въ процесіи принималъ участіе настоятель греческого монастыря, Архимандритъ Мелетій, катедральный протоіерей П. Г. Лебединцевъ, многочисленное духовенство и славный хоръ пѣвчихъ Я. С. Калишевского. Въ продолженіе цѣлой дороги, около мили, съ воза, шедшого передъ погребального колесницею, кидали на землю зеленыи сосновыи

---

[1]) На похоронахъ были представители всѣхъ сословій Галицкой Руси, кромѣ духовного, а именно: изъ интелигенціи женщины, г-жи К. И. Алексовичъ и Е. О. Павенцкая; мужчины: адвокаты И. А. Добрянскій, Л. А. Павенцкій, Ю. А. Кмицикевичъ; директоръ „Народной Торговли," которой Ив. Наумовичъ былъ изряднымъ благодѣтелемъ, А. Н. Ничай; члены основанного Ив. Наумовичемъ Общества им. М. Качковского: С И Держко, В О. Курбасъ, С. А Дуда; журналисты: О А Марковъ, О. А. Мончаловскій — и 15 крестьянъ. Кромѣ названныхъ Галичанъ, прибылъ еще изъ Вильны бывшій редакторъ Львовского „Слова," В. М. Площанскій.

вѣтки. Изъ храмôвъ, мимо которыхъ проходила процесія, выходило духовенство съ иконами и, совершивши короткую панихиду, прилучалося до процесіи. Якъ высоко цѣнили Ив. Наумовича въ Россіи, видно изъ того, що выскопоставленныи покровители его: старшій прокуроръ св. синода, К. П. Побѣдоносцевъ, его товарищъ, В. К. Саблеръ[1]), и тогдашній предсѣдатель Славянского Благотворительного Общества въ Петербурзѣ, графъ Н. П. Игнатьевъ, проживавшій тогды въ селѣ Круподеринцяхъ, Бердычевского уѣзда, выразили желаніе, щобы имъ по телеграфу дали знати о времени погребенія Ив. Наумовича. Послѣ прихода процесіи на Аскольдову могилу, домовину съ тѣломъ своего просвѣтителя внесли Галичане на своихъ плечахъ въ кладбищенскую церковь, где еще разъ духовенство совершило панихиду.

Похороны состоялись слѣдующого дня, 18(30) сентября, съ великою торжественностью. Въ 9 ч. началась соборная литургія, при участіи многочисленного духовенства. На панихиду прибыли: преосвященный Ириней, Епископъ Чигиринскій, катедральный протоіерей П. Г. Лебединцевъ и Архимандритъ Мелетій. Печальное торжество почтилъ своимъ присутствіемъ тогдашній начальникъ края, генералъ-лейтенантъ графъ А. П. Игнатьевъ; затѣмъ присутствовали: генералъ-маіоръ В. Д. Новицкій, тогдашній предсѣдатель Славянского Благотворительного Общества въ Кіевѣ, А. Ѳ. Андріяшевъ, члены совѣта и Общества, представитель Славянского Благотворительного Общества въ Одессѣ, А. А. Кривцовъ, професоры университета и Духовной Академіи, офицеры, студенты, вообще много публики. Послѣ литургіи въ церкви сказано было о. Іоанномъ Мельниковскимъ, прекрасное слово, въ которомъ проповѣдникъ, межи иными, сказалъ: „Великую любовь и преданность заслужилъ ты у своего народа, великая ожидаетъ тебя награда въ будущей вѣчной жизни. Но не тому народу, которому была посвящена вся твоя многотрудная, многострадальная жизнь, не тому народу довелось хоронить своего пастыря и учителя... Пусть же вамъ, нашимъ единовѣрнымъ братьямъ-галичанамъ, въ вашей неутѣшной скорби послужитъ хоть малымъ утѣшеніемъ вѣсть

[1]) Владиміръ Карловичъ Саблеръ, сердечный пріятель нашого народа, называлъ Ив. Наумовича своимъ „другомъ" и не смотрячи на свое высокое положеніе, всегда гостилъ его у себе, коли Ив. Наумовичъ пріѣхалъ въ Петербургъ. Благодарячи В. К. Саблера, мы имѣемъ тотъ прекрасный портретъ Ив Наумовича, который помѣщенъ въ началѣ сей книжки. Коли Ив Наумовичъ былъ въ 1890 г. послѣдній разъ въ Петербурзѣ, В. К Саблеръ взялъ его съ собою къ фотографу и сказалъ; „Отецъ Іоаннъ! Станьте вы такъ, какъ вы обыкновенно ставали, читая русскому народу въ Галиціи свою „Науку!" Оттого и изображенъ Ив. Наумовичъ стоящимъ и съ книжкою въ руцѣ.

о томъ, что и мы умѣли цѣнить великаго галицкаго дѣятеля, что и мы возлюбили его кроткое (лагодное), не помнившее злобы сердце, что и мы видѣли въ лицѣ о. Іоанна человѣка, готоваго „положити душу свою за други своя," что и доказала его преждевременная кончина изъ-за народнаго благосостоянія (добробыта)! Въ эти немногіе годы, проведенные о. Іоанномъ въ градѣ нашемъ, мы видѣли въ немъ человѣка кроткаго, незлобиваго человѣка, совершенно чуждаго матерьялизма: все, что получалъ онъ, все и раздавалъ; всѣ неимущіе, бѣдные земляки, всегда находили у него пріютъ и матерьяльную поддержку. Божественное слово: „Блаженни милостивыи, яко тіи помилованы будутъ," чутко отзывалось въ его любящемъ сердцѣ. Словомъ — это была чистая, правдивая душа, сохранившая до послѣднихъ минутъ жизни живую, крѣпкую вѣру въ лучшее будущее своей родины и горячую, безпредѣльную любовь къ людямъ. И мы увѣрены, что воспоминаніе о немъ никогда не изгладится изъ памяти его соотечественниковъ, которые долгомъ своимъ будутъ поставлять, прійти въ нашъ священный градъ поклониться св. угодникамъ Кіевскимъ и по пути зайти на могилу своего пастыря и учителя и помолиться о его душѣ,[1]) да упокоитъ ее Господь со Святыми, да найдетъ онъ у Господа Бога вѣчное успокоеніе отъ тѣхъ скорбей и страданій, которыхъ было такъ много на его тернистомъ жизненномъ пути. Для насъ-же жизнь покойнаго о. Іоанна можетъ служить образцомъ неустанной энергіи и трудолюбія во имя безпредѣльной любви къ ближнему и къ своей родинѣ."

Послѣ выноса домовины изъ церкви Галичанами и по опущеніи еи въ могилу и коли пропѣли „вѣчную память," произнесли на кладбищѣ рѣчи: А. С. Андріяшевъ ôтъ имени Славянского Благотворительного Общества, О. А. Мончаловскій ôтъ имени Галичанъ, И. А. Баженовъ ôтъ имени редакціи „Кіевского Слова," В. М. Площанскій, яко другъ покойного, и галицкій крестьянинъ Григорій Муринъ, ôтъ имени галицкихъ крестьянъ[2]).

Кромѣ вѣнкôвъ, привезенныхъ Галичанами, одинъ изъ которыхъ былъ терновый, на могилу Ив. Наумовича были возложены вѣнки ôтъ Славянского Благотворительного Общества въ Кіевѣ, ôтъ Галичанъ, живущихъ въ Кіевѣ, ôтъ Кіевскихъ Чехôвъ, ôтъ редакціи „Варшавского Дневника" и жур-

[1]) Сей завѣтъ исполняеся Галичанами, посѣщающими Кіевъ. Такъ въ 1896 г. общество Галичанъ изъ близко 30 лицъ ѣхавшое на всерусскую выставку въ Нижній Новгородъ черезъ Кіевъ, замовило панихиду на могилѣ Ив. Наумовича.

[2]) Тѣ рѣчи напечатаны въ н-рѣ 1340 „Кіевскаго Слова" и „Кіевлянина" за 1891 г. Рѣчь О. А Мончаловского, напечатанную въ „Галицкой Руси," львовская прокураторія конфисковала

нала „Професcіональная школа.“ Кіевскіи, Московскіи, Петербургскіи, Варшавскіи и Одесскіи газеты посвятили теплыи отзывы памяти И. Наумовича, а „Московскія Вѣдомости“ и „Новое Время“ напечатали прощальную рѣчь О. А. Мончаловского, вѣрно характеризующую свѣтлую личность покойного.

И смерть Ив. Наумовича не успокоила его противникôвъ. Польскіи газеты въ Галичинѣ, особенно-же Gazeta Narodowa и Dziennik Polski, пустили умышленно ложную вѣсть (Dziennik Polski ôтъ 7(19) августа 1891), будьто Ив. Наумовичъ самъ отравился, щобы такимъ способомъ опозорити память покойного. Послѣ похоронôвъ Ив. Наумовича донесли якіи-то клеветники Митрополиту Сильвестру Сембратовичу, що нѣкоторыи галицкіи священники выслали вѣнки на его могилу въ Кіевъ. Митрополитъ самъ вêлъ слѣдство по тому поводу и призывалъ до себе тѣхъ священникôвъ, на которыхъ ему донесли. Дѣло кончилось ничѣмъ, ибо дѣйствительно ôтъ галицкихъ священникôвъ не было вѣнкôвъ, но оно кидае свѣтло на ôтношенье къ Ив. Наумовичу Митрополита Сильвестра Сембратовича.

Еще при жизни Ив. Наумовичъ желалъ почити на историчной Аскольдовой могилѣ, вблизи славной Кіево-Печерской Лавры. Желаніе его исполнилось, а то по милости его высокихъ покровителей. Но милость ихъ не уменьшилась и потôмъ и проявилась въ поставленіи величавого памятника на могилѣ незабвенного просвѣтителя Галицкой Руси.

На памятникъ Ив. Наумовичу собирались жертвы въ Галичинѣ. Но покровители и пріятели его въ державной Руси, въ особенности же гр. Н. П. Игнатьевъ и В. К. Саблеръ, не ждали, поки соберес я потребная сума въ Галичинѣ, но постановили сами поставити памятникъ. На собраніи Славянского Благотворительного Общества въ Петербурзѣ, 14 (26) февраля 1894 г., члены сего Общества зложили 300 рублей, императоръ Александръ III. соизволилъ выдати изъ державной кассы, вслѣдствіе доклада министра финансôвъ, И. В. Витте, 900 рублей, а суму 200 рублей собрало Славянское Общество въ Кіевѣ. На ту суму былъ заказанъ памятникъ. Проектъ памятника составленъ членомъ академіи В. Н. Николаевымъ, а исполненъ въ Кіевѣ въ мастерской Городкова. Памятникъ представляе четырегранный обелискъ изъ темного лабрадора, дуже твердого и красивого гранита. На верху памятника русскій крестъ, а вокругъ желѣзная рѣшетка (штахеты). Въ верхней части обелиска помѣщена зъ одной стороны икона св. Іоанна Крестителя, зъ другой портретъ Ив. Наумовича. На лицевой сторонѣ памятника вырѣзано русскими буквами: „....печальнику Галицкой Руси, о. Іоанну Григорьевичу Наумовичу.“ На проти-

воположной сторонѣ славянскими буквами: „Вѣмъ твои дѣла, и любовь, и службу, и терпѣніе твое, и дѣла твои и послѣдняя большая первыхъ. Апок. 2, 19.“ На правой сторонѣ памятника славянскими буквами: „Чадца мои, не любимъ словомъ, ниже языкомъ, но дѣломъ и истиною. Іоан. 1, 3, 18.“ На лѣвой сторонѣ: „Блажени изгнани правды ради, яко тѣхъ есть царство небесное. Матѳ. 5, 10.“ На середнемъ поясѣ памятника завѣтныи слова Ив. Наумовича, данныи нимъ Обществу им. М. Качковского въ девизъ: „Молись, учись, трудись, трезвись.“ На нижнемъ поясѣ: „Родился 1826 года, 14 января, въ городѣ Козловѣ, въ Галиціи. Умеръ 4 августа 1891 года въ Новороссійскѣ и погребенъ въ Кіевѣ 18 сентября того-же года. Да будетъ ему вѣчная память!“

Торжественное освященіе памятника ôтбылося 16(28) сентября 1894 г. Въ 10 ч. рано, въ церкви на Аскольдовой могилѣ началася литургія, которую совершилъ Преосвященный Іоанникій, Епископъ Уманскій, въ сослуженіи многочисленного духовенства. Середъ многихъ молящихся присутствовали: Тогдашній предсѣдатель Славянского Благотворительного Общества въ Петербурзѣ, генералъ-адъютантъ гр. Н. П. Игнатьевъ съ супругою, тогдашній предсѣдатель Славянского Благотворительного Общества въ Кіевѣ, тайный совѣтникъ Рахманиновъ, члены Общества, професоры университета, учители, высшіи офицеры, всѣ живущіи въ Кіевѣ Галичане и много иной публики. Изъ семьи покойного прибылъ тôлько сынъ его, д-ръ Н. И. Наумовичъ, изъ Галичины-же пріѣхали: О. А. Марковъ съ супругою, д-ръ И. А. Добрянскій, д-ръ Л. И. Гумецкій и О. А. Мончаловскій. Кромѣ того изъ розличныхъ сторонъ Россіи прибыли живущіи тамъ Галичане: священники, міряне и крестьяне. По окончаніи литургіи, произнесъ въ церкви трогательное слово о. І. Мельниковскій, затѣмъ Преосв. Іоанникій ôтслужилъ передъ памятникомъ панихиду и освятилъ его. Послѣ ôтспѣванья „вѣчной памяти“ произнесены были рѣчи.[1]) Первую сказалъ редакторъ „Кіевского Слова“ И. А. Баженовъ, вторую, ôтъ имени Галичанъ, О. А. Мончаловскій, а третье, короткое слово на галицко-русскомъ нарѣчіи, крестьянинъ Гр. Муринъ.

Въ день ôткрытія памятника ôнъ былъ украшенъ вѣнками: два были привезены изъ Галичины; на однôмъ изъ нихъ была надпись: „Галицкая Русь своему просвѣтителю“

---

[1]) Рѣчи тѣ напечатаны въ н-рѣ 2399 „Кіевского Слова,“ а ôтъуда перепечатаны „Новымъ Временемъ,“ „Варшавскимъ Дневникомъ“ и др. газетами.

Памятникъ И. Наумовичу на Аскольдовой могилѣ въ Кіевѣ.

на другомъ: „Редакція „Русской Рады“ своему основателю.“ Третій вѣнокъ возложило Славянское Благотворительное Общество въ Кіевѣ, а четвертый, серебряный, прислали почитатели Ив. Наумовича изъ Варшавы. Серебряный вѣнокъ имѣе слѣдующую надпись: „Протоіерею Іоанну Наумовичу, великому галицко-русскому патріоту и дѣятелю въ защитѣ . . . . русской народности благодарное и посильное приношеніе отъ друзей и почитателей. 16 сентября 1894 г. Варшава.“ Сей вѣнокъ хранится въ Кіевской Александро-Невской церкви, настоятелемъ которой состоитъ о. І. Мельниковскій.

Ив. Наумовичъ оставилъ жену, Ѳеодору Васильевну, четыре дочери, Марію, Евгенію, Ѳеонію и Юлію, и сына Николая, доктора. Другій сынъ Владиміръ умеръ въ 1884 г. Жена Наумовича и сынъ Николай умерли въ 1894 г., первая въ Варшавѣ, вторый въ Дарьевцѣ, Кіевской губерніи, где ôнъ былъ желѣзнодорожнымъ врачемъ. Всѣ четыре дочери повыходили въ Россіи замужъ за галичанъ, но Марія, замужная Покривницкая, умерла въ 1895 г.

Иванъ Наумовичъ яко народный писатель.

Почетное имя: „Просвѣтитель Галицкой Руси,“ данное И. Наумовичу еще при его жизни галицко-русскими крестьянами, не пустый титулъ. И. Наумовичъ стоитъ выше всѣхъ народныхъ дѣятелей, якихъ коли либо выдала Галицкая Русь. Ôнъ сотворилъ у насъ цѣлую научную для народа литературу. Своими неподражаемыми статьями, написанными незрôвнаннымъ, тôлько ему одному свойственнымъ языкомъ и слогомъ, напечатанными во всякого рода галицко-русскихъ газетахъ, журналахъ и книжкахъ, ôнъ научалъ крестьянъ любити свою церковь и народность, научалъ ихъ исторіи Руси, быти трезвыми и трудолюбивыми, заниматись умѣло господарствомъ; ôнъ лѣчилъ людей и скотъ, — однимъ словомъ, его могучій духъ проникалъ все житье народа. Начавши изъ 1850 года, въ Галичинѣ не было русского періодичного изданія, которого бы Ив. Наумовичъ не былъ усерднымъ и безкорыстнымъ сотрудникомъ, не было ни одной стороны жизни русского населенія Галичины, которой бы ôнъ не освѣтилъ своими розумными статьями. Его писательская дѣятельность увеличивалась съ лѣтами его жизни. Съ каждымъ годомъ ôнъ писалъ бôльше, якъ бы спѣшился, щобы при жизни якъ найбôльше написати. Ôнъ не чувствовалъ утомленья ôтъ труда, не чувствовалъ на плечахъ 65 лѣтъ, но держался бодрымъ, здоровымъ

тѣломъ и душею, полнымъ свѣтлыхъ надѣй для Галицкой Руси, хотя волосы на головѣ и обрамлявшая его благородное и красивое лице борода были бѣлы, якъ снѣгъ. Еслибы собрати все, що Ив. Наумовичъ написалъ и напечаталъ въ своей жизни, то набралось бы найменьше сто толстыхъ томôвъ. Вѣдь одной „Науки" выйшло по 1891 г. 19 томôвъ. И. Наумовичъ умѣлъ и говорити и писати подвôйною рѣчью — для крестьянъ и для интелигенціи.

Черезвычайно важный ôтдѣлъ въ „Науцѣ" представляе „Св. Писаніе" и его толкованіе. Ив. Наумовичъ хорошо зналъ русскій народъ. Знати же народъ, значитъ, порозумѣти его настоящіи, глубокіи стремленья, ôтгадати головную народную струю, изучити душу народа... Изучивши народъ, Ив. Наумовичъ увидѣлъ, що ôнъ найбôльше дорожитъ вѣрою и русскимъ обрядомъ. Для того-то Ив. Наумовичъ постановилъ давати ему для читанья и поясняти священное писаніе, щобы такимъ способомъ помочи ему розвиватися такимъ, якимъ народъ опредѣлилъ самъ себе и якимъ ôнъ самъ хоче быти. Народъ глядалъ свящ. писанія и духовного просвѣщенія и Ив. Наумовичъ далъ ему въ „Науцѣ" возможность найти и то и другое. Для того-то „Науку" крестьяне такъ любили читати, для того-то Ив. Наумовичъ такъ покорилъ ихъ сердця, ибо онъ училъ ихъ жити „по церковному," далъ имъ живую грамоту вѣры.

Якъ И. Наумовичъ любилъ народъ и якъ высоко цѣнилъ его значеніе, доказуе слѣдующое обстоятельство: Стараючись просвѣщати простонародіе въ церковнôмъ дусѣ, И. Наумовичъ звернулъ одновременно свое вниманіе на то, що галицко- и буковинско-русская интелигенція занадто ôтдаляеся ôтъ простонародія и вслѣдствіе того тратитъ съ нимъ связь и довѣріе съ его стороны. Предвидячи плохіи послѣдствія ôтъ такого розъединенія русской интелигенціи съ русскимъ простонародіемъ, И. Наумовичъ выступилъ въ „Словѣ" (н-ра 58, 54, 57, 66, 79, 114 и 130 за 1881 г.) съ рядомъ знаменательныхъ статей пôдъ заглавіемъ „Назадъ къ народу!" Въ тѣхъ статьяхъ И. Наумовичъ призывалъ русскую интелигенцію, духовную и мірскую, „вернутись къ народу," ибо „народъ теряе вѣру въ насъ, для того, що мы потеряли вѣру въ народъ, въ его живучесть и въ несокрушимую силу нашой народности." Нынѣшнее время, — писалъ И. Наумовичъ, — не время утвержденія привилегій въ государствѣ благородныхъ надъ простыми и обновленія сплѣснѣлыхъ пергаментôвъ, ôтъ силы которыхъ духовно и тѣлесно вѣками мучились народы-плебеи; нынѣ время народôвъ, миліонôвъ, массъ, призванныхъ уже также къ совѣту и дѣлу. До сихъ поръ мы просвѣщали народъ par distance

(на ôтдаленность). Мы где-що сдѣлали для народа, но не разомъ съ нимъ самымъ. Мы стояли надъ нимъ, но не съ нимъ, для того все, що мы до сихъ поръ сдѣлали, не было народнымъ въ истиннôмъ смыслѣ сего слова. Повернути къ народу значитъ: покинути разъ на всегда намъ сынамъ и учителямъ восточной, истинно народной церкви, проникнутой на-сквозь любовью, всѣ антихристіанскіи заблужденія ôтъ истинной Христовой науки, занесенныи къ намъ чужиною, ту гордость, которая, якъ та чума, ôтдалила насъ ôтъ народа, якъ будьто бы мы не были костью ôтъ его костей, плотью ôтъ его плоти, которая, по поводу защепленной намъ польской шляхетчины, не дозволяе намъ вести братства и искренней дружбы съ человѣкомъ, зовимымъ „темнымъ" и „простымъ," но иногда бôльше свѣтлымъ и благороднымъ, чѣмъ высокоблагородныи дармоѣды, — то лицемѣріе, которое сталось уже якъ бы неотъемлемымъ свойствомъ духовного званія, — тотъ матерьялизмъ и самый тôлько матерьялизмъ безъ умѣренія, которымъ недужны многіи наши братья... Повернути къ народу, значитъ: повернути къ Христу, ôтъ которого мы, ôтдалившись ôтъ народа, тоже ôтдалились, — значитъ: повернути къ нашему званію, значитъ: стати пастырями, бôльше отцами, чѣмъ приходниками, — просвѣтителями, а не отемнителями народа...

И къ мірской интелигенціи звернулся И. Наумовичъ съ призывомъ „Назадъ къ народу!" На школьныхъ лавкахъ, — писалъ ôнъ, — и въ академическихъ Обществахъ иногда еще пробиваеся у лучшихъ изъ нашихъ юношей русскій духъ; на нѣкоторыхъ смотрятъ наши люди съ надеждою, но скоро такій молодикъ вступилъ въ должность, ôнъ смотритъ уже на Русь, якъ на суету человѣческую, а думки его стремятъ уже куда-инодѣ; ему показуеся жизнь въ практицѣ другою, якъ была въ теоріи, и ôнъ скоренько уже научился „плысти съ водою." И плыве... Уже его не узришь въ церкви, но съ женою полькою, а даже иногда съ русскою ôнъ иде уже въ костелъ, ибо туда ходитъ и староцина и „сендзина" и всякіи другіи „иныи," а дома уже языкъ польскій и газеты да книжки польскіи; и на фортепьянѣ играются патріотичныи польскіи пѣсни и жертвы даются на патріотичныи польскіи цѣли — о русскихъ же не упоминаеся... И всегда слышно похвалу, що то человѣкъ „умѣркованный," умный и „политикъ..." Жаль того хлѣба, которымъ ôнъ питался, н. пр. въ русской бурсѣ; жаль тѣхъ стипендій, тѣхъ пособій, которыи давали ему русскіи институціи; они воспитали, если не открытого ворога — ибо и такихъ не мало — то слабодуха, который еще иногда, встрѣтившись съ якимъ своимъ патріотич-

нымъ другомъ юности, скаже ему въ ухо, що ôнъ **сердцемъ** русскій человѣкъ, но обстоятельства сложились такъ, що ему невозможно явно выступати. Такъ, вмѣсто многихъ тысячъ нашихъ интелигентныхъ людей, призванныхъ къ дѣлу въ пользу родного имъ народа, мы начислимъ лишь нѣсколько десяткôвъ его вѣрныхъ сынôвъ, а межи тѣмъ едва нѣскôльконадцять единиць, неусыпно трудящихся для народа. Ôтъ духовенства же и мірской высшой интелигенціи иде зараза низше... Такъ думаю я, старый, хотя въ будучности Руси я николи не сомнѣвался и не сомнѣваюся. Вѣрую еще по старому въ Провидѣніе и въ его Правосудіе, а написавши тѣхъ нѣсколько гôрькихъ слôвъ нашей мірской интелигенціи, тѣмъ самымъ призываю всѣхъ изъ ней, въ которыхъ груди бьеся еще русское сердце, щобы **вернулись назадъ къ народу явно и безбоязненно** и показали плоды своихъ для народа дѣлъ. Намъ нужно завязывати **на провинціи политичныи Общества**. Дай Богъ, щобы намъ удалось много ихъ завязати и втягнути въ нихъ бôльше мірской интелигенціи, чѣмъ я въ своемъ песимизмѣ надѣюсь. Такіи провинціяльныи политичныи Общества, если бы намъ удалось ихъ позаводити, были бы тоже хорошимъ средствомъ: всей нашей духовной и мірской интелигенціи **къ народу сближитись и къ нему вернутись**.

Не при народѣ ли мы? Чѣмъ и гдѣ мы, интелигенція, ôтступили ôтъ народа? — спрашивае дальше И. Наумовичъ и отвѣчае: Всѣмъ и всюда, на що лишь поглянемъ. Народъ называе себе „христіаниномъ“ (христьянинъ). Ôнъ гордится тѣмъ именемъ и вмѣсто: „я вижу, знаю,“ говоритъ: „христіанинъ видитъ, христіанинъ знае.“ У него всюда знамя христіанское: крестъ святый. Зайдите въ якій-либо городокъ и пойдите по улицамъ и хатамъ, а вамъ не треба буде справовати: где живе русскій человѣкъ, а где полякъ? Посмотрите тôлько на дверь: есть на ней крестъ, — тамъ живе русскій человѣкъ. Русь и христіанская вѣра такъ сжились съ собою, що „крестъ“ и у глухонѣмыхъ означае русского человѣка. Изба нашого русского человѣка имѣе свой въ минітурѣ „**иконостасъ**,“ у Великоруссовъ „святый уголъ.“ Не смотря на всякую антинародную и антихристіанскую пропаганду и даже соблазнъ со стороны нѣкоторыхъ изъ нашихъ, народъ нашъ до самыхъ мелкихъ подробностей держится своего обряда и своихъ религійныхъ убѣжденій. Посмотрите, якъ нашъ человѣкъ входитъ въ церковь, якъ ôнъ, поцѣловавши образъ на тетраподѣ, кланяеся святымъ иконамъ, а послѣ того людямъ на одну и другую стороны и стае, обыкновенно, на своемъ мѣстѣ, и грѣхомъ считае въ церкви сѣдати, — а ôтъ всего

того эманциповалась уже ôтчасти наша духовная и вся мірская интелигенція и тѣмъ ôтступила ôтъ народа.

Христосъ и Русь нерозлучимы. Въ Руси живе еще духъ Христовъ и она, смиренная, со своею любовью христіанскою, готовою на всякіи жертвы, должна обновити міръ, гніющій въ европейскôмъ матерьялизмѣ, въ фарисействѣ, во властелюбіи и въ западнической гордости. Намъ теперь, бôльше чѣмъ когда-либо, необходимо стояти на стражѣ нашихъ святостей а всѣ нападенія на вѣру и церковь считати дѣломъ не тôлько преступнымъ, но и противонароднымъ. Пôдъ „сближеніемъ къ народу" я николи не розумѣлъ, щобы чествовати темноту и народныхъ подлецовъ, щобы „святая псомъ и бисеры свиніямъ метати," но для мене невыносима гордость и пониженіе честныхъ и уваженія достойныхъ крестьянъ, якихъ есть много майже въ каждôмъ приходѣ, ибо такая гордость становится народнымъ преступленіемъ.... Въ крови, въ костяхъ и въ мозгахъ нашихъ сидитъ польскій шляхетка-іезуитъ, у которого человѣкъ начинаеся ôтъ пана и monsignor-а, а все остальное „хамы". Вѣдь іезуиты составляли herbarze polskie, где такая стѣна межи „хлопомъ" и шляхтичемъ, а мы уже воспитаны въ такôмъ языческôмъ, нехристіанскôмъ воздусѣ; якъ же намъ сѣсти въ сурдутѣ при опанчѣ? Мы дѣлаемъ то лишь въ хатѣ селянина, где по обряду мы должны съ нимъ ѣсти, но, конечно, не въ присутствіи якого польского шляхтича...

„Назадъ къ народу!" значитъ: назадъ ко Христу. Первыи апостолы были бѣднѣйшіи, чѣмъ хлопы, но Спаситель не соромился съ ними ѣсти, и сыну рыбаря Заведея положитись на груди своей... А мы? Мы — западники, кругомъ западники! Мы, принявши унію, ôткинули, якъ бы що-то скверное, цѣлованіе на Свѣтлое Воскресенье, ибо въ цивилизованнôмъ Западѣ того нѣтъ и даже немыслимо цѣловатись шляхтичу и интелигенціи съ „хамомъ." Ôтъ того-то Запада мы научились держати ни за щô христіанскую громаду, отрицатись отца и матери, если они крестьяне, и всякого „варварства." Говорите, що вамъ угодно, а мы таки не при народѣ! Намъ нужно вернутись къ народу и къ Христу, намъ нужно дѣломъ возлюбити народъ и почитати его, а тогды и ôнъ почтитъ насъ, свою интелигенцію, и буде всегда одно сердце, одинъ духъ — Русь!

Тѣ статьи вызвали горячую полемику въ „Словѣ." Именно интелигенція обидѣлась на И. Наумовича за порицаніе еи ôтсталости ôтъ народа, а одинъ изъ нея написалъ, що „курка важнѣйша чѣмъ яйце" а курка—интелигенція, яйце-же народъ. Не курка за курятами, но курята должны ити за куркою. Не интелигенція за народомъ, но народъ долженъ

ити за интелигенціею. На то И. Наумовичъ возразилъ: Въ практицѣ не всегда такъ бывае. И счастье, що не всегда такъ бывае, ибо, если бы такъ всегда было, щобы всегда народъ ишолъ за ителигенціею, мы, Червоная Русь, уже давно перестали бы, яко народъ, существовати. Мы, старшіи пимятаемъ, що до самого 1848 года майже вся наша интелигенція была до крайности ополячена, ôтъ митрополичого престола, до того мужика, который научившися въ школѣ польской грамотѣ, считалъ себе Полякомъ и считалъ себе въ правѣ ругати все русское. Но помимо того таки 1848 годъ засталъ у насъ еще живую Русь, ибо русскимъ былъ народъ. Що касаеся нашой интелигенціи, то направленіе ея неразъ было противонародное. Коли нашъ народъ остался, якъ былъ ôтъ вѣкôвъ, консерватистомъ, остался русскимъ, — наша интелигенція переходила розличныи фазы антинародного розвитія. За Польщи полячилась и уподобляла свое богослуженіе латинскому; за Австріи была уже польскою и еще нѣмечилась, а въ Буковинѣ являеся еще до сихъ поръ нѣмецкою. Такимъ способомъ не можно сровнивати интелигенціи съ куркою, а куркою треба признати самый народъ, тотъ никогда неоскудѣвающій источникъ народной жизни. Не интелигенція творитъ народъ, но народъ вытворяе интелигенцію и иде не за нею, но разомъ съ нею, если у него нѣтъ основательной причины ити противъ ней.

Первый трудъ Ив. Наумовича: „Стихъ въ честь Митрополита Михаила Левицкаго," былъ напечатанъ въ 1848 г. Зъ той поры ôнъ печаталъ свои стихотворенія въ слѣдующихъ галицко-русскихъ изданіяхъ: Въ „Пчелѣ" (1849); въ „Зорѣ Галицкой" (1850—1854); въ „Вѣстнику" (1852); въ „Перемышлянинѣ" (1852); въ сборнику „Весна" (1852); въ „Отечественнôмъ Сборнику (1858, 1859); въ „Сіонѣ, Церкви, Школѣ" (1858); въ „Зорѣ Галицкой яко Альбумѣ" (1860). Кромѣ того ôнъ напечаталъ: „Грицъ Мазниця, або мужъ заманенный," комедія по Мольеру (1849); „Нôчный сопутникъ," розсказъ („Отечественный Сборникъ" 1853); „Якъ то легко можь до маетку прійти" („Зоря Галицкая" 1849); „Слово при богослуженіи за упокой души бл. п. Якова Геровского" („Зоря Галицкая" 1850); „Повѣсти для учащойся молодежи" (1858); „Ластôвка для русскихъ дѣтей" (1860); „Голосъ по поводу рецензіи „Зори Галицкой-Альбума" (1860); „Стихъ въ честь Митрополита гр. Яхимовича" (1860); нѣсколько статей о пчеловодствѣ — по русски въ „Отечественнôмъ Сборнику" (1857 и 1859), по польски въ журналахъ Przyjaciel Domowy (1857) и Tygodnik rolniczo-przemysłowy Krakowski (1860) и Dochody p. Lubienieckiego z dzierżonów, jako obrona przeciw napaści na moją osobę (1860).

Во время „обрядовщины," коли польская печать пôдняла шумъ по поводу мнимой „шизмы," Ив. Наумовичъ, щобы успокоити умы, напечаталъ въ газетѣ Dziennik Polski двѣ статьи: Odpowiedź na artykuł: Przeciw reakcyi w obrzędach grecko-unickich w Galicyi (1861) и Unia i reakcya w obrzędach (1862).

О славной статьи И. Наумовича, напечатанной въ „Словѣ" (1866) п. з. „Поглядъ въ будущность," мы уже говорили и навели ю высше. Въ 1871 г. Ив. Наумовичъ основалъ „Науку" и „Русскую Раду." Майже всѣ статьи въ „Науцѣ" до 1891 г. принадлежатъ перу И. Наумовича, рôвно же якъ и въ приложенiи къ ней, выходившôмъ п. з. „Слово Боже" (1879—1883). Основавши въ 1874 г. Общество им. М. Качковского, ôнъ написалъ для его изданiй слѣдующiи книжечки: 1) „Съ Богомъ" (1875); 2) „Горитъ" (1876); 3) „Максимъ-богачъ, або Божiи суды" (1876); 4) „Крѣпкая воля и неутомимый трудъ" (1878); 5) „Сади деревину" (1878); 6) „Розумомъ и соединенными силами" (1879); 7) „Онуфрiй Грушкевичъ" (1881—1882); 8) „Добрая Настя," повѣсть (1884); 9) „Громадскiй кумъ и Ивась Гринькôвъ," повѣсть (1884); 10) „Житье Iоан. Снѣгурского" (1884); 11) „Поученiя о земледѣльствѣ" (1886).

Отдѣльными брошурами появились съ 1861 г.) слѣдующiи сочиненiя Ив. Наумовича: 1) Пѣснь въ день тезоименитства Григорiя Яхимовича, митрополита (1861); 2) Повѣсти и пѣсни для дѣтей (1864); 3) Сосѣдамъ (1861); 4) Измѣнникамъ Руси (1861); 5) Знѣмченный Юрко, комедiя (1872, 1875, 1884); 6) Золотая книжечка для дѣтей (1874); 7) Святая Недѣлечка (1876); 9) Якъ чарôвниця Смычиха ôтбирала коровамъ молоко (1877); 10) Голодныи роки (1878); 11) Посланникъ сладчайшого Iисуса (1880); 12) Посланникъ св. Владимiра (конфискованъ, 1880); 13) Камень вѣры (1881); 14) Научный мѣсяцесловъ (1881).

Кромѣ того ôнъ выдалъ въ шести выпускахъ п. з. „Читальня" слѣдующiи сочиненiя: 1) Луцъ Заливайко, повѣсть (1872, 1875); 2) Мѣсяцесловъ (1873); 3) Книжечка о всякихъ розумныхъ и пожиточныхъ рѣчахъ (1874); 4) „Народный русскiй и историческiй катихизмъ (конфискованъ, 1875); 5) Крêслатыи тополи (1875); 6) Катихизмъ пчеловодства (1876).

Стараючись помочи каждой истинно русской и полезной для народа газетѣ, Ив. Наумовичъ за время ôтъ 1848 до 1891 года былъ сотрудникомъ 22 галицко-русскихъ газетъ и журналôвъ, которыи представляютъ 75 рочникôвъ, не вчисляючи въ нихъ „Науки" и „Русской Рады." Вотъ тѣ газеты и журналы: 1) „Зоря Галицкая" (1849—1851, 1853, 1854); 2) „Пчела" (1849); 3) „Вѣстникъ" (1852, 1853, 1857); 4) „Отечественный Сборникъ" (1853, 1857—1859); 5) „Сiонъ,

„Церковь, Школа“ (1858); 6) „Слово“ (1861—1887); 7) „Дôмъ и Школа“ (1863); 8) „Недѣля“ (1865, 1866); 9) „Ластôвка“ (1869—1872, 1875—1882), 10) „Учитель“ (1869—1874); „Другъ“ (1875); 12) „Народная Школа“ (1875); 13) „Господарь и промышленникъ“ (1880—1882): 14) „Страхопудъ“ (1880, 1886); 15) „Вѣче“ (1881); 16) „Проломъ“ (1881); 17) „Родимый Листокъ“ (1881); 18) „Новое Вѣче“ (1883); 19) „Новость“ (1883); 20) „Новый Проломъ“ (1883—1887); 21) „Червоная Русь“ (1888—1890); 22) „Галицкая Русь“ (1891). Послѣдними трудами И. Наумовича въ австро-русскихъ изданіяхъ были его прекрасныи кореспонденціи изъ Кавказа, напечатанныи въ „Галицкой Руси“ (послѣдняя кореспонденція напечатана въ 98 н-рѣ той-же газеты отъ 3 (15) августа 1891) и въ „Науцѣ“ за 1891 г. (стр. 237, 378).

Еще будучи въ Галичинѣ, Ив. Наумовичъ писалъ въ газеты и журналы, издаваемыи въ Россіи. И такъ въ журналѣ „Вѣстникъ юго-западной и западной Россіи“ ôнъ напечаталъ свои стихотворенія „Измѣнникамъ Руси“ (I. томъ, 1861) и „Сосѣдямъ“ (II. томъ, 1861); послѣ ôнъ напечаталъ въ журналѣ „Славянскій Сборникъ“ статью п. з. „О Галицкой Руси“ (томъ I. 1876). Еще раньше, ибо въ 1850 г., была представлена въ Кіевскôмъ театрѣ по малорусски комедія Ив. Наумовича (по Мольеру) п. з. „Гриць Мазниця.“ Пôзднѣйше печаталъ ôнъ свои статьи также въ слѣдующихъ газетахъ и журналахъ: „Церковный Вѣстникъ,“ „Извѣстія Славянскаго Общества“ (Петербургъ) и „Кіевское Слово“ (Кіевъ).

Будучи еще въ Галичинѣ, Ив. Наумовичъ напечаталъ въ Россіи „Апеляцію въ папѣ Льву XIII“ (1883); въ славной „Руси“ И. С. Аксакова (Москва 1884) напечатанъ его розсказъ въ переводѣ А. Д. Давидовича п. з. „Онуфрій Чарôвникъ;“ въ духовнôмъ журналѣ, „Странникъ“ (Петербургъ, 1884) напечатанъ розсказъ И. Наумовича „Псалтирникъ“ (ôнъ выйшолъ ôтдѣльно въ 1888 г.). Послѣ переселенія Ив. Наумовича въ Россію, появились въ печати слѣдующіи его труды: 1) Братское слово православному христіанину о святости нашего обряда (Петербургъ, 1885); 2) Изъ воспоминаній („Современныя Извѣстія“, Москва, 1886); 3) Четыре путеводителя доброй жизни (Москва, 1885, 1888); 4) Ксенька Ковалиха, розсказъ („Странникъ,“ Петербургъ 1887); 5) Розсказы („Церковно-приходская школа,“ Кіевъ, 1887) а именно: а) Увядшій цвѣтокъ; б) Молодые годы; в) Недобрые товарищи; г) Сирота; 6) Бесѣды Степана Сторазумова о сельскомъ хозяйствѣ (Кіевъ, 1888); 7) Завѣтные тополи (Кіевъ, 1888); 8) Какъ въ простотѣ люди живутъ („Странникъ“, 1888); 9) Какъ устроились общества трезвости (Москва, 1888); 10) Отецъ (Кіевъ, 1888); 11) Романъ Кузьмина („Странникъ“, 1888);

11) Пятидесятилѣтіе возсоединенія съ православною церковью западно-русскихъ уніятовъ (Петербургъ, 1889).[1]) Нѣкоторыи изъ тѣхъ трудôвъ мали по кôлька изданій, н. пр. книжечка „Четыре путеводителя доброй жизни“ была въ Москвѣ четыре разы издана, а каждый разъ въ 20.000 экземплярôвъ; „Псалтирникъ, повѣсть изъ галицко-русской жизни,“ имѣла три изданія, каждое по 20.000 экземплярôвъ. Въ 1890 г. выйшла у Тузова въ Петербурзѣ книжечка Ив. Наумовича, „Христіанскія Добродѣтели;“ „Православный народный календарь“ на 1890 г., составленный Ив. Наумовичемъ и изданный св. синодомъ, выйшолъ въ 50.000 экземплярôвъ; такій-же „Календарь“ на 1891 г. напечатанъ въ 48.000 экземплярахъ. 1891 г. появилось въ Петербурзѣ сочиненіе Ив. Наумовича „Книга для чтенія о сельскомъ хозяйствѣ,“ напечатанная третьимъ изданіемъ въ 50.000 экземплярахъ. Въ 1891 г. Ив. Наумовичъ занимался составленіемъ „Календаря на 1892 г.“

Уже по смерти Ив. Наумовича вышли въ Россіи: повѣсть „Сироты“ (Москва 1896) и два выпуски п. з. „Для народнаго чтенія. Сборникъ изъ сочиненій покойнаго протоіерея Іоанна Наумовича.“ Выпуски тѣ составляютъ ôтпечатку изъ журнала „Церковно-приходская школа,“ роспространенного по всей Россіи, значитъ, сочиненія Ив. Наумовича, написанныи для галицко-русского народа, читаются въ цѣлой безграничной Россіи, якъ они читались и читаются въ малой Галичинѣ. По случаю появленія второго выпуска упомянутого изданія (Кіевъ, 1898), выходящій въ Петербурзѣ официальный журналъ св. Синода, „Церковныя Вѣдомости“ (въ н-рѣ 42, 1898), такъ оцѣнилъ сочиненія Ив. Наумовича:

„Покойный о. протоіерей всю жизнь свою трудился для народа. Рѣдкій такъ умѣетъ говорить съ нимъ. Рѣчь живая, задушевная, простая, образная, часто принимающая форму разговора со всѣми его оттѣнками, народными присловьями, обычными въ разговорѣ возгласами и обращеніями, выраженіями недоумѣнія, просьбами разъяснить непонятное, выраженіями согласія въ истинѣ сказанного. Рѣдко кто зналъ нужды народа такъ, какъ онъ зналъ ихъ. Онъ зналъ и добрыя и худыя его стороны, искренно радовался всему доброму, и глубоко, до горькихъ слезъ, скорбѣлъ объ его слабостяхъ и увлеченіяхъ. Всѣмъ сердцемъ онъ соучаствовалъ скорбямъ народа и всѣми силами старался поднять духъ народа и оживить его надеждою лучшей жизни. Статьи о. Наумовича не сочиненныя по заказу (на замовленье); онѣ вылились изъ его

[1]) См „Матерьялы къ библіографіи Ив. Наумовича“ И. Е. Левицкого („Бесѣда“, Львôвъ 1894) Матерьялъ собранъ И Е Левицкимъ тôлько по 1899 г. Дальшіи данныи собраны авторомъ сей біографіи

сердца по требованію жизни, въ потребныя для народа минуты. Большею частію и почти (майже) исключительно онѣ выбраны (въ упомянутôмъ изданіи „Для народнаго чтенія“) изъ извѣстнаго журнала „Наука,“ который онъ основалъ, много лѣтъ издавалъ и въ которомъ до послѣднихъ дней принималъ самое живое, дѣятельное участіе. Журналъ этотъ былъ органомъ его для живой и постоянной бесѣды съ народомъ. Каждое движеніе народной жизни находило здѣсь откликъ. Отсюда сообщалось народу, что новаго въ мірѣ, что дѣлается въ другихъ странахъ и въ родной землѣ, въ особенности что дѣлается на святой великой Руси, что надо дѣлать въ праздничное и буднее время, чего беречься, чѣмъ заняться, что тамъ находится — въ глубинѣ земли и въ высотахъ небесныхъ. Онъ имѣлъ въ виду и духовныя и тѣлесныя нужды народа: разъяснялъ св. Писаніе, розсказывалъ изъ Священной и Церковной исторіи, знакомилъ съ Отцами Церкви и въ то-же время училъ, какъ воздѣлывать землю, ходить за пчелами, какъ вести домашнее хозяйство, давалъ врачебныи (лѣкарскіи) совѣты. А народъ, съ которымъ онъ такъ просто, такъ близко и сердечно говорилъ, нашъ родной народъ древней (стародавней) Галицкой земли, тотъ-же и по происхожденію, и по языку, и по исторіи, и по жизни, и по наклонностямъ и привычкамъ, какъ и нашъ народъ, въ особенности въ Малороссіи... Правда, мы не терпимъ чуждаго, ненавистнаго ига (ярма); правда, что жизнь наша съ внѣшней стороны обставлена иначе, чѣмъ въ бѣдной Галиціи, но и у насъ нужды много, а недуговъ нравственныхъ не менѣе, чѣмъ тамъ. Многое такъ идетъ въ этихъ статьяхъ къ запросамъ нашей народной жизни, такъ отвѣчаетъ потребностямъ народнаго быта и даже настоящей минуты, что какъ будто для насъ именно писалъ галицкій учитель свои сердечныя строки.“

Книжечки И. Наумовича: „Какъ въ простотѣ живутъ люди“ (Разсказъ изъ галицко-русской жизни. Петербургъ, 1891); „Христіанскія добродѣтели“ (Петербургъ, 1894), „одобрены для пріобрѣтенія въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній министерствомъ народнаго просвѣщенія“ въ Россіи (21 іюля 1894 г. н-ръ 14375), значитъ, тѣ книжечки находятся во всѣхъ гимназіяхъ и реальныхъ школахъ въ Россіи. О первой книжечцѣ газета „Сынъ Отечества“ (н-ръ 261, 1890 г.) такъ написала: „Бывшій галицко-русскій дѣятель, протоіерей Иванъ Григорьевичъ Наумовичъ, давненько уже извѣстенъ и въ нашемъ обществѣ своими разсказами изъ галицко-русской жизни. Нѣкоторые изъ его разсказовъ были переведены на нашъ языкъ, печатались въ русскихъ, преимущественно духовныхъ журналахъ и издавались даже от-

дѣльными книжками. Рисуя въ нихъ галицко-русскую жизнь, авторъ всегда касается такихъ сторонъ жизни, которыя могутъ быть болѣе всего поучительны для народа. Особенно много мѣста удѣляется въ нихъ доказательствамъ необходимости просвѣщенія и усерднаго исполненія заповѣдей и обрядовъ Христовой церкви.“ О первомъ изданіи книжечки „Христіанскія добродѣтели“, газета „Сельскій Вѣстникъ“ (н ръ 27, 1890) написала: „Всѣ статьи написаны разумно, для всякаго читателя понятно и потому представляютъ весьма полезное, поучительное чтеніе, особенно для молодежи, которая изъ этой книжки можетъ почерпнуть ясныя понятія о христіанскихъ добродѣтеляхъ, столь часто забываемыхъ въ нынѣшнее время.“ Другіи книжечки И. Наумовича, изданныи въ Россіи. одобрены для библіотекъ церковно-приходскихъ школъ, которыхъ въ Россіи въ 1899 году было 40.000. Такимъ способомъ труды И. Наумовича приносятъ пользу для всей Руси.

Въ самомъ дѣлѣ, Ив. Наумовичъ всю жизнь свою трудился для народа изъ любви къ нему... О Иванѣ Наумовичѣ можно сказати то, що сказалъ Достоевскій о Некрасовѣ: У него была „своя, своеобразная сила въ душѣ, не оставлявшая его никогда, — это истинная любовь къ народу...“ Такой всеобъемлюющей, глубокой любви къ народу никто въ Галицкой Руси не выказывалъ передъ И. Наумовичемъ, ибо ôнъ любилъ народъ за его добрыи стороны и за его горькую долю; ôнъ, якъ говоритъ Достоевскій о Пушкинѣ, „любилъ все, что любилъ народъ, чтилъ все, что тотъ чтилъ. Онъ любилъ природу русскую до страсти, до умиленія, любилъ деревню русскую. Это былъ человѣкъ, самъ перевоплощавшійси (перемѣнявшійся) сердцемъ своимъ въ простолюдина, въ суть (существо) его, почти въ образъ его.“ Ив. Наумовичъ имѣлъ полное право въ однôмъ письмѣ къ автору сей біографіи сказати о собѣ:

„Я готовъ ставать на Божій судъ, что жилъ не для себя, а грѣхъ мой въ томъ, что, любя народъ, я не послужилъ своему семейству по долгу!“

Львовъ, 6 (18) мая 1899.

Опечатки.

На стр.	въ строчцѣ	вмѣсто	должно быти
1	2	дѣятельностти	дѣятельности
1	6	дѣательности	дѣятельности
1	16	або	ибо
6	1	хостела	костела
6	10	забирался	собирался
6	11		и священного писанія
7	23	паробила	наробила
7	34	платпти	платити
11	17	руского	русского
12	13	кôльбла	кôлька
13	18	Нольща	Польща
14	10	который	которой
15	16	яхъ	якъ
17	12	грепадиръ	гренадиръ
17	21	Паумовичъ	Наумовичъ
17	44	Паумовичъ	Наумовичъ
18	19	любоввю	любовью
18	25	и тому	потому
21	2	щизмы	шизмы
21	29	дня	для
23	11	подсылалн	подсылали
23	19	скужатъ	служатъ
23	20	861	1861
24	20	падежная	надежная
24	21	ти	та
24	33	руская	русская

24	36	Мери	Матери
26	21	каменную	каменную
27	19	зневажнпую	зневаженную
28	46	подзыскати	позыскати
29	27	подпысанный	подписанный
29	46	серцѣ	сердцѣ
30	1	безъусловно	безусловно
31	17	возбужаютъ	возбуждаютъ
32	20	паготуемъ	наготуемъ
33	4	вырečепной	выреченной
33	45	кваевымъ	краевымъ
35	22	крайнимъ	крайнымъ
36	5	переробилась	переродилась
36	27	ôтправялося	ôтправлялося
37	1	соблазнь	соблазнъ
38		Ф. Гутовскнмъ	В. Гутовскимъ
42	24	корорыи	которыи
45	27	лальше	дальше
45	31	голося	голоса
46	1	тоношеніе	отношеніе
46	42	иптелигенція	интелигенція
47	16	чулшихъ	лучшихъ
48	10	полулярной	популярной
49	3	вліялія	вліянія
49	28	Климептій	Климентій
49	28	Емиліалъ	Емиліанъ
50	3	начилными	наличными
51	20	Михалилъ	Михаилъ
51	21	университена	университета
52	5	нъ	въ
53	1	меншого	мешного
54	29	Самыъ	Самымъ
54	41	почКра	початку
54	42	пôдъ атку	подъ Кралевымъ
56	18	Погляддъ	Поглядъ
57	6	всесеніями	внесеніями
57	23	но	на
57	36	подбае	подобае
60	6	вѣмъ	всѣмъ
60	39	округôръ	округôвъ
61	5	литературно	литературного
61	31	руского	русского
62	35	рôдпи	рôдни
63	19	веего	всего
64	15	шлолахъ	школахъ
64	18	прарительства	правительства

67	22	ôтступнцкомъ	ôтступникомъ
67	31	65	69
67	33	69	65
67	42	гомады	громады
68	8	сему	селу
68	42	боритися	боротися
69	10	Агдыковскимъ	Авдыковскимъ
70	3	закопамъ	законамъ
71	35	Наумовичъ	Наумовича
72	5	многополезпого	многополезного
73	12	во	но
74	3	пе	не
74	14	Влядиміра	Владиміра
74	41	Инстйтута	Института
74	41	скажелъ	скажемъ
75	6	сямо	самое
75	10	именпо	именно
75	16	всѣдствіе	вслѣдствіе
75	26	горорилъ	говорилъ
76	4	чилалъ	читалъ
76	32	мого	моего
79	22	вравительства	правительства
80	34	свого	своего
80	35	Нольщу	Польщу
80	42	Караджигъ	Караджичъ
80	42	лбо	ибо
81	10	поведенья	паденья

DATE DUE			